

ПИОНЕР

№ 10 ОКТЯБРЬ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», 1956 год

Сегодня и Завтра

Что здесь происходит? Почему самолёт очутился среди рыбацких лодок? Оказывается, он прилетел за рыбой.

Консервный завод, где перерабатывают рыбу, расположен далеко от этих озёр, но рыбаки нашли способ переправлять свой улов на завод: по воздуху!

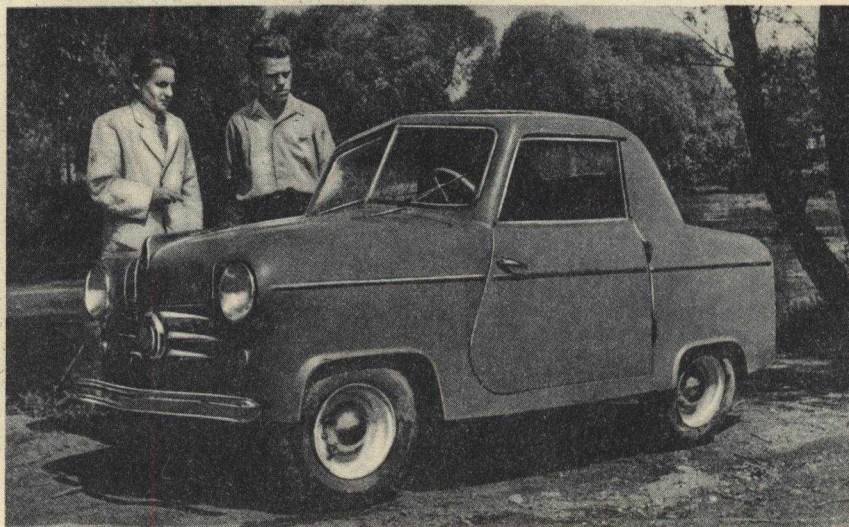
Много рыбы добывают в озёрах колхозники Ханты-Мансийского национального округа. Часто приходится самолёту «АН-2» совершать свои рейсы.

Дешёвый двухместный удобный автомобиль. Он нужен и туристу, и охотнику, и агроному, и врачу. О том, чтобы создать такую машину, задумались конструкторы Серпуховского мотоциклетного завода.

И вот перед вами опытная модель автомобиля «СЗЛ».

Он кажется совсем крохотным даже рядом с маленьким «Москвичом», но не во многом уступит ему.

Весит эта машина 370 килограммов, развивает скорость до 80 километров в час и расходует бензина в среднем 5 литров на 100 километров пути.

П И О Н Е Р

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ДЕТСКИЙ ЖУРНАЛ
ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВЛКСМ

№ 10
ОКТАБРЬ
1956

В этом номере:

Приключение не удалось. — Повесть Ю. Сотника. Рисунки О. Коровина	2
Далёкие голоса. — З. Шнекендорф, руководитель Комнаты интернациональной дружбы Московского дома пионеров	22
Ночной разговор. — Ю. Новикова. Рисунки Б. Винокурова	27
На Енисее. — П. Кузьмичёв	32
Бемби. — Ю. Нагибин. По одноименной повести Ф. Зальтена. Рисунки В. Ватагина	33
Масло из камня. — Ю. Моралевич	46
Мужчина. Таков наш обычай. — Стихи Цырена Бадмаева. Перевёл с бурят-монгольского В. Мартынов. Рисунки А. Ливанова	49
Ещё одна запись. — В. Альтов	50
Выдумщики, работяги, друзья... — Очерк А. Хмелика	52
Путешествие Голубой Стрелы. — Повесть Джанни Родари. Перевёл с итальянского Ю. Ермаченко. Продолжение. Рисунки А. Брея	58
Туча и ветер. — Стихи Р. Рашидова. Перевёл с даргинского Я. Козловский. Рисунок Ю. Кискачи	64
Всадник с красной звездой. — В. Сарнов	65
Война с улитками. — Е. Линник	71
Почему и отчего	72
Будьте любезны. — Л. Фридман	74
Спорт	75
В часы досуга	80

На обложке:

рисунок Ф. Лемкула
к рассказу А. Гайдара «РВС».

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

ПРИКЛЮЧЕНИЕ

Не удалось

Повесть Юрия Сотника.

Рисунки О. Коровина.

I

Для шестилетнего Вовки не было большего мучения, чем оставаться дома наедине с сестрой Варей. Ему хотелось плакать всякий раз, когда мама, уходя, говорила:

— Итак, Варя, ты сегодня в доме за старшую. Смотри за Вовкой. А ты, Вова, дай мне слово, что будешь во всём слушаться Варю.

Варя уже почти месяц училась в четвёртом классе. Куклы её больше не интересовали, поэтому она всё своё внимание перенесла на братишку. Оставаясь за старшую, она с таким рвением занималась уходом за Вовкой и его воспитанием, что у того, как говорится, темнело в глазах. То она стригла ему ногти, и без того короткие, то чистила на нём костюм, больно стучая щёткой по бокам и по спине, то вдруг заявляла, что у Вовки, «должно быть, жар», и заставляла его подолгу вылёживаться с градусником под ворохом тёплых одеял. Чтобы Вовка не избаловался, она в обращении с ним придерживалась двух очень простых правил: а) чего бы он ни захотел и о чем бы ни попросил, ни в коем случае ему этого не разрешать; б) как можно чаще делать ему замечания.

В то воскресенье Вовке пришлось особенно туго. Отец был в командировке, мама с утра уехала в деревню к внезапно заболевшей бабушке, предупредив, что вернется только через несколько дней. Варя, Вовка и их старший брат Федя остались в доме одни, и Варя всю развернула свою «педагогическую» деятельность.

Они обедали с Вовкой вдвоём, потому что Федя ушёл прогуляться с приятелями и куда-то запропал. Варя, одетая в голубой сарафанчик, сидела напротив братишки, вытянувшись, прижав голые локти к бокам, подняв голову с прозрачной золотистой чёлкой на лбу и куцыми, связанными на затылке косичками. Постукивая ножом по краю тарелки, она говорила мягко, но очень внушительно:

— Ну кто так держит вилку? Вованька, ну кто так держит вилку? А? Как мама тебя учила держать вилку?

Вовка подавил судорожный вздох, тоскливо взглянул на вилку, зажатую в кулаке, и долго вертел её, прежде чем взять правильно. И без того маленький, он так съёжился, что подбородок и нос его скрылись за краем стола, а над тарелкой остались только большой, пятнистый от загара лоб да два грустных серых глаза.

— Не горбись,— мягко сказала Варя.— Вот будешь горбиться и вырастешь сутулым. Вованька, я кому говорю!

Вовка выпрямился медленно, постепенно, слово его тянула за шею невидимая верёвка.

Варя взглянула на стенные часы, потом подошла к раскрытому окну и, высунувшись в него, посмотрела в одну сторону улицы, в другую...

— Безобразие прямо! Федька гуляет себе, как барин, а мне ему обед разогреть!

Пока Варя обзревала улицу, Вовка проделал следующий манёвр: он торопливо затолкал в рот все оставшиеся на тарелке куски помидоров, картошки, лука так, что щёки его раздулись до предела, затем глотнул, подумал было, что пришёл ему конец, затем глотнул ещё раз, потом ещё... И, тяжело дыша, с покрасневшими глазами обратился к Варе:

— Варь!.. Я уже покушал. Варя, я можно пойду Федю поищу?

Варя снова подошла к столу.

— А что нужно сказать, когда покушал?

— Варя, спасибо, я уже покушал, спасибо! — отчаянно затормозился Вовка.— Варя, я можно пойду на улицу?

— Лишнее это! — отрезала Варя и, подумав, добавила:— У тебя шея грязная. Сейчас будем шею мыть. Ужас, до чего запустили ребёнка!

Вовка помертвел. Мытьё шеи было самой страшной процедурой, которую сестра учиняла над ним в отсутствие родителей. В таких случаях Вовка подолгу стоял без рубашки, положив горло на край фаянсового умывальника, а Варя тёрла, тёрла и тёрла его жёсткой мочалкой и лила на него сначала нестерпимо горячую воду, потом холодную, прямо из-под крана, а после этого снова тёрла, тёрла и тёрла его, на этот раз уже мохнатым полотенцем.

Вовка заговорил было о том, что Варя вчера два раза мыла ему шею, но сестра перебила его:

— Вчера мыла, а сегодня опять грязная. Я прямо вся измучилась с тобой!

Она составила тарелки друг на друга и ушла с ними в кухню. Вовка сполз со стула и, держась руками за край стола, затаив дыхание, прикусив язык, бесшумно шагнул к двери, ведущей в переднюю. Постоял секунду, прислушиваясь, и снова шагнул.

Не вышло! Варя появилась на веранде. Через плечо у неё было перекинута мохнатое полотенце, концы которого свисали ниже её колен. В руках она держала страшную мочалку, похожую на лошадиный хвост.

— Идём! — сказала она.

— Варя, погоди! — заговорил Вовка с необычайным воодушевлением.— Варя, знаешь, что я тебе скажу? Я тебе, Варя, вот чего скажу!.. Знаешь, Варя, чего я тебе скажу?

Варя постучала по спинке стула указательным пальцем.

— Владимир! Без возражений у меня!

Вовка притих, потоптался немного на одном месте, вздохнул и, втянув голову в плечи, двинулся на кухню.

II

Пока Варя тиранила Вовку, их старший брат Федя прогуливался в другом конце улицы. С ним были его приятели: Слава Панков и Ната Белохвостова, по прозвищу «Луна». Они вели разговор о школьных делах.

— И вот вам, пожалуйста! — говорила Ната. — Никогда в нашем классе воровства не было, а с этого года началось. И я знаю, кто этим занимается: новенький этот... Пашка Бакланов. Помните, как у Гриши Тетёркина чёрные тараканы пропали? Он оставил коробку на парте и вышел из класса. И, заметьте, последним вышел... А Бакланов дежурил в этот день. А потом Тетёркин вернулся, глядь, ни коробки, ни тараканов! И, главное, в класс никто не входил. Мы с Федькой всю перемену тогда у двери стояли, разговаривали. Помнишь, Федя?

— Ага! — промычал Федя и больше ничего не сказал. Он был сегодня какой-то рассеянный. Он тащился рядом с Натой, загребая ногами сухие кленовые листья, усыпавшие тротуар, свежив набок курчавую голову, думая о чём-то своём. Всякий раз он отвечал невпопад или вообще ничего не отвечал.

— А как у меня с авторучкой получилось, — продолжала Ната. — Исчезла куда-то авторучка, и всё! Я думала, что просто потеряла, а через день смотрю: она у Бакланова из кармана торчит. Я к нему: «Бакланов! Это моя ручка!» «Докажи», — говорит. — «И докажу! Вот трещинка на колпачке, я её сразу узнала». А он: «Мало ли авторучек с трещинками! Ты докажи, что это твоя трещинка». Так и не отдал! Слава! Вот ты председатель совета отряда, вот ты скажи: и это правильно, что такой человек в пионерской организации находится?!

Председатель шагнул, заложив руки за спину, прижав широкий подбородок к воротнику гимнастёрки.

— Не пойман — не вор, милая моя. Пашка ещё что! Ты его старшего брата знаешь? В девятом классе учится. Так про него говорят, что он с настоящими ворами путается. Говорят-то говорят, а сделать ничего не могут. Ты сначала докажи, тогда уж и принимай меры. Верно, Фёдор, я говорю?

— Тараканы? Ага! — кивнул головой Федя.

Ната посмотрела на него.

— Федька!

Федя вздрогнул.

— А?

— Федька, что это ты сегодня... вроде не в себе какой-то? О чём ты мечтаешь?

Федя слегка улыбнулся:

— Так! Ни о чём. Просто так...

По ту сторону улицы на крыше одноэтажного дома копошились четверо парнишек, прилаживая к трубе шест для антенны. Увидев их, Федя замедлил шаги, а потом совсем остановился и крикнул:

— Эй, радисты!

Ната и Слава встревожились и стали тянуть его за рукава.

— Федька, опять за своё, да? — проговорила Ната.

— Фёдор, идём! Фёдор, не валий дурака! Фёдор, слышишь?

Но Федя упёрся.

— Эй! Радисты-аферисты!

Радисты бросили свою возню и вытянули шеи.

— Чего надо?

— Вы на свою антенну скворечник повесьте: толку больше будет.

— Давай катись отсюда, пока цел! — сказал долговязый малый лет пятнадцати.

— А чего ты мне сделаешь?

— Давай уходи, говорю, а то как дам сейчас! —

закричал долговязый и поднял с крыши деревянную рейку.

— Фёдор, мы уходим! Фёдка, последний раз говорю! — сказал Слава.

Но Фёда отмахнулся от приятелей и, скрестив на груди руки, уставился на долговязого.

— Ну, брось! Ну, бросай! Ну, чего же ты не бросаешь?

Рейка, крутясь, перелетела через улицу и угодила Славе в плечо. Радисты бросились к приставной лестнице и стали быстро спускаться во двор.

— Всё! Теперь газуем! — удовлетворённо сказал Фёда и легко, вприпрыжку понёсся по тротуару.

III

Радиолюбители хотя и выбежали на улицу, но от дальнейшей погони отказались. Пробежав метров сто, ребята пошли шагом.

— Здорово, а? — сказал Фёда. — Если бы мы тому, длинному, попались, тогда всё! Тогда от нас только мокрое место осталось бы.

— Дурак! Идиот! — прошептала Луна.

Председатель поднялся на цыпочки и, вытаращив на Фёду глаза, затряс перед ним головой.

— Знаешь, Фёдор... Я думал, что ты хоть за лето поумнееешь, а ты ведёшь себя, как... как дошколёнок! И вот что, Фёдор, если ты... если ты ещё раз выкинешь при мне такую штуку, тогда... тогда, в общем, всё! Тогда, в общем, давай копчим нашу дружбу. Хватит с меня!

Фёда очень серьёзно посмотрел на Славу и ничего не ответил. Прошли полквартала. Фёда молчал. Прошли целый квартал. Фёда не произнёс ни слова. Ната несколько раз искоса взглянула на него. Жёсткие каштановые волосы, которые вились упругими колечками, торчащие скулы, большой рот, вздёрнутый нос с широкими ноздрями — всё это было у Фёды грубоватое, типично мальчишеское, зато глаза такие, что ему позабывала бы любая девочка: огромные, тёмные, с густыми и длинными ресницами. Сейчас эти глаза смотрели вдаль так грустно, так меланхолично, что у Луны запершило в горле.

— Вот ты, Фёда, обижаясь, — мягко заговорила она, — но ты, Фёда, со стороны посмотри: ведь с тобой прямо ходить опасно! Ведь когда ты по Московской улице идёшь, тебе все вагоновожатые ещё издали кулаками грозят. Думаешь, им приятно, когда кто-нибудь на рельсах станет, да ещё руки на груди скрестит? Ведь если тебя задавят, кто будет отвечать? Они! А со вчерашними мальчишками!.. Играли себе ребята в футбол, а ты пристал: «Мазилы да мазилы!» Тебе развлечение, а мне из-за тебя полкосы, наверное, выдрали. Думаешь, приятно?

— «Полкосы!» — вмешался Слава. — Поглядите, что собаки с моими брюками сделали! Это ещё мать зашгуковала, потому не так заметно. А из-за кого? Из-за Фёдора! Его все собаки в районе ненавидят! Вот, пожалуйста, вот давайте понаблюдаем за той собакой, как она себя вести будет? Давайте понаблюдаем!

Метрах в двадцати впереди на каменном крыльце лежал средних размеров пёс с длинной грязно-белой шерстью. Он дремал, прикрыв морду хвостом.

— Вот! Обратите внимание: люди идут, а она хоть бы что, — сказал Слава.

Мимо крыльца в это время прошли двое муж-

чин, один даже протянул к собаке руку и щёлкнул на ходу пальцами, но пёс только приподнял голову.

— Во! Видели? — воскликнул Слава. — Даже не ткнула! А теперь мы пройдем. Погодите, не заметила ещё. Во! Теперь заметила.

Пёс повернул голову в сторону ребят, секунду посмотрел на них и встал на ноги. Ещё немного посмотрел... Спрятал хвост под живот. Бесшумно, словно на цыпочках, сбежал с крыльца и исчез под воротами. Через секунду оттуда послышался такой лай, словно во двор сбежалось штук двадцать собак-истеричек. Когда ребята миновали ворота и немного от них отошли, лай внезапно оборвался.

Ната оглянулась назад.

— Вот видишь! Вот посмотри, Фёда, как она удивляется, что ты ей ничего не сделал.

Фёда обернулся. Пёс сидел посреди тротуара, расставив передние лапы, развесив уши, и остолбенело глядел вслед удаляющимся ребятам.

Некоторое время Фёда шёл молча. Ребят он тяжело вздохнул. Вот ещё раз вздохнул.

— Ребята! Хотите, я вам откровенно скажу?

— Ну, что ещё скажешь? — проворчал Слава.

— Я вот сам много раз думал: отчего у меня такой характер?

— Ну?

— И вот я недавно понял, в чём тут дело.

— В чём, Фёда? — спросила Луна.

— Понимаете, это у меня от избытка энергии.

— Что?

— Отчего?

— От избытка энергии. Это давно известно. И в книгах об этом пишут: если у человека много энергии, а использовать её на какое-нибудь полезное дело он не может, тогда он начинает хулиганить. Он даже на преступление может пойти — до того доводит его эта самая энергия.

Слава замедлил шаги.

— Ах ты, бедненький! Энергию ему некуда девать! Четвёртый год состоит в пионерской организации и не знает, каким полезным делом заняться.

— А я, что ли, не занимался, да? Не занимался? — почти кричал Фёда. — Деревья в прошлом году не я сажал? А кому на линейке вынесли благодарность за участие в строительстве школьного стадиона, забыл?

— Так почему же, Фёда, ты говоришь, что тебе энергию некуда девать? — вмешалась Луна.

Фёда досадливо крутнул головой.

— Слушайте! Вот вы говорите, что я веду себя, как дошколёнок, а я вам скажу, что хотя вам и по тринадцать лет, но вы ничего не понимаете в психологии человека. Вот мы с вами сколько уже времени дружим, а вы меня вот ни на столичко не понимаете.

— Ну, что не понимаем, ну, что? — спросил Слава.

— А то! Полезное дело — полезному делу рознь! Один человек может всю жизнь прожить спокойно, на одном месте, а другому спокойная жизнь хуже всякой каторги. Великие путешественники с детства мечтали о путешествиях и всяких там исследованиях. Почему? Потому что характеры у них такие. Одним людям посадкой деревьев приятно заниматься... Я про них ничего не говорю, и очень даже хорошо, что им приятно этим заниматься, но сам я... сам лично... ну, не могу! Задыхаюсь прямо в спокойной обстановке.

Слава усмехнулся.

— Задышаешься в спокойной обстановке, а в поход по исследованию Кривого ручья?! Идти от- казался.

— В поход! На чёрта он мне сдался, твой поход! Ходить за ручку с Верой Васильевной да камушки собирать... Я о настоящих трудностях говорю, о настоящих опасностях...

Ребята дошли до угла переулка, в котором жил Слава. Здесь председатель остановился.

— Ну, ладно! Ты, я знаю, решил стать полярным исследователем, но это, когда вырастешь. А до этого ты будешь собак дразнить, чтобы использовать энергию?

— Нет, Станислав Михайлович, — медленно ответил Федя. — Собак дразнить я больше не собираюсь. Хватит!

— А что же думаешь делать?

— А вот что, — Федя помолчал, подыскивая слова. — Вот ты скажи, Слава, скажи, как, потвоему: это только в книжках так бывает, чтобы ребята убегали из дому, а потом становились моряками, путешественниками и всё такое?

Слава присвистнул:

— Эге! А ты что, собрался того... махнуть?

— Н-ну, может, ещё и не собрался, а думать, может быть, и думаю.

Слава покачал головой.

— Ну и ну! Луна, видела дошколёнка? Итак, куда же вы уезжаете, сэр? В Арктику или в Антарктиду?

Федя обиделся, заморгал длинными ресницами и собрался было что-то сказать, но Луна предупредила его:

— Знаешь, Слава... С тобой человек откровенно, как с товарищем разговаривает... Он, можно сказать, душу тебе открывает... И это очень глупо с твоей стороны шуточки шутить. Если хочешь знать, ничего тут смешного нет, что человек о приключениях и опасностях мечтает. Я, если бы была мальчишкой, может быть, и сама мечтала бы из дому удрать. Вот!

Ната умолкла.

Слава прижал руку к сердцу и поклонился ей и Феде.

— В общем, знаете что? Я с детским садом разговаривать не умею. Валийте, дуйте оба хоть в Южную Африку, а я обедать пошёл. Всего вам хорошего.

Он быстро пожал приятелям руки и зашагал по переулку. Ната посмотрела ему вслед.

— Слава вообще — неплохой парень, только скучный какой-то. правда?

Федя не ответил, о чём-то раздумывая. Вдруг он резко обернулся к Нате.

он — Луна!

— Что?

— Луна, хочешь узнать одну интересную вещь?

— Хочу. А какую вещь?

— Идём!

IV

Вовка уж четверть часа, как был поставлен Варей «в угол носом». За что его сестра так поставила, он как следует не понимал, да это его и не интересовало. Он был один в квартире, однако не решался не только выйти из угла, но даже оглянуться, хотя Варвара заявила ему, что уходит в магазин. Вовка прекрасно знал: ни в какой магазин она не пошла, а сидит сейчас на

лавочке у ворот и шепчется с подругами. Временами он слышал за своей спиной царапание, сдержанное кряхтение и понимал, что это Варвара, забравшись на выступ в стене и уцепившись за открытую оконную раму, заглядывает в комнату. Окажись Вовка в такой момент где-нибудь вне угла, тёмный чулан был бы ему обеспечен. Поэтому он терпеливо стоял, заложив руки назад, чтобы не колупать пальцами обоев, и дожидался возвращения Федя, к которому можно было бы обратиться с просьбой о помиловании.

Наконец он услышал, как Варя за окном проговорила:

— Федя, я уже два раза обед разогревала и больше разогревать не буду. Разогревай сам. Потому что это безобразие просто!

Вот в передней раздалися шаги. Вовка понял, что Федя идёт не один. Вот запахнулась дверь в комнату. Створка её прикрыла угол, в котором томился Вовка; он собрался было подать оттуда голос, но в этот момент Федя тихонько проговорил:

— Только, Натка, дай слово... дай самое настоящее честное слово, что ни за что никому не скажешь!

По мнению Вовки, секреты существовали только для того, чтобы он, Вовка, о них узнавал. Угол, в котором он стоял, из места заключения сразу превратился в очень удобное убежище. Вовка высунул на сторону язык, прикусил его и стал ждать, что будет дальше.

— Даю честное слово, — ответила Ната. — А в чём дело, Федька?

— Идём!

Федя провёл Натку к себе в «кабинет», отгороженный от остальной комнаты двумя шкапами. Здесь стояли диван, стул и стол с книгами, сваленными в кучу и перемешанными с частями разобранного будильника, пустыми гильзами от охотничьих патронов, обрезками велокамеры и тому подобным хламом.

— Значит, Натка, даёшь слово, что будешь молчать, даёшь?

— Даю, — тихо проговорила Ната.

— Ладно! — Федя подошёл к дивану и поднял сиденье. — Держи!

Ната упёрлась руками в край поставленного на ребро матраца. И тут Федя молча энергичными рывками стал вытаскивать спрятанные в диване вещи. Раз — и на полу очутился туго набитый рюкзак, из которого торчали подшитые валенки. Два — Федя бросил рядом с мешком стёганные ватные брюки и телогрейку. Три — и к этим предметам присоединилась шапка-ушанка.

— Всё! Опускай!

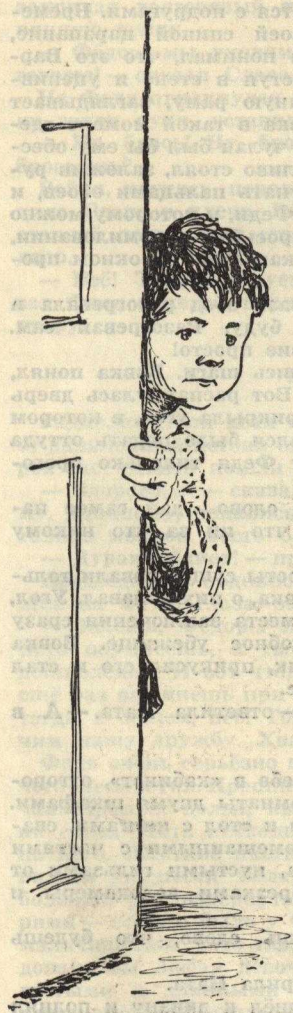
Ната опустила матрац. Федя застыл над своими вещами, расставив ноги, упершись кулаками в бока. Муха села ему на нос, но он и не шевельнулся, чтобы её прогнать.

— Что это? Для чего это? — тихо спросила Ната.

— Завтра вечером бегу на Север, — отчеканил Федя и стал смотреть, как открывается у Луны рот, как ползут вверх чуть заметные брови и как глаза из узких, похожих на щёлочки, постепенно становятся круглыми.

— Федька-а! Сумасшедший! — протянула она чуть слышно.

— Да, Натка! Решил, понимаешь, так: если уж задумал работать на Севере, так надо готовиться к этому теперь.

По мнению Вовки, секреты существовали только для того, чтобы он, Вовка, о них узнавал.

— Ой, Федька... По-моему, тоже дураком.

— Во! А я что говорю? Конечно, дураком! И знаешь, почему? Потому что человек должен сначала получить образование. Ну, теперь скажи: глупости я говорю? Фантазирую?

Луна замотала головой, словно на неё набросили тёмный мешок.

— Ой, Федька! Но ты же всё-таки бежишь!

— Бегу. Но ты послушай сначала, как я бегу! Ты о школах-интернатах в тундре что-нибудь читала?

— Читала.

— Ну, вот! Понимаешь, вот тебе тундра, кругом на сотни километров никакого жилья, только оленеводы кочуют со своими стадами. И вот для детей оленеводов устроены такие школы-интернаты: дети там живут и учатся. Кругом тундра, снега, а тут маленький посёлок, школа с интернатом, больница, фактория — культбаза, одним словом. Теперь смотри: есть тут фантазия или нет? Родителей сейчас дома нет, мама вернётся не раньше, чем через три дня. Завтра

— Ой, ма-мочки! — простонала Луна и села на диван.

Федя подошёл к ней поближе и слегка усмехнулся:

— Ну, что ты охашь? Только сейчас говорила, что сама убежала бы, если бы была мальчишкой...

— Ой, Федька! Но я же вообще говорила... Я же просто так говорила, а ты... Ой, какой ты сумасшедший!

— Натка! Ты не ойкай, а лучше послушай, как у меня всё продумано. И тогда поймёшь, сумасшедший я или нет. Ребячья это у меня фантазия или нет. Будешь слушать?

— Буду. Ой, мамочка!

Федя помолчал немного, прохаживаясь взад-вперёд, и заговорил:

— Ну вот! Предположим, какой-нибудь мальчишка решил бы бежать на Север, чтобы сразу стать великим исследователем. Кем бы он был? Дураком ведь!

— Ага,—кивнула поникшей головой Луна.

— Теперь так! А если бы этот мальчишка удрал из дому, чтобы не великим исследователем стать, а только юнгой на ледоколе. Кем бы такой мальчишка был?

ночью, когда Варвара уляжется, я забираю свои вещи и отправляюсь в Москву, а оттуда в Архангельск. И, конечно, пишу с дороги родным письмом: так, мол, и так, не беспокойтесь, пожалуйста, это мне не какая-нибудь ребячья дурь в голову взбрела, а просто я еду учиться в другое место. Ладно! Приезжаю в Архангельск, а оттуда пробираюсь в тундру, в школу-интернат, километров за сто. А там уж зима наступит... Куда им меня девать? Не выгонять же на мороз! Волей-неволей, а примут. А за год я докажу, что умею хорошо учиться, общественную работу буду вести... Меня и на следующий год оставят. А главное, родным нечего за меня беспокоиться: из школы им напишут, что, мол, «ваш Федя хорошо учится, никакие фантазии ему в голову не лезут, он хорошо поправился, потому что здесь чистый воздух».

— Федька! Да ведь тебя на первом вокзале поймают!

— Во-первых, я до Москвы не поездом, а попутной машиной поеду. А во-вторых, пока дома хватятся, я, знаешь, где буду!

— Ой! Всё равно... всё равно ты первому милиционеру подозрительным покажешься!

— Вот чудачка! Ты этим летом сама к бабушке ездила за двести километров. Ты кому-нибудь подозрительной показалась?

— Ну, ладно, Федька! Ну, пускай я не права. Но где ты деньги возьмёшь на дорогу?

— И это продумано! У меня знакомый мальчишка есть — в другой школе учиться, — так мы сговорились, что он фотоаппарат у меня купит, «Зоркий». Я ему на сто рублей дешевле, чем в магазине, продам. Потому я и задерживаюсь, что он только завтра вечером деньги получит. Ну, что, и теперь скажешь, что я сумасшедший?

Ната вскочила и в смятении забежала по комнате.

— Не знаю! Ой, Федька, я прямо ничего, ничего не знаю, что и сказать! Ой, ну неужели ты решишься? Это такой отчаянный поступок, такой отчаянный!..

— Владимир! Ко мне! — крикнула в этот момент Варя за окном.

V

Вовка всё это время простоял так, словно его приклеили носом к углу. Теперь он на цыпочках выбрался оттуда и скоро предстал перед сестрой, сидевшей на лавочке рядом с двумя подругами.

— Ну, Вова, ты больше не будешь? — спросила она, сдвинув брови.

— Не буду, — с готовностью ответил Вовка.

— Ну ладно! Я тебя так и быть прощаю, но чтобы это было в последний раз. Хорошо?

— Хорошо, — сказал Вовка, не поинтересовавшись, что именно должно быть в последний раз.

— Иди погуляй немного.

В другое время Вовка вприпрыжку умчался бы от сестры, но сейчас он медленно, бесшумно отошёл от неё лишь на несколько шагов и остановился, весь переполненный замечательной осевшей на него ещё в углу идеей.

Федя бежит на Север, в чудесную страну, о которой ему читали в сказке «Снежная королева» и в других интересных книгах. Почему бы ему, Вовке, не удрать вместе с Федей? Ведь дураком надо быть, чтобы стоять ни за что, ни про что по углам, терпеть мытьё шеи и глотать кашу «геркулес», в то время как можно вести приключенческую жизнь, катаясь на добрых и умных оле-

нях, любуясь полярным сиянием и глядя (издали, конечно) на живых моржей и белых медведей.

Решено! Вовка бежит вместе с Федей.

Возможно, правда, что Федя не пожелает взять его с собой, но у Вовки был накоплен богатый опыт. Этим летом в деревне Федя часто отказывался брать Вовку на рыбалку или в лес за грибами, а всё-таки Вовка и рыбачил вместе с ним и грибы собирал. Добивался он этого очень просто: он тайком, на почтительном расстоянии следовал за братом, пока не отходил далеко от дома, а потом объявлялся Феде. Тот, конечно, бранился, но прогнать Вовку не решился, боясь, что он заблудится на обратном пути. Так можно поступить и теперь. Главное, это не упустить момент, когда Федя побежит из дому, и следовать за ним тайком как можно дальше. Ведь не станет же Федя портить себе всё дело только для того, чтобы достать его, Вовку, обратно домой!

Занятый своими мыслями, Вовка стоял среди тротуара, ничего не видя перед собой, а в это время прямо на него, тоже ничего не видя перед собой, шла Ната. Она наткнулась на Вовку, машинально обогнула его и пошла дальше расслабленной походкой, временами приостанавливаясь и бормоча своё: «Ой, мамочки!». Только сейчас она обещала Феде прийти ещё раз вечером и помочь ему спрятать походное снаряжение на пустыре, чтобы Феде не пришлось заходить за

ним домой после того, как он продаст аппарат. И ещё она обещала сшить для Феде мешочек-ладанку со шнурком, чтобы вешать на шею. В этот мешочек Федя собирался зашить школьный билет и записку с указанием, куда сообщить о его смерти, если он погибнет в тундре, замеченный пургой.

VI

Вечером к Капустиным пришла старушка-соседка, чтобы вместе с Варей приготовить на завтра обед. Мешая гречневую кашу, Варя с

увлечением рассказывала ей, как она измучилась за время отсутствия родителей:

— Это прямо ужас какой-то, Анна Валерьяновна! Целый день, ну целый день, как белка в колесе! Чай приготовить — я! На стол накрыть — я! В комнатах убрать — я! Ни Фёдор, ни Вовка ну прямо палец о палец не ударят. Просто ужас какой-то!

— Уж такая наша доля с тобой, — весело подкидывала Анна Валерьяновна. — От мужиков помощи не жди. Какой в них прок, в мужиках!..

— Ну, что ты охашь? Только сейчас говорила, что сама убежала бы, если бы была мальчишкой...

И, конечно, ни она, ни Варя не догадывались, что оба «мужика», каждый по-своему, готовятся к тому, чтобы навсегда покинуть отчий дом.

Сидя у себя в «кабинете», Федя писал прощальное письмо родителям.

Вовка начал подготовку к побегу с того, что принялся запасаться продуктами. Послониавшись немного по квартире в поисках подходящей тары, он обнаружил на вешалке в передней варин мешок для галош и стащил его. Затем, выждав удобный момент, он пробрался к буфету и сунул в мешок полбатона хлеба, две горстки сахарного песка и несколько ломтиков свиного сала. Все эти запасы Вовка спрятал в свой ящик с игрушками.

Что ещё полагается брать с собой при поездке в Арктику, Вовка не знал. Расспрашивать об этом Федю он не рискнул и решил проконсультроваться у Анны Валерьяновны.

Потоптавшись с минуту на кухне, он спросил:

— Баба Аня, как вы думаете, север далеко?

— Дале-е-ко,— протянула Анна Валерьяновна.

— А вы там никогда не бывали?

— А как же! Бывала. У меня муж из Вологды. Я в последний раз туда в тридцать восьмом году ездила гостить.

Вовка никак не ожидал такой удачи. Он подошёл поближе к старушке, резавшей луковицу на доске.

— Баба Аня, а вы в шубе туда ездили?

— Зачем в шубе! Я летом ездила. Летом в шубе жарко.

— А какие вещи вы с собой брали?

— Да разве сейчас вспомнишь! Ведь это до войны ещё было. Помню вот, швейную машину возила свекрови в подарок...

Вовка отметил про себя, что швейная машина ему ни к чему, и перешёл к следующему вопросу:

— Баба Аня, а вот если бы на вас медведь напал, а ружья нет... Чем бы вы его тогда убили?

— Ма-агушки! Да я померла бы со страха, и дело с концом.

— Ну, а если бы не вы, а другой кто-нибудь... Чем бы он тогда медведя убил, если ружья нет?

— Ну, как чем? В старину, говорят, с рогатиной на него ходили, а вот когда я ещё молодая была, так наш сосед топором медведя у себя на пасеке зарубил.

VII

Часов в девять, когда Вовка уже заснул, пришла Ната. Федя поднялся из-за стола.

— Ты как раз во-время. Я только что кончил всякой писаниной заниматься. Мешочек сшила?

— Сшила,— чуть слышно прошептала Луна. Она сунула Феде в руки маленький мешочек из голубого крепдешина, отвернулась и стала быстро краснеть.

Федя увидел, что на мешочке розовыми буквами вышито: «Помни Н. Б.» Он тоже слегка покраснел.

— Спасибо, Натка! Дай руку. Я... я, знаешь, считаю, что ты... одним словом, самый лучший товарищ. Не такая, как все девчонки.

Он взял натину руку и несколько раз встряхнул её, а Луна

подёргала носом, раза два что-то глотнула, но всё же не заплакала и только сказала:

— Я с собой... иголку с нитками принесла. Ты положи в него, что нужно, а я зашью.

Федя вынул из ящика тетрадный листок и, прежде чем сунуть его в мешочек, перечитал, что там было написано. Прочла и Ната, заглядывая через федино плечо.

«Труп принадлежит бывшему ученику Третьей черёмуховской средней школы Капустину Фёдору Васильевичу. О смерти прошу сообщить по адресу: гор. Черёмухов, ул. Чехова, 16. Капустину Василию Капитоновичу. Труп прошу похоронить здесь же, в тундре».

Луна тихонько, но очень глубоко вздохнула и молча прошла до противоположной стены и обратно.

Пока она зашивала мешочек, Федя достал из дивана стёганку. То и дело прислушиваясь, не идёт ли Варя, он ремнём связал ватник в компактный узел.

— У тебя готово? Спасибо! Теперь знаешь, что? Попрощайся с Варей, будто домой идёшь, а сама выйди на улицу и стань под окно. Я тебе передам вещи, а потом сам выйду, и мы пойдём на пустырь.

Операция с багажом прошла благополучно. Закрыл окно, Федя крикнул Варе, что идёт прогуляться перед сном и вышел на улицу. Там он взвалил на спину рюкзак, Луна взяла подмышку ватник, и оба пустились в путь.

Стоял конец сентября, но вечер был по-летнему тёплый. Многие окна в домах были открыты, и почти из каждого окна слышались мягкие звуки вальса. В такт этому вальсу под большими клёнами прохаживались юноши и девушки. На ступеньках крылец, на лавочках у ворот сидели, негромко разговаривая, люди постарше.

Тёплый, ласковый вечер, грустный вальс, яркий месяц над поредевшей уже листвою клёнов — всё это действовало на Федю. Он вздохнул.

— Да, Натка! Кто его знает: может, увидимся мы завтра в последний раз — и всё: больше не встретимся. Как ты думаешь, а?

Ната ничего не ответила.

— С севером шуточки плохи,— продолжал Федя. — Мне, может быть, километров сто придётся идти по этой самой тундре, а там, небось, снег уже будет. Задула пурга — и готово, нет Фёдора Капустина. Может, и не найдут меня никогда... Так твой мешочек со мной и сгниёт. А, Натка?

Ната вдруг резко, всем корпусом повернулась к Феде.

— Ох, Федька! Знаешь, как я весь сегодняшний день переживала! Я вот дала тебе слово, что никому не скажу, а может, мне нужно было бы выдать тебя, и пусть бы ты меня сначала презирал, зато потом всё равно спасибо сказал бы, что я тебе помешала такую глупость совершить...

— Ну, и почему же не выдала? — с холодком в голосе спросил Федя.

— Потому что... Потому что я потом подумала: а вдруг ты и в самом деле такой... о которых в книжках пишут. Мало ли мы читали, как мальчишки убегали из дому и их сначала никто не понимал, а потом они всякими знаменитостями становились. Может быть, и тебя тоже никто не понимает и я не понимаю, а у тебя и в самом деле такой характер, что ты не можешь в спо-

койной обстановке... Может, у тебя и в самом деле такое призвание, чтобы всякие белые пятна исследовать. Ой, Федька!.. Одним словом, ничего-ничего я не знаю, только никогда я не думала, что ты такой... такой необыкновенный.

Федя с великим удовольствием слушал Натю, и ему очень хотелось теперь же, на деле доказать Луне свою необыкновенность, но как это сделать, он не знал.

По обеим сторонам дороги вместо домов уже тянулся пустырь. Раньше здесь стоял барачный посёлок. Этим летом бараки снесли, чтобы строить на их месте стадион. Груды не вывезенных ещё обломков при тусклом свете месяца казались какими-то особенно корявыми и большими. Поглядывая на них, Ната приблизилась к Феде так, что их плечи касались друг друга, и сказала, понизив голос:

— Федька!.. Вот уже даже сейчас про нас можно было бы рассказ написать: как ты в побег собираешься, как я тебе помогаю и как мы ночью идём прятать вещи на глухой пуст... — она вдруг запнулась, остановилась и, испуганно раскрыв глаза, прошептала: — Ой! Слышишь?

Со стороны пустыря донёсся страшный стон... Нет, это был не стон, а какой-то гнусавый вой, страдальческий и вместе с тем полный нечеловеческой злобы. У Феде ёкнуло сердце. Вой постепенно замер, но через секунду послышался снова. Луна вцепилась Феде в локоть.

— Федька, что это?

— «Коты дерутся», — смекнул про себя Федя, а вслух сказал хладнокровно и деловито:

— Эге! Это надо расследовать! Дай-ка стёганку. Я спрячу вещи и заодно посмотрю, что там такое.

Он бесстрашно запрыгал по обломкам и исчез в темноте.

Луна стояла среди дороги, чувствуя, как дрожат коленки, а по спине словно льётся холодная струйка. Но вот она тоже догадалась, кто это так страшно воет.

— Федя! Это коты! — смеясь, закричала она, когда тот минуты через две снова вышел на дорогу.

— Да-а, коты, — не очень охотно согласился Федя.

Луна вдруг перестала смеяться. Подойдя к Феде, она заглянула ему в лицо.

— Федька! Но ведь ты-то не знал, что это коты! Ну, неужели ты ни капельки не боялся?

Федя чуть заметно усмехнулся.

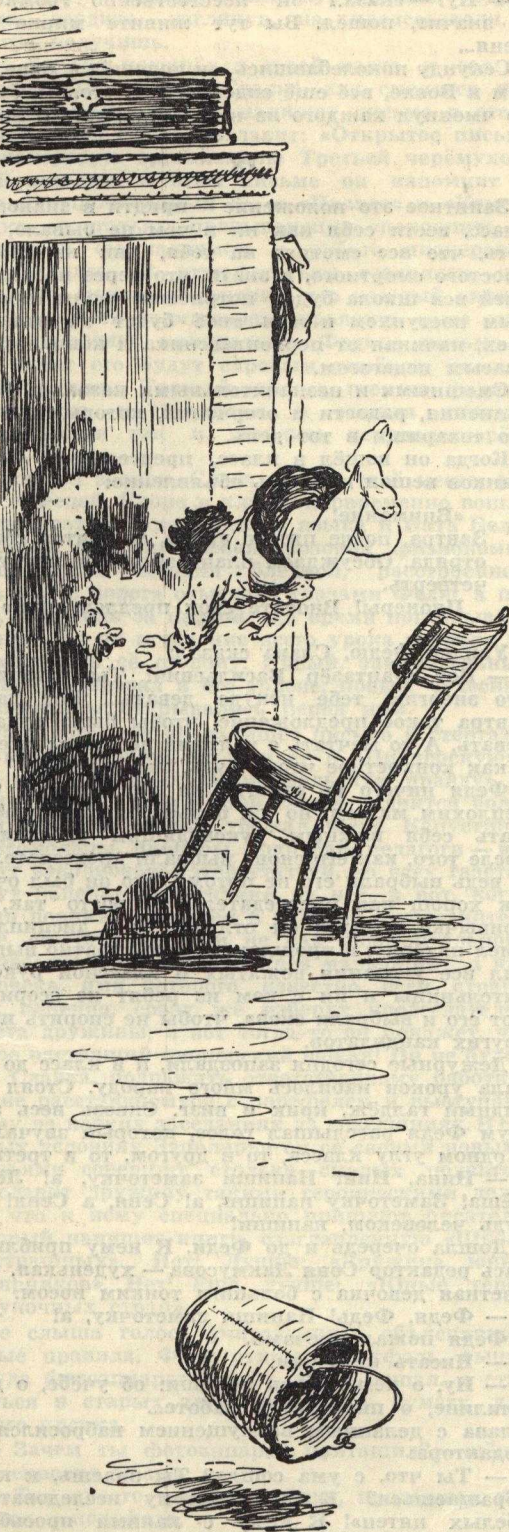
— Скоро мне придётся слушать, как целые волчьи стаи воют, — очень медленно выговорил он. — Что ж, прикажешь мне их бояться?

И всю обратную дорогу Луна шла рядом с Федей притихшая, молчаливая, временами сбоку осторожно поглядывая на своего удивительного спутника, а тот тоже молчал, не желая нарушать благоговейной, очень приятной для него тишины.

VIII

Утром Варя, учившаяся в первой смене, разбудила Федю, но после её ухода он снова заснул, потому что ночью проворочался часов до четырёх.

Вовка, оставшись без надзора, развил лихорадочную деятельность. Он вытащил из чулана большой топор, необходимый для обороны от

Вдруг стул подвернулся и упал, и Вовка полетел...

медведей, и сунул его к себе под кровать, потом бесшумно, как мышь, начал шнырять по квартире, стараясь угадать, куда мама запрятала на зиму его шубу и валенки. Он выдвинул и перевернул все ящики комода, осмотрел платяной шкаф, вскрыл чемодан и корзину, стоявшие друг на друге в передней. Он так перекопал хранившиеся там вещи, что потом не смог закрыть ни корзины, ни чемодана, да к тому же ему оказалось не под силу снова поставить их друг на друга. Он понимал, что за это ему грозит от Вари суровая кара, но не страшился её. Он ведь не знал, что ему предстоит пострадать зря, что Федя собирается бежать прямо из школы, не возвращаясь домой.

Шубы и валенок нигде не оказалось. Осталось обследовать ещё один чемодан, хранившийся на шкафу. Придвинув к шкафу стул, Вовка поставил на него принесённое из кухни пустое ведро. Забравшись на стул, он оттуда поднялся на днище ведра и, уцепившись за верх шкафа, стал на спинку стула сначала одной ногой, потом двумя. Вдруг стул подвернулся и упал, и Вовка полетел на кадку с фикусом, стоявшую на табурете. Ведро загремело, кадка бухнула об пол, Вовка, сидя на полу, тоненько завыл, и Федя, всклокоченный, в одних трусах, выскочил из «кабинета».

— Что это ты? Откуда ты свалился?

— Отту-у-уда! — проплакал Вовка, показав глазами на шкаф.

— Зачем ты туда полез? За каким чёртом тебя туда понесло?

— Хотел прове-ерить, не завелась ли в чемодане мо-о-о-оль, — рыдая, соврал Вовка.

Такая вовкина хозяйственность рассмешила Федю, да к тому же он вспомнил, что видит братишку последние часы. Он ласково успокоил Вовку, водрузил неповреждённый фикус на место и даже запер и поставил друг на друга корзину с чемоданом, в которых Вовка, по его словам, тоже искал моль.

У Федю всё было готово к побегу, он мог бы пуститься в путь хоть сейчас, но задерживал Миша Полозов — мальчик, с которым Федя сговорился о продаже фотоаппарата. Мать обещала Мише подарить деньги только сегодня вечером, по возвращении с работы. Миша не хотел ей говорить, что покупает аппарат с рук, поэтому было условлено, что покупатель и продавец встретятся для совершения сделки на улице сегодня в половине восьмого.

Уроков Федя делать не стал, все учебники его лежали в рюкзаке на пустыре. Он и в школу-то собирался пойти лишь для того, чтобы попрощаться с ней да убить время. Позавтракав, он стал слоняться по дому, то и дело поглядывая на часы, а Вовка вместо того, чтобы пользоваться отсутствием Вари и гонять по улице, всюду бродил за ним и временами спрашивал, пойдёт ли сегодня Федя в школу, когда он вернётся из школы домой и что собирается делать сегодня вечером.

В половине первого пришла Варя. Сели обедать. За столом Варя, как всегда, «воспитывала» Вовку, а Федя с грустным умилением смотрел на них.

Но вот часы пробили половину второго.

— Пора! — шепнул сам себе Федя.

Он резко поднялся, на минуту удалился к себе в «кабинет» и вернулся с портфелем, в котором лежали фотоаппарат да старые тетрадки.

— Ну! — сказал он неестественно громко. — Я, значит, пошёл. Вы тут живите мирно без меня...

Секунду поколебавшись, он подошёл к Варе, затем к Вовке, всё ещё сидевшим за столом, быстро чмокнул каждого из них в макушку и исчез.

IX

Занятное это положение — прийти в знакомый класс, вести себя как ни в чём не бывало, видеть, что все смотрят на тебя, как на самого простого смертного, и знать, что через несколько дней вся школа будет потрясена твоим отчаянным поступком и имя твоё будет на устах у всех, начиная от первоклассника и кончая седовласым педагогом.

Смешными и незначительными казались Феде волнения, радости и огорчения, которыми жили его товарищи в тот день.

Когда он вошёл в класс, председатель Слава Панков вешал на дверь объявление:

«Внимание!

Завтра, после пятого урока, состоится сбор отряда. Обсуждаем план работы на первую четверть.

Пионеры! Вносите свои предложения!»

Увидев Федю, Слава сказал:

— Вот, Фантазёр Васильевич! Ты говоришь, что энергию тебе некуда девать... Вот давай завтра такое предложение, чтобы было куда её девать. А то мечтать о великих делах ты мастер, а как конкретное что-нибудь, так в кусты.

Федя ничего не ответил на это. Славка был неплохим малым, но уж больно он стал воображать себя важным руководящим работником после того, как его снова выбрали председателем. А ведь выбрали его не потому, что он был очень уж хорош как председатель, а просто так, по привычке. Учился он отлично, по дисциплине имел пятёрку, в прошлом году аккуратно выполнял все указания вожатых и классной руководительницы и ни с кем из ребят не ссорился. Вот его и выбрали снова, чтобы не спорить из-за других кандидатов.

Дежурные сегодня запоздали, и в класс до начала уроков набилось много народу. Стоял изрядный галдёж, крик и визг. Сквозь весь этот шум Федя расслышал голос, который звучал то в одном углу класса, то в другом, то в третьем:

— Нина, Нин! Напиши заметочку, а! Лёш!.. Лёша! Заметочку напиши, а! Сеня, а Сеня! Ну, будь человеком, напиши!

Дошла очередь и до Федей. К нему приблизилась редактор Соня Лакмусова — худенькая, бесцветная девочка с большим тонким носом.

— Федя, Федь! Напиши заметочку, а!

Федя пожал плечами.

— Писать не о чем.

— Ну, о чём-нибудь напиши: об учёбе, о дисциплине, о пионерской работе...

Слава с деланным возмущением набросился на редактора:

— Ты что, с ума сошла? Ты знаешь, к кому обращаешься? К знаменитому исследователю «белых пятен»? К нему с какими просьбами можно обращаться? Спустишься к центру Земли, слетать на Марс — это ему раз плюнуть... А ты с какой-то там заметкой, да ещё о какой-то там пионерской работе!.. Тьфу! Станет он мараться с такой ерундой!

— Ладно! Напишу заметку! — сказал вдруг Федя, сердито взглянув на председателя. — Завтра получишь.

Он быстро подошёл к своей парте и сел на скамью. Он покажет Славке, как смеяться над ним! На прощание он напишет письмо в стенгазету и так его и озаглавит: «Открытое письмо в пионерскую организацию Третьей черёмховской школы». В этом письме он напомним о статьях, прочитанных им в «Правде» и «Комсомолке», о статьях, призывающих «покончить со скукой и формализмом в работе пионерской организации». В этих статьях говорится, что пионерам нужна романтика, что каждый пионер должен иметь возможность проявить свою смелость, энергию, инициативу. Федино письмо и сам побег его будут суровым упрёком пионерской дружине Третьей школы, где его, федино, стремление к подвигам и жажда кипучей деятельности так и остались неудовлетворёнными.

Завенел звонок. Слава сел на своё место, рядом с Федей. Скоро в класс одновременно вошли преподавательница русского языка и Ната Белохвостова. Обычно свежая, розовая физиономия Луны была сегодня бледной, расстроенной. Она ещё с порога отыскивала глазами Федю, а потом, уже сидя за партой, всё время поглядывала на него, но он в течение всего урока ни разу не посмотрел в её сторону. Новый, замечательный замысел созрел в его голове, новые, чудесные перспективы открывались перед ним.

Мало того, что он напишет письмо в стенгазету, копию письма он пошлёт в «Пионерскую»... нет, ещё лучше — в «Комсомольскую правду», и, может быть, скоро в этой газете появится большая статья «Почему убежал Федя Капустин?» Комсомольцы, пионеры, родители, педагоги — все будут взволнованы этой статьёй, во всех газетах будут напечатаны отклики на неё, и вот, когда Федя появится наконец в далёкой школе-интернате, его встретят там не как подозрительного, неизвестно откуда явившегося мальчишку, а как человека, имя которого известно всей стране. Его, конечно, сразу же изберут председателем совета дружины, и вот тогда-то он покажет, что такое настоящий пионерский вождь! Он не будет, как Славка, подражать ответственному работнику, не расстающемуся с портфелем и выступающему на всяких заседаниях да совещаниях. В суровых условиях Заполярья он со своими новыми друзьями совершит столько смелых подвигов, прославит дружину такими героическими делами, что к нему специально пришлют писателя, который напишет книгу, озаглавленную «Школа бесстрашных»... Нет! Лучше: «Дружина юных полярников». Нет! Ещё лучше: «Юные герои полуночных стран».

Не слыша голоса учительницы, объяснявшей новые правила, Федя открыл портфель, вынул оттуда фотоаппарат, чтобы он не мешал, и стал рыться в старых тетрадках, ища бумагу для своего письма.

— Зачем ты фотоаппарат притаил? — шёпотом спросил Слава.

— Так просто, — ответил Федя, продолжая копаться в портфеле.

— Можно посмотреть?

— Смотри.

Председатель расстегнул футляр и стал вертеть в руках новенький, блестящий матовым блеском аппарат, то рассматривая его спереди, то за-

глядывая в окошечки дальномера и видоискателя.

Ни Слава, ни Федя не заметили, что ещё один человек заинтересовался «Зорким». Это был сидевший позади них Пашка Бакланов — небольшого роста, смазливый светловолосый мальчишка. Увидев в руках у Славы фотоаппарат, он уже не отрывал от него больших светлосерых глаз и даже несколько раз приподнялся, чтобы получше его разглядеть.

X

Впервые в жизни Федя трудился над таким литературным произведением, которое собирался послать в редакцию настоящей газеты. Это вам была не какая-нибудь контрольная по литературе! На протяжении четырех уроков он выдирает из тетрадок чистые листки, писал, зачёркивал и снова писал. Слава скоро заметил, что федины занятия не имеют никакого отношения к урокам, и стал спрашивать, что он сочиняет, но Федя лишь загораживал написанное рукой да бормотал:

— Отстань! Потом узнаешь!

Как только закончился урок, Луна подошла к Феде и зашептала:

— Федя, ну как? Может быть, ты всё-таки раздумал? Ой, Федька, я из-за тебя сегодня почти всю ночь не спала! И я ни одного, ни одного урока не приготовила, так волновалась! Теперь я прямо не знаю, что буду делать, когда меня спросят...

Всю первую перемену и всю вторую Луна не отставала от Феде и всё шептала о том, как она волнуется. Наконец он сказал:

— Не подходи больше ко мне. Видишь, за нами наблюдают!

И действительно, ребята уже поглядывали на них с ехидными усмешками.

— Хорошо, — покорно согласилась Луна. — Федя, а можно я тебя потом провожу?

На это Федя согласился. До конца уроков Луна больше не приближалась к нему и бродила на переменах одна, сторонясь подруг, томимая страшной тревогой, которая всё росла по мере того, как учебный день приближался к концу.

Томился и Пашка Бакланов. Обычно он все перемены проводил на втором этаже, где у него были какие-то приятели, но сегодня он ни разу не спустился на второй этаж. На переменах он слонялся по классу, сунув руки в карманы брюк, что-то насвистывая пухлыми губами и равнодушно, но слишком уж часто поглядывая на Федю парту, куда тот сунул свой аппарат. Когда же дежурные выгоняли его из класса, он становился у дверей и, продолжая свистеть, так же равнодушно следил за Федей большими светлосерыми, слегка навываке глазами.

После пятого урока Федя отвел Нату в сторону. Он передал ей конверт с письмом к родителям и переписанное начисто послание в стенгазету.

— Письмо завтра опустишь в почтовый ящик. А вот эту статью передашь Соне Лакмусовой. Понятно? Статью можешь прочесть, если хочешь.

Два последних урока прошли скудно. Феде очень хотелось, чтобы преподаватели поинтересовались, сделал ли он домашние задания. Он не стал бы врать, не стал бы выкручиваться. Он поднялся бы и вежливо, но твёрдо сказал учителю заранее приготовленную фразу:

— По причинам, о которых я не могу говорить, я сегодня уроков не приготовил.

Федя нарочно вертелся на парте, громко заговаривал со Славой, чтобы на него обратили внимание, но никто из учителей его так и не спросил, зато Луну, которая не приготовила ни одного домашнего задания и от волнения забыла всё, что раньше учила, вызывали к доске на каждом уроке. Получив очередную двойку и идя к своей парте, она с укором взглядывала на Федю: из-за тебя, мол, всё это!

Но вот наконец зазвучал звонок, возвещавший окончание учебного дня. Для всех ребят это был звонок как звонок, а в фединых ушах он загремел, как набат. С бьющимся сердцем путешественник встал со скамьи. Ребята, толкаясь в дверях, хлопая друг друга портфелями по спинам, выбегали из класса. Когда класс почти опустел, бледная, как стенка, Ната подошла к Феде.

— Не надо торопиться, — тихо сказал он, а-то ещё кто-нибудь пристанет на улице, чтобы вместе домой идти.

Они постояли минуты две на площадке лестницы, глядя, как почти кубарем летит по ступенькам то один класс, то другой; когда же движение на лестнице затихло, стали спускаться сами.

— Федя, может, ты всё-таки передумашь? — с тоской в голосе спросила Луна.

— Передумую? Плохо ты меня знаешь, Наточка!

Луна помолчала.

— Федька, но ты мне писать будешь, да? Обязательно? Федя, я вся изведусь от волнения, пока не получу от тебя письма.

— Я тебе с дороги напишу. Как только сяду в поезд в Москве, так и напишу.

Лестница кончилась. Полутёмная раздевалка была почти пуста. Лишь в дальнем конце её одевалось несколько девочек, которым мамы уже запрещали выходить без пальто.

Федя остановился. Грустно улыбаясь, он медленно обвёл глазами длинные ряды вешалок за деревянным барьером, четырёхгранные колонны, поддерживающие потолок, красные полотнища с лозунгами на недавно выбеленных стенах.

— Ну что ж! — сказал он полушутя, полусерьёзно. — Прощай, раздевалочка! Одним человеком меньше будет толкаться в тебе по утрам. — Федя взглянул на Луну, заметил, что та моргает и дёргает носом, и ему захотелось ещё больше её растрогать. — И вообще вся школа, прощай! Не поминай лихом твоего ученика Фёдора Капустина... И вообще... Чёрт! — сказал он вдруг совсем другим тоном и хлопнул кулаком по портфелю. — Аппарат в парте забыл! Подожди меня, я сейчас.

XI

Радуюсь тому, что во-время вспомнил про аппарат, Федя легко взбежал на второй этаж, где уже стояла мёртвая тишина, и стал подниматься на третий, откуда тоже не доносилось ни звука. Путешественник одолевал уже последнюю дюжину ступенек, глядя на дверь своего класса, приходящуюся напротив лестницы, как вдруг эта дверь бесшумно отворилась, и из неё выбежал Пашка Бакланов. Он выбежал и, увидев Федю, сразу остановился... В следующую секунду он низко-низко опустил голову, сорвался с места и понёсся вниз с невероятной быстротой, тарахтя подмётками по ступенькам.

Федя легко взбежал на второй этаж.

У Феде ёкнуло сердце. Он сразу вспомнил, что говорила Ната о Бакланове. Мгновенно он успел заметить, что Пашка прижимает что-то рукой к груди и что гимнастёрка под этой рукой у него чем-то оттопырена. В несколько прыжков Федя достиг двери класса, кинулся к своей парте и поднял крышку. Аппарата не было! Федя по локоть засунул руку в парту и пошарил там... Пусто! Федя побежал было обратно, но тут же вернулся и поднял крышку парты там, где сидел Слава. Тоже пусто! Сложив голову путешественник бросился вон из класса, за несколько секунд пролетел всю лестницу и промелькнул мимо раздевалки с такой быстротой, что Луна, разговаривавшая с девочками, его не заметила.

Он во-время выскочил на улицу, как раз в тот момент, когда Пашка бегом завернул в переулок в сотне метров от школы. Федя промчался это расстояние куда быстрее, чем требовалось по нормам БГТО, и тоже свернул, ожидая увидеть перед собой удирающего Пашку, но Пашки впереди не оказалось. Федя остановился, растерянно оглянулся и вдруг увидел Бакланова в двух шагах от себя. Тот стоял, прислонившись к стене дома, рядом с тремя какими-то парнями, стоял спокойно, заложив руки за спину, и только тяжело дышал. Путешественник бросился к нему.

— Отдай аппарат!

Пашка выкатил на Федю большие светлые глаза.

— Чего?

— Отдай аппарат, слышишь!

— Какой аппарат?

— Такой! Который ты у меня из парты взял!

— Я?

— Да, ты! Ты!

— А ты видел?

— А вот и видел! Ты его под гимнастёркой нёс. Отдавай, слышишь?! Отдавай, а то худо будет!

— Лёша, во псих-то! — пробормотал Пашка, оглянувшись на одного из парней, и вдруг грудью полез на Федю. — Чего ты, гад, лезешь, чего пристаёшь! Ну, докажи, что я взял, ну, докажи!

— Паш!.. Спокойно! — произнёс в этот момент чей-то голос, и рослый, широкоплечий парень отделился от стены. Он был такой же смазливый, как Пашка, у него были такие же золотистые волосы, сочные губы и светлые, чуть навыва-те глаза.

«Пашкин брат», — сообразил путешественник, и ему вдруг стало очень не по себе.

— Слушай-ка... Ну-ка постой... Тебя как зовут? — тихо спросил парень, подойдя вплотную к Феде.

Тот слегка попятился.

— Ну, Фёдором, зовут... А в чём дело?.. В чём дело?

Чуть слышно, медленно и даже вроде как благожелательно парень заговорил:

— Ты, что же это, Федя, а? Ты соображаешь, что делаешь? У тебя вот тут что-нибудь есть, чтобы человека в таких делах обвинять? Ведь за такие дела людям срок дают, ты соображаешь это, а? Ты Пашу видел, как он взял аппарат? Ну, где у него аппарат, а ну, где?

Федя покосился на Пашку. Под гимнастёркой у него теперь и в самом деле ничего не было. Федя машинально скользнул взглядом по фигуре пашкиного брата и вдруг увидел, что пиджак его над правым карманом брюк оттопырен и из-под него петелькой свисает узкий кожаный ремешок, ремешок от футляра «Зоркого»!

Парень заметил, куда смотрит Федя, но ни-сколько не смутился. Он даже не спрятал ремешок. Он лишь придвинулся поближе к путеше-ственнику, как бы навис над ним и продолжал попрежнему тихо, неторопливо, не спуская с Феде светлых неподвижных глаз:

— Ты, Федя, меня послушай. Зря свистеть на человека — это дело нехорошее. Ты это учти. За такое дело по головке, Федя, не гладят. За такое дело можно и по рогам получить. Понятно, Федя?

Путешественник не издал ни звука. Весь съёжившись, он только озирался по сторонам. Справа и слева к нему подступили два других парня, и один из них, низкорослый, веснушча-тый, в красной майке под распахнутым пиджа-ком и в кепке почти без козырька, хрипел ему в самое ухо:

— Слуш-ка!.. Ты где живёшь, а? Ты на ка-кой улице живёшь? Ты скажи, где живёшь?

— Но, но! — остановил его пашкин брат. — Ты у меня Федю не трогай. Федя — парень свой. А ты, Федя, больше таких поступков не допускай. Да-вай, чтобы всё было по-хорошему. Для твоей пользы говорю. Ясно, Федя? Так что давай!

Он кивнул оцепеневшему путешественнику, взял обоих парней под руки, и все они вместе

с Пашкой не спеша пошли по тротуару. Пройдя шагов десять, пашкин брат обернулся через пле-чо и ещё раз кивнул.

— Федя, учти! — напомнил он.

Федя стоял и смотрел, как удаляются в густые сумерки воры, как уплывает вместе с ними его аппарат. Федя стоял неподвижный, словно ока-менелый, а вместе с тем каждая жилка в нём кричала: «Да что ж ты стоишь! Ведь это не аппарат ты теряешь, это идёт насмарку сегод-няшний побег, летят к чёрту мечты о чудесной жизни, полной увлекательных приключений! Ну, действуй же! Выручай аппарат! Зови прохожих, кричи на весь переулок!». Но стоило Феде от-крыть рот, чтобы закричать, напрячь мускулы ног, чтобы броситься за ворами, как в ушах его начинало звучать: «Федя, учти: за такое дело и по рогам можно получить». Рот у искателя при-ключений сам собой закрывался, и ноги станови-лись хлипкими, как варёные макароны.

ХП

— Я тебе сколько раз говорила, ложись спать! Я тебе сколько раз говорила, ложись спать! Я те-бе сколько раз говорила, ложись спать! — Шлё-пая братишку пониже спины, Варя притащила его на кухню, где хозяйничала Анна Валерьянов-на, и поставила его перед умывальником. — Руки!

Пашка сорвался с места и понёсся вниз с невероят-ной быстротой...

Мыло возьми! Это просто ужас, что за ребёнок! Половина десятого, а он вместо того, чтобы спать... Зубы! Вот порошок... такие штуки выкидывает! Воображает, что если залез под стол, так я его не найду. С мылом лицо! Вот здесь три! Уши, Владимир, уши!

Вовка был так расстроен, что даже ни разу не пожаловался, что вода холодная, что мыло ест глаза. Он пребывал в страшной тревоге с того момента, как увидел в окно возвращающихся из школы фединых одноклассников. У Вовки всё было готово к отправлению в путь: топор для обороны от медведей лежал под кроватью, в мешок для галашей он добавил ещё кусок хлеба и две большие помидорины. Тёплых вещей он не нашёл и решил, что обойдётся как-нибудь осенним пальто, кепкой и галошами. Вовка ждал Федю, а Федя всё не было.

С девяти часов он стал избегать встречи с Варварой, боясь, что та уложит его спать. Для этого он заперся в уборной. Напрасно сестра колотила в дверь кулаками и кричала:

— Владимир, выходи немедленно! Это ещё что за новости, по целому часу сидеть!

— Ва-ря, у меня жжживо-о-от болит,— трагически тянул Вовка и в подтверждение старательно кряхтел, стоя перед дверью. И он не дрогнул даже тогда, когда Анна Валерьяновна громко сказала из кухни:

— Раз живот болит, стало быть, клизму надо поставить. А ну, Варя, грей-ка воду, да побо-ольше, чтобы как следует его пробрало!

Вдруг раздался стук в дверь. Вовка разом высочил в переднюю, но это пришёл не Федя, а Ната Белохвостова, бледная, с блуждающим взглядом.

— Федя дома?

— Не приходил ещё,— ответила Варя.— Я сама прямо не знаю, куда он делся.

Луна без всякого приглашения прошла в комнату, постояла там, вертя головой, и спросила:

— А он из школы приходил?

— Я же только сейчас сказала, что не приходил.

Луна вышла в переднюю, по ошибке ткнулась было в кухонную дверь, потом словно ошупью нашла входную и исчезла, даже не сказав «до свидания».

Вовка вернулся к своей прежней политике и спрятался было под обеденный стол, но сестра быстро его обнаружила и извлекла оттуда.

После умывания, сидя на своей кровати за ширмой, он в течение пятнадцати минут расшнуровывал один ботинок и занимался бы этим ещё дольше, но Варе это надоело, и она разом сдёрнула с него всю одежду. И вот, когда натянув до носа одеяло, Вовка понял, что всё кончено, что Федя один мчитесь сейчас на Север в попутном грузовике, а ему предстоит всё та же унылая жизнь под надзором Варвары, — именно в этот момент раздался стук! Это был федин стук — три удара каблуком в дверь! Вовка вскочил на кровати, сдерживая от радости дыхание, и осторожно выглянул поверх ширмы. Он не успел разглядеть лица брата потому, что тот быстро прошёл к себе за шкафы, но он увидел Варю, заглянувшую следом за Федей в комнату.

— Федя, ты что будешь ужинать: сырники или рыбу с картошкой? — спросила она, стоя у двери.

Из фединого «кабинета» не донеслось ни звука.

— Федя, ты что будешь ужинать, ты скажешь?
— Отстань, — глухо послышалось из-за шкафов.

Варя помолчала немного, держась рукой за дверь.

— Федя, имей в виду: Анна Валерьяновна уходит, а я скоро спать ложусь. Никто тебе потом разогревать не будет.

— Отстань, тебе говорят! Не буду я ужинать! —
 рявкнул Федя так сильно, что Вовка в испуге
 нырнул под одеяло.

— Ну и сиди голодный!

Хлопнула дверь в комнате, а потом и кухонная дверь. Вовка лежал и соображал, как быть. Федя, наверное, пустится в дорогу, как только Варя заснёт. Значит, ему надо быть к тому времени совершенно готовым, чтобы выйти следом за Фейей. Вовка решился на отчаянный поступок. Он тихонько встал с кровати, босяком, в одной коротенькой рубашонке, из которой давно вырос, подкрался к двери, открыл её и шмыгнул к вешалке в передней. Поднявшись на цыпочки, он стащил с неё своё пальто, подхватил с полу га лоши и бросился с ними в комнату, а оттуда за ширму. «Кепку забыл!» — мелькнуло у него в голове. Снова пришлось красться в переднюю. Кепка висела очень высоко, до неё было не допрыг нуть. Оглянувшись, Вовка заметил в углу поло вую щётку, схватил её и длинной ручкой скосыр нул с крючка свой головной убор. Небрежно поставленная щётка с треском упала, дверь в комнату, слишком резко закрытая Вовкой, хлоп нула, но Варя, занятая разговором с Анной Валерьяновной, так ничего и не заметила.

Вовка отдышался после пережитых волнений и, приподнявшись на локте, стал прислушиваться к тому, что делает брат. Федя быстро ходил у себя за шкафами. При этом он почему-то стонал, а временами даже лихонько выл. Это встревожило Вовку. Федя вёл себя точно так же недели три тому назад, когда у него разболелся коренной зуб. Вовка понимал, что с больным зубом на Север не побежишь. Надо было как-то помочь делу. Он сел, обхватив руками колени.

— Федя! Федя! — позвал он тихо.

Федя не откликнулся.

— Федя, у тебя опять зуб болит, да?

За шкафами попрежнему слышались шаги, но вздохи прекратились. Вовка встал на ноги и высунул голову над ширмой.

— Федя, ты у Анны Валерьяновны те капли попроси. Помнишь, она тогда дала тебе капль — и сразу всё прошло... Федя, хочешь я схожу, попрошу капль? Федя, ладно?

— Отстань ты! Ничего у меня не болит! — рявкнул Федя.

Вовка лёг и больше не приставал к брату, решив, что он просто волнуется перед побегом.

Скоро он услышал, как уходит Анна Валерьяновна. Потом в комнату вошла Варя. Раздевшись, она щёлкнула выключателем, и в комнате наступил полумрак. Лишь настольная лампа у Феди продолжала гореть, освещая потолок над шкафами зелёным светом.

Федя всё ходил и ходил, и это мешало Варя уснуть. Потерпев минут десять, Варя попросила Федю прекратить своё хождение, он огрызнулся в ответ, однако ходить перестал. Варя стала уже засыпать, как вдруг вспомнила, что не завела будильник, поставленный на обеденный стол. Вылезать из тёплой постели ей очень не хотелось. Пока Варя медлила, Вовка затеял у себя какую-то тихую возню. Это отвлекло Варю от мысли о будильнике.

— Владимир! Ты почему не спишь? Чего ты там всё вертишься? — спросила она шёпотом.

— Никак... никак не улягусь. Чего-то... чего-то всё мешает, — пробормотал Вовка.

Он затих на минуту. Варя уже почти уснула, забыв о будильнике, как вдруг за ширмой грохнуло что-то тяжёлое.

— Владимир! Что там такое у тебя? — уже еле ворочая языком, спросила Варя.

— Топор... то-есть, Варя, я ботинки уронил. Я хотел поставить ботинки, чтобы они аккуратно стояли, а они...

Варя уже ничего не слышала. Она спала.

А Федя, не постелив себе постели, даже не подложив под голову подушки, ничком лежал на диване. Весь вечер провёл он на улицах, то строя самые смелые планы поимки воров, то снова впадая в отчаяние. Несколько раз он бросался бежать в отделение милиции и с ликованием представлял себе, как в пашкин дом являются милиционеры, как волокут в отделение пашкиного брата, как ему, Феде, возвращают фотоаппарат и выносят благодарность за смелость и находчивость, проявленные в борьбе с преступниками. И всякий раз, когда он приближался к дому, где висел над тротуаром освещённый изнутри сине-бело-красный транспарант, ноги путешественника сами собой переходили с бега на шаг. А что если фотоаппарата не найдут и Пашка с братом останутся на свободе, а он так и не сможет сейчас же бежать на Север? Ну, ладно, пусть даже аппарат найдётся и воров заберут. Но ведь у них есть друзья, их, может быть, целая шайка! Ведь не приставят же к Феде специального милиционера, чтобы тот охранял его от мести баклановских приятелей! Федя, может быть, и до пустыря не дойдёт, чтобы взять свои вещи, а его уже настигнет тот парень в кепке почти без козырька, который гудел ему в ухо: «Где живёшь? На какой улице живёшь?» Искатель приключений останавливался, с минуту стоял в трёх шагах от входа в отделение, потом поворачивался и, всхлипывая, чувствуя себя оплётанным, противным самому себе, брёл обратно.

Всхлипывал он и теперь, лёжа ничком на диване. И думал о том, что ему больше ничего не остаётся, как встать утром пораньше, пока не проснулась Варя, принести с пустыря свои вещи и вернуться к жизни самого обыкновенного ученика Третьей черёмуховской школы.

В своём классе Варя считалась одной из самых дисциплинированных учениц. Она очень гордилась тем, что за все три учебных года ни разу не опоздала в школу. И вот в то утро она проснулась, взглянула на будильник, чтобы узнать, сколько ещё ей можно нежится в постели, и тут же вскопчила с выражением дикого ужаса на розовом лице. Стрелки будильника показывали без четверти девять.

В несколько секунд одевшись, Варя бросилась к Феде сказать, чтобы он сам готовил завтрак и кормил Вовку, но брата в «кабинете» не оказалось. Варя побежала за ширму к Вовке.

— Вовка, вставай немедленно, без четверти девять, я в школу опоздаю... — начала было она и вдруг умолкла в страшном удивлении.

Вовка, с которого сползло одеяло, спал сном праведника, хотя пот струился по его лицу. Спал, одетый в пальто, с шеей, обмотанной кашне. На подушке валялась его кепка, очевидно, съехавшая ночью с его головы. Справа от Вовки лежали

большой топор-колун, варин мешок для галош, из-под которого растеклась на простыне лужа какой-то темнокоричневой жидкости.

Только этого Варе не доставало!

— Вовка! Дурак! Ты что, совсем с ума сошёл? — взвизгнула она плачущим голосом.

Вовка открыл глаза и сладко потянулся. Потягиваясь, он взбрыкнул ногами, и Варя увидела на них ботинки и галоши.

Варя знала, что когда воспитываешь маленьких детей, повышать голос и тем более ругаться нельзя, но тут вся педагогика выскочила у неё из головы. Она сжала кулаки, затопала ногами и даже зажмурилась, чтобы громче кричать.

— Вставай, идиот ненормальный! Чёрт, дурак сумасшедший, вставай, тебе говорят! — Вовка сел, свесив ноги с кровати и, стараясь сообразить, что с ним происходит, а сестра продолжала топтать и кричать: — Тебе кто позволил в пальто и галошах ложиться! Это ещё что за безобразие такое, с топором спать! Что у тебя течёт? Что у тебя по простыне течёт? Я тебя спрашиваю, это что такое течёт?

— Помидоры, — машинально ответил Вовка, взглянув на красноватую лужу. Вдруг он вспомнил всё, и на лице у него появилась тревога.

— Варя, а Федя дома? — спросил он и, не дожидаясь ответа, позвал: — Федя! Федь!

— Нету твоего Феде. И ты мне зубы не заговаривай! Зачем надел пальто? Отвечай!

Но Вовка не ответил: он выбежал из-за ширмы и бросился в федин «кабинет». Брата не было! Мало того: на диване не оказалось ни простыни, ни подушки, ни одеяла, а никогда ещё не случилось, чтобы Федя до завтрака убрал свою постель. Ясно было, что он её и не стелил.

Вовка вышел в большую комнату, прислонился к стене, скривил рот и поднёс к глазам сначала один кулак, потом другой. Затем он открыл рот пошире, сполз по стенке на пол и завыл сначала тихонько, потом всё громче и громче.

— Чего ты? Что с тобой? — спросила Варя.

— Федька-а! Какой-то-о! — провыл Вовка и вдруг заколотил по полу ногами в галошах. — Вот всё равно убегу, всё равно убегу, Федька убежал, и я убегу-у-у!

— Куда ещё убежишь? Куда Федька убежал? — вытаращила глаза Варвара.

— На Се-е-евер...

— Чего? На какой такой Север? Отвечай!

— В А-а-арктику. И я-а-а убегу, всё равно-о-о-о убегу! — заливался Вовка.

XIII

Прошло минут двадцать. По тротуару бежали Слава Панков и Варя. Растрёпанная, кое-как одетая, она тихонько плакала, размазывая кулаками слёзы по сморщенной физиономии и причитала:

— Папы нет, мама только послезавтра придет!.. Ну что я теперь с ними буду делать, что я буду делать!

— Дошколёнком был, дошколёнком и остался, — пыхтел на бегу председатель.

Навстречу им брёл Гриша Тетёркин с пустой базарной корзиной. Мать его послала на рынок за картошкой, а он таких поручений терпеть не мог. Он шёл, еле волоча ноги, опустив лопухую голову, сердито выпятив нижнюю губу.

— Чего она ревёт? — угрюмо спросил он председателя, когда гот поровнялся с ним.

— Чего реву! Чего реву! — выкрикнула Варя. — Федька из дому убежал!..

— Врёшь! — живо обернулся Тетёркин: — Слава, правда?

— Ага. В Арктику, дурак, рванул. Мы к Евгению бежим, к водителю.

— Ух ты-ы! — совсем просиял Тетёркин и, забыв о картошке, пустился за председателем с Варварой.

По противоположному тротуару шёл Сурен Багдасаров — самый сильный мальчишка из фединого класса. У него на закорках сидел Родя Иволгин, которого силач взял на пари дотащить до конца улицы и обратно.

— Эй! Сюда! Федька Капустин в Арктику убежал! — закричал им Тетёркин.

Сурен, подняв голову, переглянулся со своим седоком. Тот соскочил на тротуар. Оба пересекли мостовую и присоединились к бегущим.

Через минуту за ними семенила Люба Морозова, держа подальше от себя бидон с молоком. На бегу она заскочила в какой-то двор и закричала там:

— Няра! Толька! Скорее! Федя Капустин из дому убежал!

— Эй! Сюда! Федька Капустин в Арктику убежал!

Теперь, как говорится в старинных романах, прервём на время наше повествование и обратим свои взоры к героине, о которой мы столь долго не вспоминали.

XIV

Как всегда по утрам, Луна была одна. Скатерть на обеденном столе была отвёрнута, и на клеёнке были разложены учебники и тетради, но Ната и не прикасалась к ним. Ещё более бледная, чем вчера, с заплаканными глазами, она медленно

бродила вокруг стола, то наматывая на палец кончик светлой тяжёлой косы, то теребя его зубами, и всё думала, думала и думала о Феде.

Вчера, ожидая Федю в раздевалке, она буквально на несколько секунд подошла к стоявшим там одноклассникам, и этого оказалось достаточно. Именно за эти несколько секунд в противоположном конце раздевалки промелькнули Паша Бакланов и гнавшийся за ним Федя, и никто из девочек не заметил их. Прождав долгое время в раздевалке, Ната поднялась наверх и несколько раз окликнула Федю, но никто не отозвался; после этого она минут тридцать стояла на крыльце уже запертой школы, вглядываясь в обе стороны освещённого тусклыми фонарями переулка и ровным счётом ничего не понимая, а потом пошла домой, наскоро поужинала и отправилась к Капустиним. Узнав, что Федя домой не приходил, Ната уже больше не сомневалась, что он бежал, бежал, надув её, не попрощавшись с ней. Горькая обида охватила Луну. Ну, чем она заслужила такое хамское отношение?

Ночью Луна долго плакала, утром встревожила папу и маму своим удручённым видом. Когда они стали расспрашивать, что с ней, она ничего не ответила и только снова расплакалась, и родители ушли на работу огорчённые.

Чувствуя, что и сегодня уроки ей в голову не пойдут, она всё же вынула из портфеля учебники с тетрадями, и тут ей попало письмо, которое Федя просил передать редактору стенной газеты.

«Дудки!» — сердито подумала Ната. Очень ей нужно передавать федынскую писанину и тем самым выдавать себя, как его сообщницу. Хватит с неё и других огорчений. Она собралась тут же разорвать послание, но потом ей захотелось узнать, что там такое Федька написал. Присев на край кушетки, Луна стала читать.

«Прошу редакцию поместить в стенгазете это письмо, так как я хочу высказать причины, по которым я уехал искать новую жизнь на далёком Севере.

Конечно, некоторые пионерские активисты будут осуждать меня за мой поступок и отпускать насмешливые словечки, вроде «фантазёр», «дошколёнок», и тому подобные тонкие остроты, но не лучше ли сначала разобраться, что заставило этого «фантазёра» решиться на такой поступок.

С малых лет я рос непоседливым и любознательным ребёнком, и мной владела страсть к исследованиям и приключениям. Уже в шестилетнем возрасте я чуть не утонул, решившись один переплыть верхом на бревне широкую реку, которое подо мной перевернулось. Потом я почувствовал, что цель моей жизни стать полярным исследователем, и твёрдо решил её достичь».

Ната вздохнула. Ей всегда туго давались литературные сочинения, и ребят, хорошо их писавших, она считала людьми очень умными, какими-то совсем особенными, а федино письмо, по её мнению, было написано так «складно», так взрослому, что прямо хоть сейчас печатай в настоящей газете.

«Три года тому назад я вступил в пионерскую организацию нашей школы, и я думал, что она поможет воспитать во мне мужество, выносливость и ловкость, но что же я увидел перед собой?

Вместо борьбы со скукой и формализмом в пионерской работе в нашей дружине процветают

сборы, на которых услышишь одни доклады да скучные беседы. А как же воспитываются в нас мужество, отвага и выносливость? Приведу конкретные цифры. За весь прошлый год в нашем отряде были проведены только один двухдневный поход и только одна лыжная вылазка. И как же они были проведены? За весь поход мы прошли всего лишь тридцать километров и ночевали не под открытым небом, а на туристской базе, а вся лыжная вылазка прошла с утра и до обеда. Когда же я предложил провести лыжный поход в глухие леса на все зимние каникулы, питаться только тем, что добудешь охотой, и спать в снежных хижинах, в ответ мне были только насмешливые улыбки.

И вот я подумал: может быть, тем, кто любит выступать с речами и вести спокойную жизнь, такая пионерская работа и нравится, но тем, кто презирает спокойную жизнь, кто стремится к трудностям и опасностям, девать свою кипучую энергию некуда. И я понял тогда, что мне больше ничего не остаётся делать, как покинуть родную школу и бежать на далёкий Север, где есть ещё «белые пятна», которые можно исследовать, и есть опасности и трудности в борьбе с суровой природой.

Вот что заставило меня совершить мой поступок.

Фёдор Капустин».

Ната встала и принялась ходить вокруг стола. Новые черты богатой фединой натуры раскрылись перед ней. Теперь он был в её глазах не просто отважным мальчишкой, жаждающим романтических приключений, а юным общественным деятелем, принципиальным и литературно одарённым. И от сознания того, что её, натиной, дружбой пренебрегла такая исключительная личность, Луне стало ещё горше, ещё обиднее.

Вдруг Ната остановилась среди комнаты и стала прислушиваться. В открытое окно со двора всё время доносились голоса играющих там ребят, к этому шуму Луна давно привыкла, а потому не замечала его, но сейчас ей показалось, что голоса звучат громче обычного, тревожно, взволнованно. Похоже было, что там что-то произошло.

— Федька... Арктику... Белохвостова... — донеслись до Наты отрывочные слова.

Ната вздрогнула. Не веря своим ушам, она на цыпочках подбежала к окну. На большом дворе, окружённом пятиэтажными корпусами, творилось что-то странное: ребята прыгивали с ярко раскрашенных качалок, на которых сидели только что целыми десятками, шахматисты и доминошники под деревянными «грибами» бросали свои игры, малыши оставляли совочки и формочки в песочницах и все шли или бежали к большой толпе мальчишек и девочек, галдевшей у ворот. Луна вгляделась в них. Вон председатель совета Славка Панков. Вон Сурен, вот Тетёркин... И среди них ещё новые и вожатый Женя... «В Арктику бежал... Сегодня ночью... Луна ему помогала», — расслышала Ната сквозь невероятный галдёж и окончательно оторопела. Что случилось? Как узнали о федином побеге? Неужели кто-нибудь подслушал их? И вообще что же теперь делать? И вдруг Ната подумала о другом: а что, если Федя и не думал вчера её обманывать? Что, если замысел его ещё вчера был кем-то раскрыт и Федя, побежав за аппаратом, каким-нибудь образом узнал об этом и вынужден был срочно спасаться, не предупредив её, не по-

прощавшись с ней! Ну, конечно! И Федя, наверное, уже написал ей с дороги письмо с объяснением того, что произошло, а она тут расстраивается и злится на него.

— Вон она! В окно глядит! — крикнул в этот момент кто-то в толпе, и все подхватили:

— Вон она! Пошли к ней! Эй, Луна, берегись, мы к тебе идём!

Ната в испуге отскочила от окна, но тут же остановилась. Нет! Она не будет прятаться, не будет хныкать! Она при всех передаст редактору послание Фёдора Капустина. Она не станет скрывать своего участия в этом деле и стойко вынесет любую кару, которая постигнет её. Она постарается быть достойной своего замечательного друга.

Она сунула в карман передника федино письмо и вышла из комнаты.

XV

На лестнице стоял такой галдёж, что Натё стало ясно: к ней идут минимум человек пятьдесят. У подруги отважного путешественника затряслись поджилки, но она всё-таки скрестила руки на груди, гордо подняла голову и в такой позе стала ждать ребят.

Гомон и топот ног становились всё ближе. Слышно было, как жильцы на нижних этажах открывают двери и спрашивают, почему такой шум.

— Ревёт, небось! — доносились до Натё голоса. — Чёрта с два она нам откроет!.. Притаится и будет сидеть!

— А мне, девочки, жалко Натку. Представьте, что она сейчас переживает! Чтё переживает! Вот толпа зашумела под ногами у Натё на площадке четвёртого этажа. Вот она увидела ребят, плотной колонной поднимающихся к ней на пятый.

Впереди шли Слава, Варя и невысокий, коренастый парнишка в коричневом свитере. Это был новый вожатый отряда девятиклассник Женя Дегтярёв.

Добравшись до площадки между этажами, передние увидели Луну и приостановились.

— Вон она! Сама вышла! — воскликнул кто-то.

От неожиданности все даже притихли. Задние подтянулись, заполнили весь лестничный марш и, выворачивая себе шеи, смотрели на Луну. Передние застыли словно в нерешительности. Первая нарушила молчание Варя.

— У, какая-то!.. Говори, где Федька! — сердито потребовала она со слезами в голосе.

Ната молчала. Всё замерло в ней, дыхание у неё остановилось, но она продолжала стоять со вздёрнутым носом, со скрещёнными на груди руками.

Держась за перила, вожатый поднялся ещё на несколько ступенек и остановился. Вид у него был суровый и решительный.

— Здравствуй, Белохвостова. Ты вот что: давай не отпираться, в прятки не играй, а выкладывай всё начистоту. Капустину в Арктику бежать помогала?

— Помогала! — громко, на всё парадное ответила Луна и, помолчав, ещё громче добавила: — Из принципа.

Вожатый немного опешил.

— Что? Из чего?

— Из принципа помогала, — отчаянным голосом повторила Луна. — Капустин убежал потому... потому, что у нас процветают формализм и скука

в пионерской работе, и я ему помогала из принципа.

— Ого! Вот это выдала! — заметил кто-то. Толпа загудела. Женя озадаченно смотрел на Натё, пощипывая редкие волоски, проросшие на подбородке.

— Постой! Что-то я ничего не понимаю. При чём тут формализм?

— Прочитайте письмо Капустина, тогда поймёте. Вот, пожалуйста! — Ната протянула вожатому федино послание и снова скрестила руки на груди, крепко зажав подмышками кончики пальцев.

К Женё подошёл Слава, чтобы вместе с ним читать письмо, подошло ещё несколько человек, в то время как остальные кричали, чтобы вожатый читал вслух. Но Женя вслух читать не стал. Он быстро пробежал глазами первый листок, приставил сквозь зубы от удивления, быстро просмотрел остальные, переглянулся со Славой, который только плечами пожал, и обратился к Луне:

— Ну, в общем так, Белохвостова: идём к директору и там разберёмся. А этот документ мы обсудим на сборе.

— К директору я пойду, но только знайте: что бы со мной ни делали, я больше ничего не расскажу. Можете меня хоть пытаться, хоть на куски резать!

— Ладно. Идём. Пытать мы тебя не будем, мы тебя сразу расстреляем.

Все расхохотались, но Луну не смутил этот смех. Она была довольна своим поведением. Она захлопнула дверь и неторопливо, с достоинством стала спускаться вслед за ребятами и вожатым.

Молча она вышла с ними во двор, молча, не отвечая на расспросы и шуточки, пошла по переулку.

А потом... потом случилось нечто такое, чего никто никак не мог ожидать.

Когда Луна и вся сопровождавшая её публика приблизились к улице Чехова, из-за углового дома появилась сторбленная фигурка с большим мешком на спине и с бесформенным узлом подмышкой. Появилась, увидев ребят, на мгновение остановилась, слегка подогнув колени, потом повернулась и очень поспешно скрылась за углом.

— Капустин! — ахнули сразу несколько человек.

— Лови-иини! — истошно завизжал кто-то из мальчишек, и несколько десятков человек, словно ветром подхваченные, понеслись к перекрёстку.

Побежала и Ната, ошалевшая от изумления. Тяжело нагруженный путешественник не смог, конечно, далеко уйти: свернув за угол, Луна увидела своего друга, уже окружённого ребятами. Он озирался с глуповатым видом, часто моргая длинными ресницами. К нему протиснулась сердитая, плачущая Варя.

— Федька! Вот скажу, вот про всё скажу маме! Я из-за тебя на два урока опоздала! На два урока опоздала!..

Федя ничего не ответил и смотрел на сестрёнку с таким видом, словно старался вспомнить, кто это такая, а Варя, решив, что за брата беспокоиться нечего, повернулась и стала расталкивать ребят.

— Пустите! Я на два урока опоздала! На два урока опоздала!

— Так! — сказал вожатый, пробравшись к Феде и тяжело дыша. — Идём!

— Куда? — угрюмо спросил Федя.

— К директору, конечно, к Ивану Лукичу. Ты думаешь, удрать из дома — это такой пустяк, что директору и знать про него не стоит?

— А я, что, удрал? Никуда я не удрал. Я домой иду.

Ребята расхохотались.

— Домой иду! А валенки зачем?

— А рюкзак?

— А стёганка? Товарищи! Это он просто гуляет. Ввалил на себя два пуда и гуляет.

Стараясь перекрыть подымавшийся шум, Федя в отчаянии закричал, что он раздумал, что он сначала и в самом деле хотел убежать, но потом раздумал. Однако никто ему не поверил.

— Ладно! В школе разберёмся... Сурен! Возьми у него мешок, он устал, небось.

Силач вскинул на правое плечо федин рюкзак, кто-то взял у него стёганку, и все двинулись в школу.

Ната забыла о том, что ей самой предстоит неприятности. Растерянная, недоумевающая, она шла и думала только о том, как бы перекинуться с Федей хотя бы парой слов, но к путешественнику даже приблизиться было нельзя, не то что поговорить, так тесно окружили его мальчишки.

Одни изощрялись в остроумии на его счёт, другие расспрашивали серьёзно, даже с сочувствием:

— Ты по какому маршруту хотел бежать? Через Мурманск? Через Архангельск?

— Эх ты, тёпа! Чего ж ты днём бежать задумал? Ночью надо было бежать!

Федя не отвечал и лишь изредка шептал, чуть шевеля губами:

— Отстаньте вы!..

В школе шли уроки, когда вся сопровождавшая беглеца публика с шумом ввалилась в раздевалку. Нянечки зашикали. Из кабинета, держа в руке пачку бумаг, вышел завуч Сергей Васильевич, высокий, худой, с редкой рыжеватой бородой.

— Что это значит? Где вы находитесь? И вообще, кто вас сюда пригласил?

Женя выступил вперёд.

— Сергей Васильевич... Мы к Ивану Лукичу. У нас совсем особое происшествие.

— Директор болен. Что за происшествие?

— У нас, понимаете... Капустин... Вот этот вот!.. Сбежал из дому. В Арктику.

— Как? — переспросил завуч и прижал ладонь ко лбу. Видно было, что он ещё чем-то сильно озабочен.

— Понимаете, он решил в Арктику убежать. И уже совсем было удрал. Мы на улице его поймали.

Не отрывая ладони от лба, завуч посмотрел на вожатого отсутствующим взглядом и вдруг резко кивнул.

— Прекрасно! Пройдите ко мне в кабинет. А остальных прошу немедленно выйти на улицу. Немедленно, всех до одного! Немедленно!

Появились две няни и стали теснить ребят к выходу, а Федя, Женя, Ната и Слава очутились в маленькой комнатке с клеёночатым диваном у стены. Вожатый и Слава принялись обстоятельно, дополняя друг друга, излагать суть дела. Завуч слушал их не присев, нервно прижимая ладонь то ко лбу, то к щеке, то к лысине на макушке. Когда ему стало ясно, что Федя только собирался убежать, но не убежал, он больше не захотел слушать.

— Вот что, товарищи: я не могу... Я тут один, директора нет, никого нет, к нам сейчас прибу-

дет комиссия из Москвы... Я не могу. Найдите старшую вожатую, если она пришла, или отложите это дело до начала второй смены. А я... я не в состоянии сейчас. Не могу.

С этими словами он вышел из кабинета, а следом за ним вышел и Женя искать старшую вожатую.

Луна только и ждала этого момента. Она сразу набросилась на путешественника:

— Федька, рассказывай скорей, что случилось! Куда ты вчера исчез? И вообще, почему ты в городе? Ведь я к тебе вчера вечером заходила и тебя уже не было... Ой, Федька, ты не знаешь, что я из-за тебя пережила! — Она быстро села на диван, обхватив руками правую коленку, пригитившись слушать Федю, но тот молчал, прислонившись спиной к стене, опустив голову, грызя ноготь на большом пальце.

Председатель посмотрел на путешественника.

— Знаешь, Федька... я всегда говорил, что ты любишь пофантазировать, но чтобы ты на деле пустился на такое, этого я не думал. — Слава обернулся к Nate: — А ты! Ты-то не соображала, что делаешь, когда ему помогала? Ведь вы знаете, какая заваруха теперь начнётся!.. От Елены Алексеевны достанется — это само собой, с директором вам придётся говорить — это тоже факт, на совете отряда вас будут обсуждать — это как пить дать! И ещё педсовет этим делом займётся, вот увидите!

Сердито уставившись на Славу, Федя застучал себе пальцами в грудь:

— Ну что вы ко мне все пристали! Ну на чёрта меня обсуждать, когда я никуда не бежал!

Председатель только рукой махнул:

— Брось, Федька! Уж кому-кому, а близким товарищам врать — это знаешь... Ты бы ещё Луне сказал, что не бежал!

— Да пойми ты, глупая голова, что я не мог бежать! Хотел бежать, но не мог! У меня денег нет на дорогу, у меня фотоаппарат украли, который я хотел продать.

Луна вскочила:

— Украли? Федька, кто украл? Когда?

— Тогда! Когда я в парте его забыл. Подхожу к классу, а навстречу Бакланов... и что-то под гимнастёркой несёт... Вбегаю в класс — аппарата нет... Я за Пашкой...

— И не догнал?

— Догнал. Только попробуй, отними! — Федя рассказал о встрече с парнями, передал, что говорил ему пашкин брат. Луна смотрела на него во все глаза, вцепившись обеими руками в переброшенную на грудь косу.

— А в милицию... Ты в милицию заявил? Ты номер аппарата помнишь?

— Чего там номер! — прервал её Федя. — У меня не то что номер, у меня паспорт аппарата остался. А попробуй-ка, заяви! Во-первых, они, наверное, сразу запрятали аппарат, а во-вторых, знаешь, что они с тобой могут сделать!..

Луна замотала головой.

— Федька! Но как же так! Что же это такое!.. Значит... значит, так им всё и прощать?!

Слава подошёл вплотную к Луне.

— Во-первых, ты потише кричи, — сказал он вполголоса, — а во-вторых, ты что, маленький ребёнок, да? Ты понимаешь, что их, может быть, целая шайка! Если Федька про них заявит, знаешь, как они будут мстить! Ещё и ножом пырнуть могут. С такими связался, сам не рад будешь.

И ты, Натка, пожалуйста, не вздумай болтать, а то тебе самой не поздоровится и Федьку подведёшь. — Слава помолчал и обратился к своему приятелю: — Федька, вот что я советую. Ты про фотоаппарат молчи. Почему тебе не удалось удрать, это никого не интересует, тут главное, что ты собирался удрать и ещё письмо своё дурацкое оставил. Значит, тебя всё равно будут обсуждать. Ты возьми себя в руки и не расстраивайся... Из школы тебя за это не выгонят, из пионеров не исключат, ну, влепят, может быть, выговор на линейке — и дело с концом. Ну, и сам понимаешь, дружба дружбой, а мне придётся выступить насчёт тебя. Так что ты не обижайся, сам ведь понимаешь... Ладно?

Федя молча с унылым видом кивнул. Луна притихла. Бледная, какая-то окаменевшая, она стояла, опустив руки, и очень внимательно, словно впервые, разглядывала своих друзей.

Снаружи послышались приглушённые голоса, шум шагов, возгласы: «Тише!». Председатель высунул голову в коридор и увидел, что ребята, изгнанные завучем, проходя по коридору в один из классов. Не успел Слава спросить, в чём дело, как появился Женья.

— Ну, так вот! Старшей вожатой нет, она будет только во вторую смену. Вашей классной руководительницы тоже нет. Я всё-таки поймал опять завуча, и он разрешил нам занять свободный класс. Проведём экстренный сбор сами, а то ребята возбуждены, да и Капустину надо быстрее вправить мозги, чтобы он снова не сбежал. Идёмте! Ребята ждут.

Слава тронул Федю за локоть.

— Пошли, Федька! Ты, главное, не расстраивайся... Ну, обсудят, ну, поругают немножко... Главное, не расстраивайся. Пошли!

Путешественник молча поплёлся за председателем.

А Луна... Луна так и осталась стоять среди кабинета, впившись зубами в нижнюю губу, широко открытыми глазами глядя на открытую в коридор дверь. Слава заметил, что она не идёт вместе с ним и Федей, и вернулся.

— Натка! А тебе что, особое приглашение нужно?

Только тут Ната сдвинулась с места.

XVII

Большая классная комната была битком набита. Собственно, сбором отряда это собрание нельзя было назвать: на нём присутствовали не только федины одноклассники, но и много ребят из параллельных классов и из пятых, седьмых и даже из восьмых. На каждой парте сидело по три, а то и по четыре человека, и все были настроены довольно весело.

— Встать! Суд идёт! — крикнул кто-то.

— Освободите место для подсудимых! — закричали из другого угла. — Эй, вы, на передней парте! — Три девочки, сидевшие на первой парте среднего ряда, быстро исполнили это требование и раскланялись перед Натой и Федей.

— Присаживайтесь, товарищи подсудимые! Просим!

Ната и не взглянула на этих девчонок. Стоя с Федей возле двери, она смотрела на четвертую парту в том ряду, что тянулся вдоль окон. Там, на краю скамьи, откинувшись на спинку, сидел Пашка Бакланов. Сидел и как ни в чём не бы-

вало разглядывал «подеудимых». Разглядывал и ухмылялся, словно не он стащил у Капустина аппарат.

Ната перевела взгляд на Федю и увидела, как тот встретился глазами с Пашкой, секунду посмотрел на него угрюмо и опустил ресницы.

Почему-то вся напружинившись, мягкими шагами подошла Луна к освобождённой для них парте и села. Не глядя, она услышала, как рядом с ней садится отважный путешественник, отодвинулась подальше от него и сунувшимися, холодными глазами стала следить за председателем и вожатым.

Женья хлопал по учительскому столу и кричал:

— Тише! Ребята, внимание! Ти-ши-на!

Слава стоял возле него и с очень озабоченным видом вполголоса говорил:

— Женья! Женья, послушай... Я, значит, так выступлю... (Слышалось неразборчивое бормотание.) Ладно, Женья? В общем правильно, да?

— Ладно... Правильно... — рассеянно отвечал вожатый и продолжал стучать по столу.

Наконец шум затих.

— Валяй, объявляй! — сказал Женья. — Первое слово мне предоставишь.

Ната быстро оглянулась на Пашку. Тот сидел попрежнему, откинувшись на спинку скамьи, и что-то жевал.

Слава повернулся лицом к собравшимся и опёрся растопыренными ладонями об учительский стол.

— Ребята! Внимание! — провозгласил он уверенным, громким голосом. — Экстренный сбор отряда считаю открытым. На повестке дня вы сами знаете, какой вопрос, это вопрос о... — он остановился, подбирая слова. — Это вопрос о непионерском поступке Феди Капустина и Наты Белохвостовой.

Ната встала во весь рост.

— Непионерском, да? — процедила она сквозь сжатые зубы. — Непионерском, да? Непионерском? Непионерском?

И вдруг на секунду Луна исчезла. Какой-то растрёпанный ком сорвался с того места, где она только что сидела. Трах! И Пашка Бакланов брякнулся на пол.

— Белохвостова! — вскрикнул Женья.

— Натка! — ахнул Слава.

Красная, с перекошенным от злости лицом Луна повернулась в проходе между партами.

— А-а-а-а! — вдруг заорала она, бросаясь к учительскому столу.

Хлопнула затрецина, и председатель с дико вытаращенными глазами отлетел к классной доске.

Женья схватил Нату за руки. Начался переполох.

— С ума сошла!

— Что с ней?

— Воды дайте! Воды принесите!

— Истерика!

— Ната, что с тобой?

Все повскакали со своих мест, все устремились к учительскому столу, где вожатый боролся с Луной, а та вырывалась, заливаясь слезами, и выкрикивала:

— Трепетесь, трепетесь!.. Мужество! По-пионерски! А сами воров боитесь, воров скрываете!.. — Вдруг она увидела, что Пашка за спинами ребят пробирается к двери, со страшной силой вырывалась у Жени и вцепилась Бакланову в

шею.— Не пускайте! Держите его! Он у Фёдки аппарат украл! Он брата хочет предупредить! Он брату отдал аппарат, а тот Капустину пригрозил! Держите его!

— А ну, пусти! Во, дура... пусти, ну! — бормотал Бакланов, стараясь освободиться.

Первым смекнул, в чём дело, Витя Тетёркин.

— Эге! — сказал он Сурену.— Баклан, кажется, попался.

Сурен приблизился к Нате, тронул её за плечо и, когда она обернулась, демонстративно подсушил оба рукава.

— Натка! Отпусти. не уйдёт. Я здесь. Давай спокойно рассказывай.

Увидав такую поддержку, Ната несколько пришла в себя. Горячо, но уже связно она рассказывала всё, что узнала от Феди и что говорил по этому поводу Слава.

— Чего ты врёшь, чего ты врёшь! — закричал притихший было Бакланов.— Ты видела, да? Видела? Спроси у него, я брал аппарат? Капустин, скажи, я брал? — И Пашка уставился в сторону путешественника, слегка прищурив левый глаз.

Все повернулись к Феде, который как поднялся со своего места, так и стоял до сих пор, опустив голову, не выходя из-за парты. Все разом притихли.

Трах! И Пашка Бакланов брякнулся на пол. * * *

— Брал,— ответил Федя чуть слышно, потом повернулся к Пашке и повторил уже отчётливей: — А вот и брал!

— Так! Всё ясно! — сказал Женя и, подойдя к двери, взялся за ручку.— Слушайте! До моего прихода никого отсюда не выпускать и никого не впускать. Понятно вам?

— Понятно!

— Не выпустим!

— Сурен! На твою ответственность...

— Есть на мою ответственность!

После ухода вожатого Пашка снова рванулся к двери.

— Пустите! Мне умыться... Она мне лицо разбила! Пустите, ну!

— Сиди! Ничего не разбила. Синяк поставила,— сказал Сурен и силой усадил Бакланова за парту.

— Он не зря спешит, он не зря спешит! — приговаривал Тетёркин.— Наверное, плохо спрятали аппарат, вот и спешит...

— Он брата хочет предупредить. Брат в первой смене учился,— догадался ещё кто-то.

Пашка внезапно выпрямился и повернул к Натке злое, залитое слезами лицо:

— Ну, смотри!.. Теперь узнаешь! Теперь будет тебе!

Маленькая Тося Кукушкина подскочила к Бакланову и показала ему кукиш:

— А это видел? Ничего ей не будет! Мы Луну всем классом станем провожать, вот!

— Мы за вас все примемся! — подхватили ребята.— Комсомольцы возьмётся! Мы вас, как клопов, из школы выведем!

Лишь два человека держались в сторонке от окруживших Бакланова ребят. Это были председатель и отважный путешественник. Слава стоял спиной ко всем у окна, Федя присел бочком на задней парте в углу. Никто на них не обращал внимания. Только однажды к путешественнику подошла Луна.

— Мешочек, который я шила, при тебе? — процедила она вполголоса.

— При мне,— чуть шевеля губами, ответил Федя.

— А ну, отдай!

Путешественник покраснел и заморгал ресницами. Неловко, задевая за нос и уши, он снял через голову тесёмку и отдал Натке голубой мешочек, предварительно вынув из него ученический билет. Но в мешочке ещё что-то шелестело. Луна раскрыла его и извлекла исписанный листок:

«Труп принадлежит бывшему ученику Третьей Черёмуховской средней школы Капустину Фёдору Васильевичу».

— На! «Труп»! — сказала Ната и, сунув бумажку Феде, отошла к ребятам.

Дверь открылась, появился Женя.

— Бакланов, Капустин, Белохвостова и Панков! В учительскую! — объявил он.

Здесь можно закончить повесть о неудавшемся приключении Феди Капустина. Рассказывать о том, как нашли у Баклановых федин аппарат и как арестовали пашкиного брата, и как мать забрала Пашку из Третьей школы, я не буду. Для этого пришлось бы написать ещё такую же повесть.

Скажу только, что, помимо Баклановых, сильно пострадал в этой истории Вовка. В то памятное утро Варя пришла к заключению, что была недостаточно строга со своим братишкой, и очень ревностно принялась исправлять эту свою ошибку.

Далёкие голоса

Очень хочется всё знать о широком, огромном мире, в котором мы живём. Хочется поездить, посмотреть и своими глазами увидеть мраморные площади Венеции, древние скалы Англии, лесные озёра Вьетнама... И больше всего хочется поговорить с людьми, узнать, как живут в дальних странах твои сверстники. Поэтому-то так интересно с ними переписываться. Получишь письмо — и точно услышал живой голос, точно жил какое-то время жизнью далёкого друга... Сколько судеб, обычаев, характеров, интересных дел узнаёшь из писем!

Многие ребята в нашей стране переписываются с ребятами других стран. Некоторые из этих писем мы здесь помещаем. А на последней странице обложки нарисованы пионерские значки, присланные в письмах. Пионеры разных стран обмениваются значками и галстуками.

У немецких пионеров галстук синий, это как бы частица синего знамени Союза Свободной Немецкой Молодёжи, в ряды которого готовится вступить каждый пионер Германской Демократической Республики. Три конца галстука означают семью, школу и Союз пионеров, которым верен пионер.

Многое можно узнать из писем о том, как живут и работают пионеры. Бывают дни, когда румынские заводы объявляют, что сегодня они дают «пионерскую плавку». Это значит, что сегодня они работают только на собранном пионерами и переплавленном металлоломе. Об этом рассказывает маленькое письмо из Бухареста. А вот конверт с маркой Вьетнама. В нём фотография: у большого щита, на котором написаны буквы, стоит мальчик с указкой в руке, а вокруг него толпа народа. Это вьетнамский пионер обучает грамоте людей, пока они ждут парама.

Рассказывают ребята и об истории своей организации. В Албании первый отряд возник во время борьбы с фашистами. 10 февраля 1942 года на высоких холмах в окрестностях Тираны собралась группа ребят. Повернувшись к востоку, в сторону Советского Союза, подняв над головой сжатую в кулак руку, они принесли присягу. Перед лицом партизан они поклялись быть верными родине, бороться за её освобождение, не щадя своей крови, не щадя жизни.

О пионерах-героях узнаём мы и из китайских писем. В Народно-освободительной армии был целый Пионерский корпус. Он прославился во время героического Западного похода. Народная армия была окружена неприятелем. Тогда Пионерский корпус горными тропами вышел врагу в тыл и вступил с ним в бой. А тем временем главные силы Армии прорвали окружение и заняли удобные позиции.

Юные техники пишут о своих моделях, юннаты советуются о новых сортах растений, спортсмены в письмах договариваются о заочном состязании, шахматисты в письмах проводят турнир...

О самых разных вещах пишут ребята, самые разные письма получают они в ответ. Каждое из этих писем — дружеская рука, протянутая для крепкого рукопожатия.

3. Шнекендорф

Пишет Цзи Чен

Дорогие друзья!
Я хочу рассказать вам о своей школе.

Учебный год в нашей школе делится не на четыре четверти, как у вас, а на два семестра. Каждый месяц мы проводим разные конкурсы, например, конкурс на лучшее сочинение, на лучшее исполнение песни, на лучший доклад о международном положе-

нии. В нашей школе самая лучшая отметка — 100, а самая плохая — 0.

Любите ли вы изучать различные иностранные языки? Начали ли вы изучать индонезийский язык? Я также люблю изучать иностранные языки, но у меня мало для этого времени, кроме того, все иностранные языки очень трудные.

Желаю вам всем здоровья.

С приветом

Цзи Чен.
г. Джакарта.

Фото из Шанхая. Пионерское состязание в стрельбе из лука.

Стихи о братстве

О, если бы народы
всей земли
Друг другу руки
протянуть могли!
Какой бы бесконечный
хоровод,
Какой чудесный, мирный
хоровод
Увидел бы тогда ты,
мой народ!
О, если бы войны не стало
вдруг

И если б жили дружно
все вокруг,
Без злобы, без вражды,
спокойно и согласно,
Жизнь зацвела,
светило б солнце ясно,
И как бы жизнь тогда
была прекрасна!

Сюзанна Кристаль.
Париж.

О чём рассказывают гербы

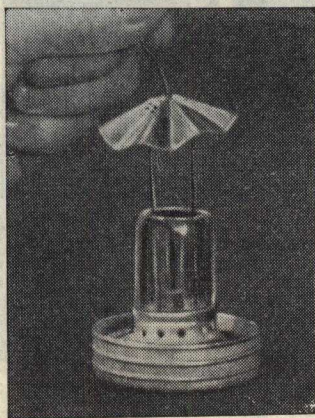
Один из этих гербов — тот, который вы видите слева, — прислан ребятами из Чехословакии. Так как чехи и словаки объединились в одну республику, у них и герб объединённый: чешский лев и три горные вершины, господствующие над родными горами словаков.

Второй герб, изображённый справа, прислали австрийские школьники. Это герб их родного городка Эбензее. В рисунок герба вошли и снежная вершина горы Фойеркогель, у подножия которой стоит Эбензее. Здесь и синие воды Траунского озера, и канатная подвесная дорога, по которой в маленьких вагонетках туристы поднимаются на Фойеркогель, и нежные цветы альпийских лугов, и кирка — орудие труда эбензейцев, работающих в соляных копях, которыми славится их город.

Фонарик

Его прислали школьники из города Ханоя. При свете таких фонариков учились ребята в годы народно-освободительной борьбы Вьетнама. Школы были укрыты в густых зарослях тропических лесов. Не хватало бумаги, и дети писали на песке или на листьях бананов. Днём грозили бомбёжки; занятия приходилось проводить ночью. Вот почему были нужны ребятам маленькие самодельные фонарики.

Эта фотография тоже прислана из Вьетнама. На ней вместе с ребятами снят товарищ Хо Ши Мин — президент Демократической Республики Вьетнам. «Дядюшка Хо» — с нежностью зовут его вьетнамские ребята.

Чудо-овощи

Дорогие друзья!
Хотелось бы рассказать вам, как работаем мы, мичуринцы Бухарестского дворца пионеров.

Больше всего мы гордимся гигантскими помидорами. Два помидора весят больше полутора килограммов, и они очень вкусны. Девочки положили несколько помидоров в банки и законсервировали их. В нашем саду мы вырастили также и громадные стручки фасоли. Да, да, громадные! Каждый стручок — больше метра. В этом году мы занялись также и прививкой citrusовых. Будущим летом у нас будут лимоны и апельсины.

Часть этих деревьев мы попробуем вырастить новым методом. Мы посадили их на дне больших ям, в метр глубиной. Зимой во время больших морозов мы их покроем толстыми рогожками.

Но больше всего деревьев мы будем выращивать в

теплицах. У нас отличные теплицы. Зимой одно удовольствие там работать. Повсюду тепло, пахнет свежими цветами, и в самый разгар зимы можно найти рассаду помидоров, синих баклажанов, перца.

С зимними помидорами мы произвели интересный опыт. Мы посадили их в глиняных горшках. Наверно, вы возмущённо подскочили на стуле: «Помидорам нужно много питания. А в горшке мало земли и, следовательно, мало питательных веществ». Это правда. Но мы питали растения искусственным путем: химическими и органическими удобрениями. Они быстро росли и дали богатый урожай.

Но довольно я вас занимала разговорами. Наверно, у вас немало уроков, их нужно учить, а может быть, вам хотелось бы пойти в Дом или во Дворец пионеров вашей местности. Ещё раз желаю вам успеха.

Член мичуринского кружка
Бухарестского дворца пионеров
Моника Ионеску

Наш Новый год

Мой дорогой друг!

Поздравляю вас с праздником. Я и мой отец любим Советский Союз. Мой отец — техник-электрик. Иногда он говорит мне: «Я хочу поехать в Советский Союз». Он любит вашу страну, я тоже. О себе. Я японец, поэтому у меня чёрные волосы и чёрные глаза. Я самый высокий в нашем классе. Наша семья состоит из отца, матери, двух младших братьев и меня. В школе я изучаю японскую классическую поэзию, английский язык, науки, музыку, математику, гимнастику, японский язык, рисование, европейскую историю. Какие предметы изучают у вас?

Каникулы у нас начинаются 30 декабря, перед Новым годом. Я хочу рассказать вам о японском Новом годе. С вечера все люди идут в пагоду. В 12 часов начинают звонить в колокола. Это означает прощание со старым годом и приход нового. Колокола звонят сто восемь раз. А утром в новогодний день все семьи дома, отдыхают от работы и едят «озони», сделанный из риса, и пьют «ото зо». В вино примешивают пряности.

Я думаю, и у вас тоже есть много старых знаменитых обычаев, и хорошо было бы обмениваться ими. Дружба не имеет границ!

Иосихиде. Токио

Мы помним!

Мы, дети Мардзаботто, ещё не забыли всех ужасов войны, и мы решили организовать пионерский отряд. Мы хотим быть в первых рядах тех, кто борется против войны. Наши матери и матери всего мира не должны больше оплакивать своих погибших детей.

Мы решили послать вам эти снимки на память о нашем местечке, где было убито 1 830 человек — женщин, стариков и детей, — где немецкие эсэсовцы и итальянские фашисты оставили после себя плач, смерть и разрушение.

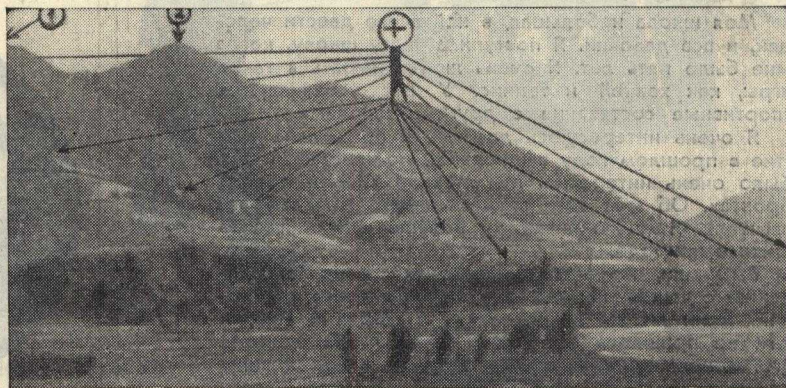
Мы знаем, что во многих городах Советского Союза немецкие фашисты, как и в Мардзаботто, оставили за собой смерть и слёзы. Для того, чтобы этого больше не случилось, мы, пионеры Мардзаботто, вместе с советскими пионерами и детьми других стран должны бросить призыв к миру и дружбе между народами.

Да здравствует мир!

Да здравствуют пионеры всего мира!

Ассоциация пионеров
Италии.

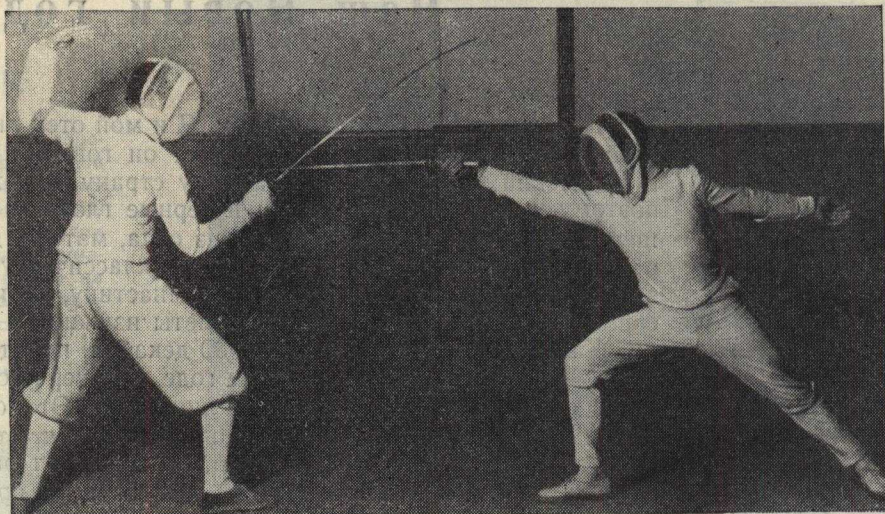
Секция Мардзаботто.

Пионеры Мардзаботто прислали в своём письме две фотографии. На одной — горы близ их городка. Цифрами 1 и 2 отмечены места, где сражалась партизанская бригада русских «Красная звезда». На второй фотографии — демонстрация за мир. Жители Мардзаботто несут знамя, на котором вышито 1 830 звёздочек в память о согражданах, убитых фашистами.

Югославские ребята прислали в письме фотографию занятий своего фехтовального кружка.

У древних берегов Тарелка-путешественница

Моя школа небольшая, в ней всего двести человек, и все девочки. Я поступила в эту школу, когда мне было пять лет. Я очень люблю играть в такие игры, как хоккей и теннис. У нас устраиваются спортивные состязания с другими школами.

Я очень интересуюсь драмой. Я принимала участие в прошлом году в школьной постановке, и это было очень интересно. Мы ставили «Жизнь сестёр Бронте». Об этих трёх писательницах, я думаю, вы слышали. Я много читаю и больше всего люблю стихи о природе.

Вы учили, что Англия маленькая страна по сравнению с вашей, но нам она кажется очень обширной. Были ли вы когда-нибудь у моря? В Англии вам не пришлось бы долго ехать, чтобы увидеть его. Например, в то время, когда я пишу, я вижу широкую полосу моря. В Корнуолле вдоль всего берега высокие древние скалы, хотя местами берег спускается к самой воде.

Джуди Бэк.

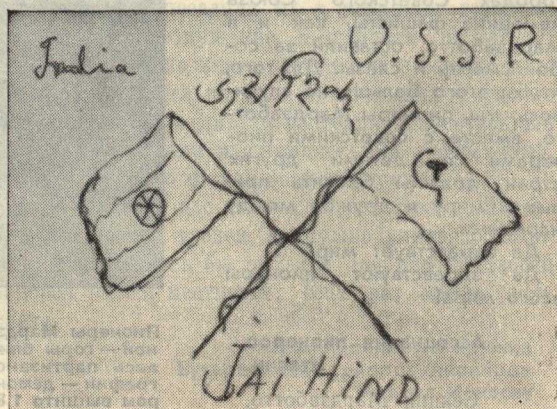
Северный Корнуолл, Англия.

Вот деревянная тарелка, совершившая длинное плавание по морям и океанам, с Мадагаскара. В яркой росписи изображена сцена из жизни на этом острове.

Двести ответов

Дулал Чакраборти живёт в большом и красивом индийском городе Калькутте. Чтобы легче было переписываться с русскими ребятами, он хочет поскорей изучить русский язык. Узнав об этом, многие наши школьники стали писать ему. Дулал уже получил больше двухсот писем из Советского Союза, а в письмах — буквари, словари, разрезная азбука. Всё это для того, чтобы ему легче было учиться по-русски. Справа вы видите рисунок из письма, присланного Дулалом. На рисунке — скрещенные в знак дружбы флаги Индии и СССР. Письмо своё Дулал заканчивает так: «Хинди, руси — бхай, бхай! Руси, хинди — бхай, бхай!» «Индийцы, русские — братья! Русские, индийцы — братья!»

Ночной разговор

Ю. Новикова

Рисунки Б. Винокурова.

Удивительный гость

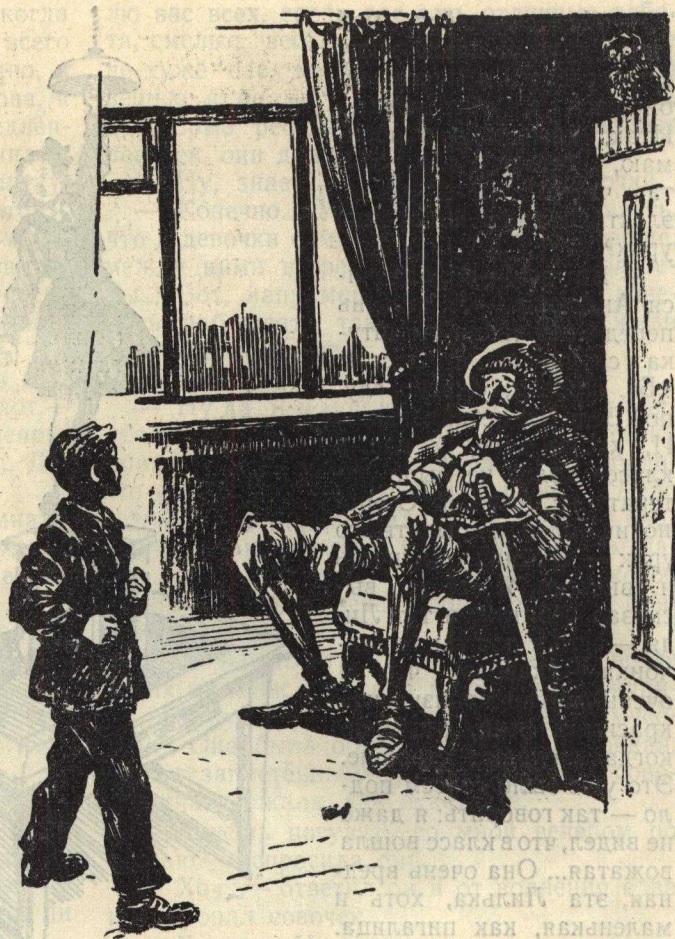
Часы пробили двенадцать, а Андрияша всё ещё шагал по комнате от книжной этажерки к двери и от двери обратно к этажерке. Давно пора было спать, а он ещё ничего не решил.

Мама с вечера ушла на дежурство, и дома было очень тихо. В полумраке поблескивали корешки книг, и мамин халат на кресле принимал странные очертания. Один раз Андрияше даже показалось, что в кресле кто-то сидит.

Андрияша шагал по комнате и думал, как ему поступить. Случай вышел затруднительный, а посоветоваться не с кем. Закадычный друг «Андрияшка-2» уехал неделю назад, а другим ребятам по некоторым причинам всего не расскажешь...

Что-то звякнуло за спиной, и Андрияша обернулся. Теперь уж он видел совершенно ясно: кто-то сидит в кресле, вон даже рукава халата шевелятся. Решительными шагами Андрей подошёл к креслу и замер от удивления: в кресле сидел Дон Кихот.

Да, да, это был он, благородный рыцарь Ламанчский. Андрей сразу узнал его горбоносый профиль и тощую бородку. Дон Кихот был точь-в-точь, как на картинке, — длинный, костлявый, в старых, ржавых ла-

тах. Только поверх доспехов он кутался в мамин тёплый халат, и это придавало ему на редкость домашний вид.

— Приветствую тебя, мой юный друг! — сказал рыцарь, кивая головой Андрияше. — Извини, что я без разрешения воспользовался этой одеждой: всё никак не привыкну к вашему климату... Я поспешил к тебе на помощь: ведь ты, кажется, находишься в затруднении? Поведай же, что случилось в вашем замке, то есть я хотел сказать, в вашей школе?

Андрияша беседует с Дон Кихотом

Голос у Дон Кихота был такой добрый, а глаза смотрели так приветливо, что Андрияша тотчас же решил рассказать ему всё.

— Понимаете, на днях в седьмом «А» погасло электричество... — начал он и вдруг осекся. — Ой, ведь при вас не было электричества!

Рыцарь успокоил Андрияшу кивком головы.

— Не смущайся, мой юный друг. Я давно живу среди ребят и немного разбираюсь в обстановке... Итак, насколько я понимаю, в седьмом «А» ребята что-то натворили с электричеством и сорвали урок?

— Вот-вот!—обрадовался Андрюша.— А за день перед этим такая же штука случилась в шестом «Б». Правда, ужасно глупо? Ведь мы не маленькие. И, кроме того, у нас в классе долго не было литературы: Алексей Степанович болел, и срывать его урок — двойная глупость и свинство. Я всё это высказал ребятам, и тут Лилья — есть у нас такая девочка — сказала, что я очень люблю произносить красивые речи, особенно когда слушают старшие. Это уже было совсем подло — так говорить: я даже не видел, что в класс вошла вожатая... Она очень вредная, эта Лилья, хоть и маленькая, как пигалица.

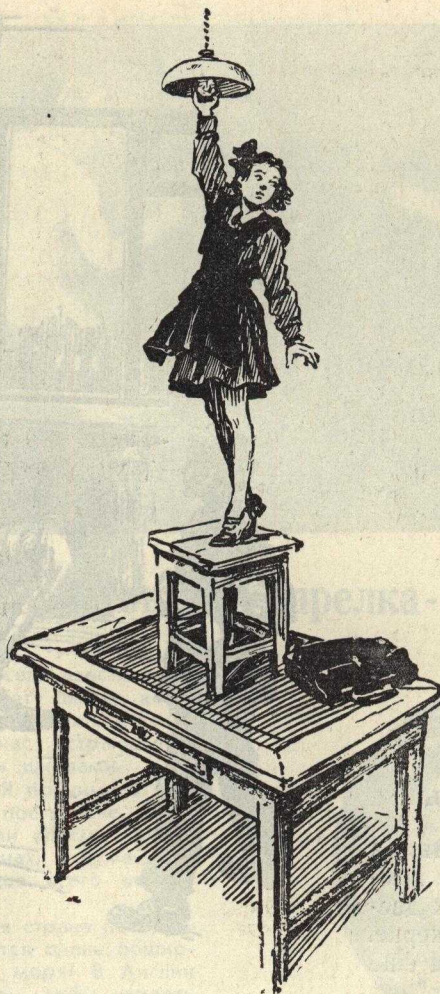
В общем, я сказал, что у нас таких аварий не будет, и ребята меня поддержали. А Лилья проворчала: «Ну, это мы ещё посмотрим!» Но никто на это не обратил внимания: все знают, что Лилья только на язык сильна, а так она даже ночных бабочек боится.

И вот что случилось сегодня. Я пришёл в школу за полчаса до уроков и ещё из коридора услышал: в классе кто-то есть. Заглянул в дверь — Лилья! Взгромоздила табуретку на стол — иначе ей, конечно, не достать,— стоит и крутит лампочку, а у самой такое испуганное лицо, что даже неприятно смотреть.

Я вошёл в класс и сказал: «Слезай!» Лилья сейчас же слезла. Я снял табуретку и прямо со стола выкрутил лампочку и вытащил бумажку, которую Лилья всунула в патрон. По-моему, она её так глупо всунула, что лампочка всё равно стала бы гореть.

— Ну зачем ты это сделала? — спросил я Лильку.

Она всё время стояла и смотрела на меня.

— Не знаю... Просто хотела испытать: струшу я или нет.

Мне очень захотелось её стукнуть, но я вовремя вспомнил, что не бью девочек уже с пятого класса. В общем, я почти что вернул лампочку, как вдруг случилось самое ужасное... Дверь закрипела, Лилья тихонько ойкнула и сразу куда-то провалилась.

— Её похитил злой волшебник? — спросил Дон Кихот, которого, видимо, иногда посещали старые воспоминания.

— Какой там волшебник! Просто в класс вошла вожатая. Лилья сразу же присела за парту, и вожатая так её и не увидела, а я остался стоять, как дурак, на столе. Одной рукой я крутил лампочку, а другой держал проклятую бумажку, и вожатая, конечно, решила, что я хотел засунуть бумажку в патрон, да только она мне помешала... Если бы она раскричалась, я бы нашёл, что сказать. Но она только сказала с горечью:

— Эх, Андрей! Посмотрели бы на тебя сейчас ребята, которым ты вчера говорил красивые речи!

Вот всё, что она сказала, и ушла. Лилья потом пищала, что мне тоже нужно было спрятаться. Но зачем же мне прятаться, если я ни в чём не виноват? И ещё Лилья твердила: это — просто счастье, что вожатая её не видала, мол, она, Лилья, два раза в этом месяце убегала с уроков, и «ещё, пожалуй, вызвали бы маму, а у мамы сердце». Я хотел сказать, что об этом раньше нужно было думать, но промолчал.

На уроке я ничего не слышал. Я сидел и думал, что теперь из-за Лильки у меня будет куча неприятностей. И потом вожатая расскажет обо всём своей сестре Гале, а Галья...

— Это дама твоего сердца? — спросил Дон Кихот.

— Вот ещё! Просто хорошая девочка. Она ещё только в шестом, но мы с ней в одном

драмкружке. Так вот, Галя недавно, когда мы шли домой, сказала, что больше всего не любит людей, которые говорят одно, а делают другое. Я вспомнил про эти слова, и мне стало так кисло, что я решил немедленно отыскать вожатую. Но тут урок кончился, ко мне подскочила Лилька и сунула записку: «Если ты хочешь, я всё расскажу вожатой».

Я сначала обрадовался, а потом вспомнил, что у лилькиной матери «сердце», и ответил Лильке: «Поговорим завтра». И вот теперь это завтра почти что настало, а я ещё ничего не решил...

— Да, действительно, случай не из лёгких, — раздумчиво произнёс Дон Кихот. — Значит, с одной стороны, у тебя будут неприятности, а с другой — Лиля и её мама... Да, нехорошо...

Дон Кихот встал и зашагал по комнате; его доспехи постукивали друг о дружку, как консервные банки. Потом он остановился возле Андрюши и сказал:

— Слушай, мальчик, может быть, я смешной, старомодный рыцарь... Но посмотри на себя, ты большой и сильный, а Лилька маленькая и, наверно, слабая. Знаешь, я всегда защищал слабых, и, по-моему, это долг благородного человека.

— Не такая уж Лилька слабая...

— И всё-таки... Вот у вас, мальчишек, есть хорошее правило: не бить лежачего. Ты никогда не нарушал этого правила, поэтому я и поспешил тебе на помощь. Не кажется ли тебе, что ты хочешь ударить лежачего?

— Не знаю... Но как только я вспомню, что обо мне думает вожатая... и Галя... Слушайте, Дон Кихот, приятно вам было бы, если бы ваша дама вообразила, что вы подлец?

Дон Кихот собрался что-то ответить, но в этот момент его перебил звонкий, молодой голос, и из-за портьеры появился новый неожиданный гость.

Рассказ д'Артаньяна

— Клянусь честью, он нравится мне, этот мальчик! — воскликнул новый гость.

По облику он чем-то напоминал Дон Кихота, но был гораздо красивее: щёки его пылали юношеским румянцем, а в глазах, блестящих из-под широкополой мушкетёрской шляпы, бегали лукавые искорки.

— Клянусь моей шпагой, шпагой д'Артаньяна, у тебя есть качество, которое редко встречается у твоих друзей, — ты дорожишь мнением своей дамы, — продолжал вошедший, обращаясь к Андрюше. — Я очень люб-

лю вас всех, среди вас есть отличные ребята, смелые, весёлые, и дружить вы умеете не хуже нас, мушкетёров. Но вот с одной вещью я не могу примириться... Подумай, некоторые ребята не только не защищают девочек, они даже бьют их...

— Ну, знаете, разные бывают девочки...

— Конечно... Увы, мне случалось видеть, что и девочки сами затевали драку. Вообще, между ними встречаются сильные характеры... Вот, например, этим летом мне довелось наблюдать такой случай. Мы жили в пионерском лагере...

— Вы?!

— Ну да. Я и мой юный приятель, он привёз меня с собой в чемодане... Мы чертовски приятно проводили время: гуляли, загорали. Но мой приятель часто бывал невесел. Дело в том, что в лагере жила одна девочка, надменная, как королева. Она почти не замечала моего приятеля, а он мечтал только об одном: хоть один вечер побродить с ней вместе по лагерю.

И вот как-то утром они встретились возле своих палаток. Они оба в тот день дежурили, и в руках у обоих были совочки с мусором... Она была обворожительна: стройная, с туго заплетёнными косичками, свой совочек она держала, как букет роз.

— Хочешь погулять со мной вечером по лагерю? — спросила она.

— Хочу, — ответил он и от волнения едва не выронил совочек.

— Хорошо. Но только с одним условием: мы войдём к вам в палатку и высыплем там мусор из обоих совочков. Пусть ваша палатка будет сегодня самая грязная. И пусть вам достанется на линейке, а нас похвалят.

— Неужели же он согласился?! — воскликнул Андрюша.

— Нет, представь себе, этот чудака не пожелал выполнить пустячный каприз дамы.

— Нечего сказать, пустячный! Как вы не понимаете, д'Артаньян?! Это же всё равно, ну, как если бы вам предложили замарать честь вашего мушкетёрского полка!

— А, пожалуй, ты прав, мальчик, — подумав, сказал д'Артаньян, — мне как-то не приходило это в голову. Да, кажется, и я бы не согласился высыпать мусор из своего совочка... И всё же я не был бы столь жестоко-сердным, как мой юный приятель. Ведь он просто не захотел больше разговаривать с этой прелестной девочкой... Но довольно об этом, поговорим о тебе. Ведь ты хочешь моего совета? Скажу кратко: надо быть снисходительным к женщинам. Это долг мужчины.

В беседу вступают новые лица

Едва д'Артаньян произнёс эти слова, как случилось новое странное происшествие: заговорило чучело совы, стоящее на шкафу.

— Просто удивительно, — сказала сова, вращая круглыми жёлтыми глазами и став до странности на кого-то похожей, — просто удивительно, какую чушь вы здесь городите! Дело проще простого: скверная девчонка натворила глупостей, решила в них признаться, а вы ещё собираетесь ей помешать. В конце концов это даже непедагогично... Не слушайте никого, молодой человек, и поступайте так, как вам выгодней и легче, право же, это самое важное. Что же касается этих старомодных чудаков, которые подбивают вас на всякие донкихотские поступки...

— Что ты сказала?! — вскричали д'Артаньян и Дон Кихот, хватаясь за шпаги. — Благодарю судьбу, что ты не человек, а всего только жалкая птица!

— Знаем мы, что это за птица! — сказал, входя в комнату, молодой лётчик в комбинезоне. — Молчи, Ромашка, или я выброшу тебя в окно, Сова! Речь идёт о человеческих чувствах, и здесь тебе нечего сказать.

— Саня! Саня Григорьев! — радостно закричал Андрияша. — Как хорошо, что ты пришёл! Понимаешь, и Дон Кихот и д'Артаньян — они оба очень благородные, и я их очень, очень уважаю, но ведь они не учились с девочками и не во всём могут разобратся... Скажи, разве я должен делать скидку девочке только за то, что она девочка?

— Нет, Андрияша, — ответил Саня и обернулся к д'Артаньяну: — Извините меня, дорогой д'Артаньян, но в этом вопросе я с вами не вполне согласен. Конечно, мальчик должен быть вежлив с девочкой, и защитить её нужно, если она в этом нуждается, а уж драться с девочкой вовсе нехорошо... Но всё же девочка и мальчик прежде всего това-

рищи, и ответственность с девочек не снимается...

— Вот и я так же считаю,— просиял Андрей.— Лилька — такая же школьница, как я, это раз. Она сама виновата, два... Значит, ей и отвечать. Кажется, ясно?.. Ясно, Саня?

— Ясно... Неясно только одно: почему ты колеблешься? Почему целый вечер ходишь из угла в угол и даже призвал на помощь всех нас?

— Не знаю. Ну, мне жалко Лилькину маму... Нет, не только... — Андрюша потёр лоб и вдруг воскликнул с отчаянием: — Вот не могу я сказать этой дуре Лильке: «Поди расскажи», — не могу — и всё! Язык не поворачивается. А почему, чёрт его знает! Почему это, Саня?

— Потому что... Да потому, что есть у человека чувство. Большое, красивое, с которым легче жить. Его называют великодушием. И знаешь, Андрюшка, самые отважные люди, с которыми я встречался на фронте и в тылу, были великодушными. По-моему, это даже обязательно для храброго человека. Недаром у нас слову «великодушие» противопоставляют «малодушие», то есть трусость. Труссы не бывают великодушными, а великодушные — трусами.

— Однако, Санька,— проскрипел со шкафа Сова-Ромашка,— однако ты сам не очень-то проявлял это самое великодушие! Нельзя сказать, чтобы ты был великодушен со старым Николаем Антоновичем!

— Не прикидывайся дурачком, Ромашка, и не наводи тень на ясный день. Ты и сам понимаешь, что это — совсем другое дело. Николай Антонович был подлец, такой же подлец, как ты. А с подлецами какое может

быть великодушие?! Если Андрей встретится с подлым, низким человеком, он тоже — я уверен — будет твёрд и непреклонен... А Лилька — просто вздорная девочка, которая едва не натворила бед, а теперь сама не рада... Как ты считаешь, Андрей, полезет она ещё раз портить электричество?

— Лилька? Ни за что!

— Вот видишь. И, может быть, сейчас она тоже не спит и думает: «Что-то решил Андрей?» Отчасти она уже расплатилась за свою глупость.

— Выходит, Саня, ты требуешь, чтобы я...

— Я ничего не требую. Ты не маленький, ты семиклассник. Решай сам. Но если бы у меня был братишка, если бы он попал в такой же переплёт и спросил у меня совета...

— Что бы ты сказал ему?

— Я бы сказал... Видишь ли, я не педагог, может, я и не так говорю... Но я бы сказал: «Конечно, брат, положение твое незавидное. И Лилька, конечно, кругом виновата. Другой бы на её месте не стал ничего дожидаться, сам бы рассказал вожатой. Но раз уж так всё получилось, знаешь, что?.. Валяй, бери это дело на себя... И да здравствует великодушие!»

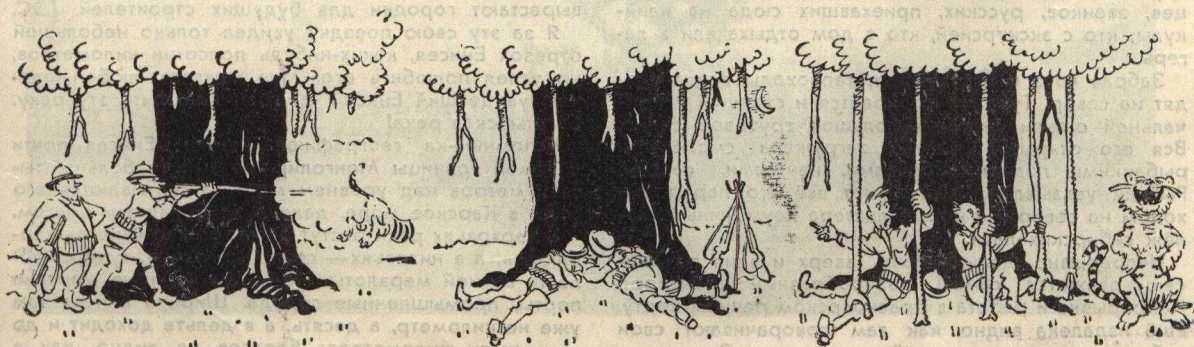
— Фу ты, я просто не могу больше слушать! — донеслось со шкафа. — Поймите, Андрей... Всё это хорошо в книгах, а в жизни при таком подходе вы непременно останетесь в дураках. В жизни надо думать прежде всего о себе.

— Довольно, Сова. Ты мне надоел,— сказал Саня, стянул чучело со шкафа и распахнул окно.

И Андрей увидел, как чёрное тело совы перекувырнулось в воздухе и, превратившись в жалкую точку, исчезло во мраке.

ДЕРЕВО-КАПКАН

Изошутка В. Кащенко.

Они не знали, что воздушные корни растут так быстро!

На Енисее

Как художника меня всегда привлекали наши озёра, реки и моря. Мне приходилось рисовать на Каспийском, на Азовском и Чёрном морях, на Рижском заливе, на Волге и других реках. А ещё мне очень хотелось побывать хотя бы на одной из великих сибирских рек. Нынешним летом мне это удалось. Я был на Енисее, повидал его собственными глазами.

После нескольких дней утомительной езды в вагоне я с удовольствием разминал ноги, выйдя на вокзальную площадь Красноярск. Было часа три. Начиналось хорошее, солнечное утро. Город ещё спал. Окна первых этажей привокзальных домов были закрыты ставнями, улицы тихи и пустынные. Пройдя город, я добрался до большого красивого речного вокзала. Вот он и Енисей! Привольные голубые просторы...

Стоя на Енисейской пристани, я невольно вспомнил железную дорогу, с которой только что растался. Всегда несколько озадачивает грохочущая, не смолкающая ни днём, ни ночью, напряжённая жизнь крупных железнодорожных станций. Какими бы они ни были большими, всё кажется, что на них какая-то очень опасная теснота и слишком много лязга, рёва и копоти.

Здесь, на Енисее, тоже деловая толчея: грузовые и пассажирские суда, плоты леса, тяжёлые караваны барж, буксиры, толкачи, суетливые катера, моторные лодки. Такая же, как и на железной дороге, круглосуточная работа. Но всё здесь как-то поразмашистее, без тесноты. Дышится свободно. Полноводная, широкая, очень быстрая река словно говорит: «Давай, взваливай на меня ещё столько же груза; я и не охну, да и тесно не будет».

У речного вокзала особенно оживлённо: разгар лета. Громадные белые теплоходы полуморского типа приходят с низовьев реки, из-за Полярного круга. Среди пассажиров много школьников — ненцев, эвенков, русских, приехавших сюда на каникулы, кто с экскурсией, кто в дом отдыха или в лагерь.

Забрав груз и пассажиров, теплоходы снова уходят на север. Туда же собирается и стоящий у причальной стенки лихтер — большое грузовое судно. Вся его открытая палуба загружена смолёными рыбацкими лодками, бочками, канатами, сетями. Рыбаки увязывают, закрепляют всё это перед выходом на север. На корме лихтера неумолчный скулёж сибирских лаек.

Непрерывно, день и ночь, вверх и вниз по Енисею движется самый разнообразный транспорт. Непрерывна и работа в Красноярском речном порту. Ещё издалека видно, как там поворачивают свои хоботы выкопанные подъёмные краны. Эти стальные грузчики неторопливы, но очень сильны. Им по плечу клади в десятки тысяч килограммов. Некото-

рые краны работают только на берегу, а некоторые сами передвигаются по воде туда, куда позовут. Один из таких кранов-силачей изображён на нижнем рисунке.

Я решил отправиться вверх по Енисею на небольшом чистеньком теплоходике. Вступив на палубу, я неожиданно попал в распростёртые объятия... медведя. Правда, ему было всего около трёх месяцев, поэтому он смог облапить меня только за колени. Мишка совсем недавно расстался с тайгой, но уже успел сдружиться с командой теплохода и полюбить мороженое.

Я побывал там, где в Енисей впадает горная, порожистая река Мана, в посёлке Шумиха, близ которого будет построена крупнейшая в мире Красноярская ГЭС, и, наконец, у устья реки Бирюсы, где в пещерах по берегам найдены стоянки людей каменного века.

В этих местах Енисей сказочно красив. Пейзаж, который вы видите на обороте цветной вклейки, я нарисовал недалеко от устья Маны. На правом берегу, в лесу, у самого берега, едва заметны светлые точки домов, в них живут на государственном обеспечении инвалиды труда и войны. Енисей течёт тут широкой светлой лентой по просторному коридору со стенами из скалистых обрывистых гор, ошети-нившихся густым лесом.

Всё здесь величественно и даже как будто дико, пустынно, но вдруг эту первобытную тишь нарушает весёлая песенка, вступление к «Пионерской зорьке», или раскатисто, на много километров разносится голос диктора: «Говорит Красноярск...» Это радио. Оно звучит с пароходов, непрерывно идущих вверх и вниз по реке.

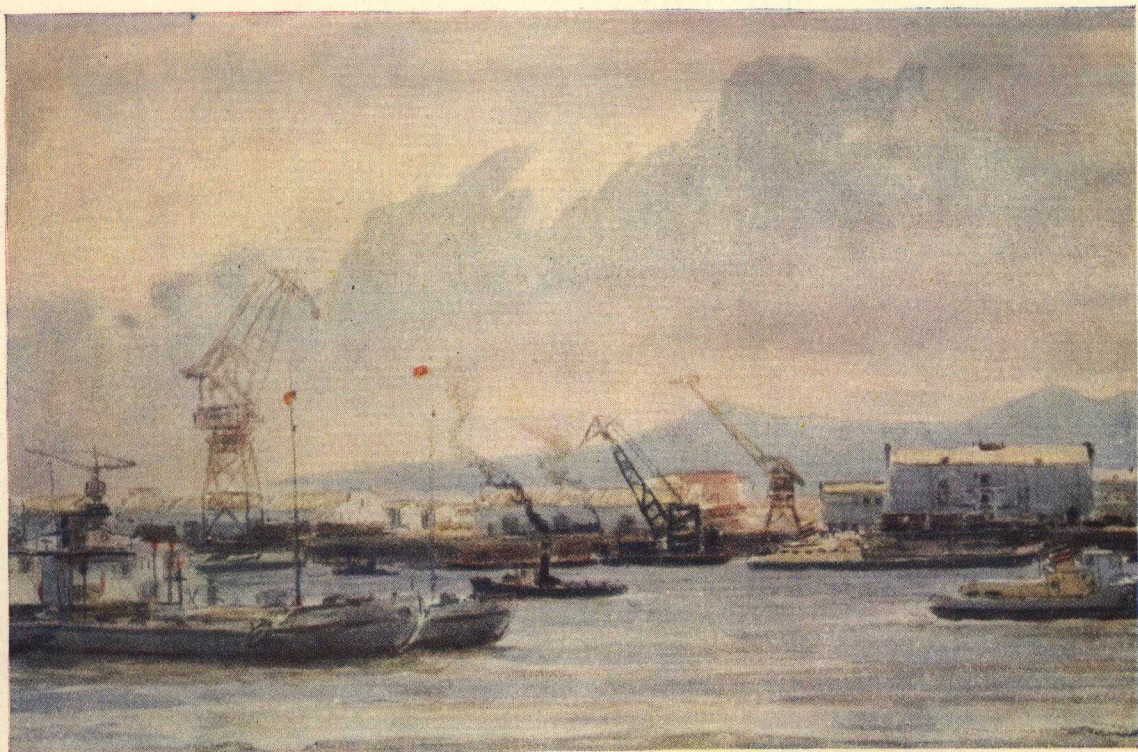
В лесных зарослях, в скальных отвесах и через глубокие пади строители прокладывают дорогу к Красноярской ГЭС, подрывники пробивают скалы, мостовики готовят мосты через реки. По берегам вырастают городки для будущих строителей ГЭС.

Я за эту свою поездку увидел только небольшой отрезок Енисея, каких-нибудь полсотни километров, но успел полюбить его. Мне кажется, любой человек, увидевший Енисей, должен полюбить эту реку. Богатырская река!

Вспомним-ка географию: истоки Енисея почти у самой границы Монголии, на высоте больше тысячи метров над уровнем моря, а скатываются его воды в Карское море, далеко за Полярным кругом.

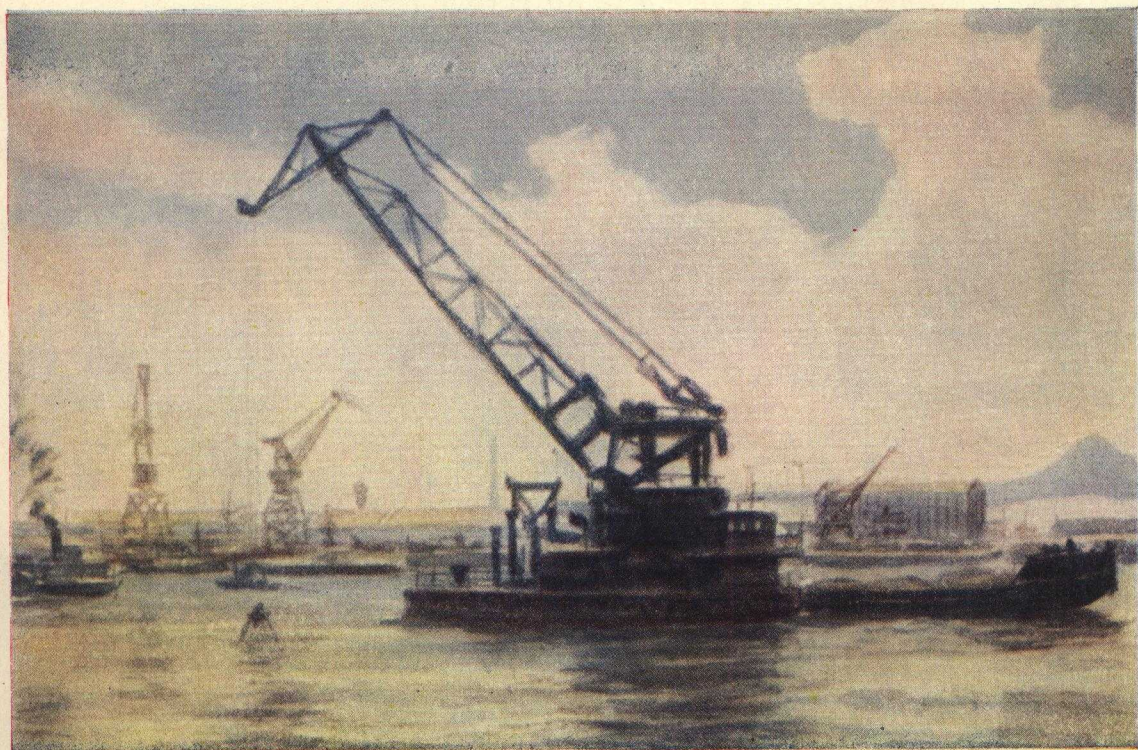
В верховьях реки растут дыни, можно увидеть верблюдов, а в низовьях — северные олени, тундра, область вечной мерзлоты. Но и там крупные морские порты, промышленные города. Ширина Енисея там уже не километр, а десять, а в дельте доходит и до пятидесяти километров; берегов не видно, как в море.

П. Кузьмичёв

У ПРИЧАЛОВ КРАСНОЯРСКОГО РЕЧНОГО ПОРТА.

П. Кузьмичев

КРАСНОЯРСКИЙ РЕЧНОЙ ПОРТ. ПЛОВУЧИЙ КРАН.

П. Кузьмичев.

НА РЕКЕ ЕНИСЕИ.

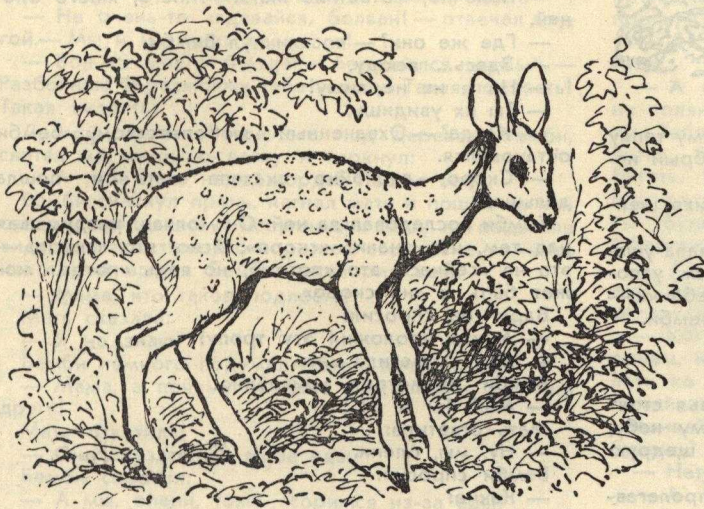
П. Кузьмичев.

БЕМБИ

По одноимённой повести австрийского писателя
Ф. Зальтена

Рисунки В. Ватагина.

вылупляются из яиц такими беспомощными! Они ничего, ну, ничего не могут сделать для себя сами! Вы не представляете, какой за ними нужен уход! И они всё время хотят есть. Ах, это так трудно — добывать пропитание и следить, чтоб с ними чего не приключилось! Голова идёт кругом. Разве я не права? Ну, согласитесь со мной. Просто не хватает терпения ждать, пока они оперятся и приобретут мало-мальски приличный вид.

— Простите, — сказала мать, — но я не слушала.

Сорока улетела. «Глупое создание, — думала сорока. — Удивительное, необыкновенное, но глупое».

Мать не обратила никакого внимания на исчезновение сороки. Она принялась мыть новорожденного. Она мыла его языком, бережно и старательно, волосок за волоском вылизывая шкурку сына. И в этой нежной работе было всё: и ванна, и согревающий массаж, и ласка.

Малыш немного пошатывался. От прикосновений тёплого материнского языка им овладела сладкая истома, он

опустился на землю и замер. Его красная, влажная, растрёпанная шубка была усеяна белыми крапинками, неопределившаяся детская мордочка хранила тихое, сонное выражение.

Лес густо порос орешником, боярышником и бузиною. Рослые клёны, дубы и буки зелёным шатром накрывали чащу; у подножий деревьев росли пышные папоротники и лесные ягоды, а совсем внизу ластились к смуглой, бурой земле листочки уже отцветших фиалок и ещё не зацветшей земляники.

Свет раннего солнца проникал сквозь листву тонкими золотыми нитями. Лес звенел на тысячи голосов. Без устали ворковали голуби, свистели дрозды, сухонько пощёлкивали синицы, и звонко бил зяблик. В эту радостную музыку врывался резкий, злой вскрик сына и металлическое гуканье фазанов. Порой всю многоголосицу заглушало звенящее ликование дятла.

А в выси, над кронами деревьев, неумолчно металлическими, гортанными голосами ссорились вороны, и, прорезая их хрипкое, назойливое бормотание, долетали светлые, гордые ноты соколиного призыва.

Малыш не различал голосов, не узнавал напевов, он не понимал ни одного слова в напряжённом и бурном лесном разговоре. Не воспринимал он и запахов, которыми дышал лес. Он чувствовал лишь нежные, лёгкие толчки, проникавшие сквозь его шубку в то время, как его мыли, обогревали и целовали. Он вдыхал лишь близкое тепло матери. Тес-

Он появился на свет в дремучей чащобе, в одном из тех укромных лесных тайников, о которых ведают лишь исконные обитатели леса.

Его большие мутные глаза ещё не видели, его большие мягкие уши ещё не слышали, но он уже мог стоять, чуть пошатываясь, на своих тонких ножках, и частая дрожь морщила его блестящую шкурку.

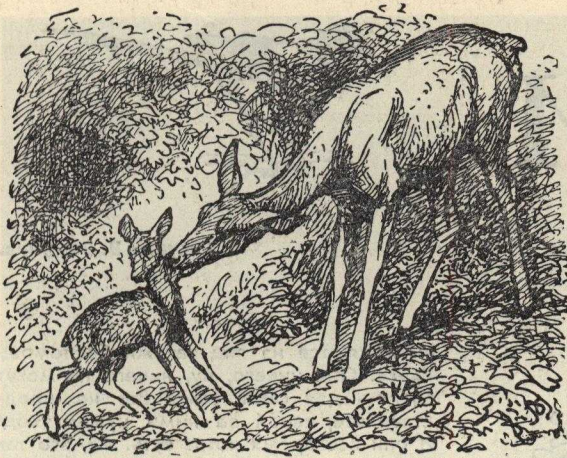
— Что за прелестный малыш! — воскликнула сорока. Она летела по своим делам, но сейчас разом обо всём забыла и уселась на ближайший сучок. — Что за прелестный малыш! — повторила она.

Ей никто не ответил, но сорока ничуть не смущалась.

— Это поразительно! — тараторила сорока. — Такой малютка — и уже может стоять и даже ходить! В жизни не видала ничего подобного! Правда, я ещё очень молода, что вам, наверное, известно, — всего год, как из гнезда... Но нет, это поистине изумительно и необыкновенно! Впрочем, я считаю, что у вас, оленей, всё изумительно и необыкновенно! Скажите, а бегать он тоже может?

— Конечно, — тихо ответила мать. — Но извините меня, пожалуйста, я не в состоянии поддерживать беседу. У меня столько дел... К тому же я чувствую себя немного слабой.

— Пожалуйста, не беспокойтесь, — поспешно сказала сорока. — У меня самой нет ни минутки времени. Но я так поражена!.. Подумать только, как сложно проходят все эти вещи у нас, сорок. Дети

но прижался он к этому мягкому, ароматному теплу и в неумелом голодном поиске отыскал добрый источник жизни.

И пока сын пил благодатную влагу, мать тихо шептала:

— Бемби...— Она вскидывала голову, прядала ушами и чутко втягивала ноздрями воздух. Затем, успокоенная и счастливая, целовала своего ребёнка.— Бемби,— говорила она,— мой маленький Бемби.

* * *

Ранней летней порой простор тих, деревья стоят недвижно, простирая руки-ветви к голубому небу, и молодое солнце изливает на них свою щедрую силу...

Бемби шёл за матерью по узкой тропе, пролежавшей между кустами. Это было приятное путешествие. Густая листва, уступая дорогу, мягко колотила его по бокам. Ему то и дело мерещились неодолимые преграды, но преграды рушились от одного его прикосновения, и он спокойно шёл дальше. Тропинок было не счесть, они во всех направлениях исчертили лес. И все они были знакомы его матери. Когда Бемби остановился перед непроницаемой зелёной стеной жимолости, мать мгновенно отыскала лаз.

Бемби так и сыпал вопросами. Он очень любил спрашивать. Для него не было большего удовольствия, чем задавать вопросы и выслушивать ответы матери. Бемби казалось вполне естественным, что вопросы возникают у него на каждом шагу. Он восхищался собственной любознательностью. Но особенно восхитительным было то нетерпеливое чувство, с каким он ожидал ответа матери. Пусть он порой и не всё понимал, но тогда он мог спрашивать дальше, и это тоже было прекрасно. Иногда Бемби нарочно не спрашивал дальше, пытаясь своими силами разгадать непонятное, и это тоже было прекрасно. Подчас он испытывал чувство, будто мать нарочно чего-то не договаривает, и это тоже было прекрасно, потому что наполняло его ощущением таинственности и неизведанности жизни, что-то сладко замирало в нём, пронзая всё его маленькое существо счастливым страхом перед величием и неохватностью подаренного ему мира.

Вот сейчас он спросил:

— Кому принадлежит эта тропа, мама?

А мать ответила:

— Нам.

Бемби спросил:

— Тебе и мне?

— Да.

— Нам обоим?

— Да.

— Нам одним?

— Нет,— ответила мать.— Нам, оленям.

— Что это такое — олени?— спросил Бемби, смеясь.

Мать посмотрела на сына и тоже рассмеялась.

— Ты олень, я олень, мы олени. Понимаешь?

От смеха Бемби подпрыгнул высоко в воздух.

— Понимаю. Я маленький олень, ты большой олень. Правильно?

Мать кивнула.

— А есть ещё олени, кроме тебя и меня?— став серьёзным, спросил Бемби.

— Конечно,— ответила мать.— Много, много оленей.

— Где же они?— воскликнул Бемби.

— Здесь... всюду.

— Но я их не вижу!

— Ты их увидишь.

— Когда?— Охваченный любопытством, Бемби остановился.

— Скоро,— спокойно сказала мать и пошла дальше.

Бемби последовал за ней. Он молчал, раздумывая над тем, что значит «скоро». Ясно, что «скоро» — это не «сейчас», это «потом», но ведь «потом» может быть и «не скоро».

Вдруг он спросил:

— А кто проложил эту тропу?

— Мы,— ответила мать.

Бемби посмотрел удивлённо.

— Мы? Ты и я?

Мать ответила:

— Ну, мы, олени.

Бемби спросил:

— Какие?

— Мы все,— ответила мать.

И они пошли дальше.

Бемби развеселился, он храбро прыгал в сторону от дороги, но тут же возвращался к матери.

Вдруг что-то зашуршало в траве. Закачались папоротники, тонкий, как ниточка, голосочек жалко пропищал, затем всё смолкло, лишь тихо шептались стебельки и травы, растревоженные чьим-то незримым бегом.

Это хорёк охотился за мышью. Вот он прошмыгнул мимо них, осмотрелся и принялся уничтожать добычу...

— Что это было?— возбуждённо спросил Бемби.

— Ничего,— сказала мать.

— Но...— Бемби дрожал.— Я же видел...

— Не бойся,— сказала мать.— Это всего-навсего хорёк убил мышь.— И она повторила:— Не бойся.

Но Бемби был ужасно испуган; незнакомое, щемящее, жалкое чувство проникло к нему в сердце.

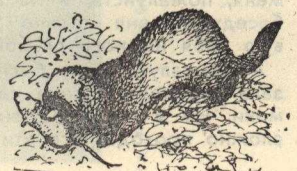
Долго не мог он вымолвить слова, потом спросил:

— Зачем он убил мышь?

— Зачем?...— Мать колебалась.— Пойдём скорей!— проговорила она, будто ей что-то внезапно пришло на ум.

Она быстро устремилась вперёд, и Бемби пришлось потрудиться, чтоб не отстать от матери. Он скакал изо всех силёнок, а мать молчала, она как будто забыла о его вопросе.

Когда же они снова пошли обычным шагом, Бемби спросил подавленным:

— А мы тоже когда-нибудь убьём мышь?

— Нет,— ответила мать.

— Никогда?

— Никогда.

— А почему так? — с облегчением спросил Бемби.

— Потому что мы никогда никого не убиваем,— просто сказала мать.

Они проходили мимо молодого ясеня, когда сверху послышался громкий, злой крик. Мать спокойно продолжала путь, но Бемби, полный нового любопытства, остановился. Высоко в ветвях над лохматым гнездом ссорились два ястреба.

— Убирайся отсюда, негодяй! — кричал один.

— Не очень-то задавайся, болван! — отвечал другой. — Мы и не таких выдвали!

— Вон из моего гнезда! — бесновался первый. — Разбойник! Я размножу тебе голову! Такая подлость! Такая низость!

Другой, заметив стоящего под деревом Бемби, слетел на нижнюю ветку и гаркнул:

— А тебе чего надо, морда? Пошёл вон!

Бемби скакнул прочь, нагнал мать и пошёл за ней следом, притихший и напуганный. Мать не подавала виду, что заметила его короткое отсутствие, и через некоторое время Бемби заговорил сам:

— Мама, что такое подлость?

Мать сказала:

— Я не знаю.

Бемби немного подумал, затем начал снова:

— Мама, а почему те двое так злились друг на друга?

Мать ответила:

— Они повздорили из-за еды.

Бемби спросил:

— А мы, олени, тоже ссоримся из-за еды?

— Нет,— сказала мать.

— Почему нет?

— Потому что тут достаточно еды для всех нас. Но Бемби хотелось ещё кое-что узнать.

— Мама...

— Что тебе?

— А мы, олени, злимся когда-нибудь друг на друга?

— Нет, маленький, у нас, оленей, этого не бывает.

Они шли дальше. В какой-то миг перед ними разверзлась широкая, светлая, слепяще-светлая щель. Там кончалась живая изгородь кустарника, обрывалась тропа. Ещё несколько шагов, и перед ними во все стороны распахнулся залитый солнцем простор. Бемби хотел прыгнуть вперёд, но мать стояла недвижно.

— Что это такое? — воскликнул он нетерпеливо, очарованный новой прелестью мира.

— Поляна,— ответила мать.

— А что такое поляна?

— Это ты скоро сам увидишь,— строго сказала мать. Она стала серьёзной и насторожённой. Всклонила голову, она к чему-то напряжённо прислушивалась и глубоко втягивала ноздрями воздух.

— Всё спокойно,— произнесла она наконец.

Бемби прыгнул вперёд, но мать преградила ему дорогу.

— Жди, когда я тебя позову.

Бемби послушно остановился.

— Вот так,— одобрила мать. — А теперь слушай меня внимательно.

Бемби чувствовал скрытое волнение в голосе матери. Он напряг всё своё внимание.

— Это не так просто — идти на поляну,— сказала мать. — Это — трудное и опасное дело. Не спрашивай, почему, когда-нибудь ты и сам узнаешь. А сейчас запомни хорошенько, что я тебе скажу. Обещаешь?

— Да,— ответил Бемби.

— Так вот, сперва я пойду одна. Ты стой здесь и не спускай с меня глаз. Если увидишь, что я бегу назад, то и ты беги прочь, беги как можно быстрее. Я догоню тебя.

Она замолчала, о чём-то думая, затем продолжала глубоким, проникновенным голосом:

— Во всяком случае беги, беги изо всех сил. Беги, если даже что случится со мной... Если увидишь, что я... что я упала... не обращай внимания, понимаешь? Что бы ты ни увидел, что бы ни услышал, прочь отсюда, немедленно прочь! Обещаешь?

— Да,— сказал Бемби тихо.

— А сейчас мы пойдём на поляну, сперва я, потом ты. Тебе там очень понравится. Ты будешь играть, бегать. Только обещай, что при первом же моём зове ты будешь около меня. Обещаешь?

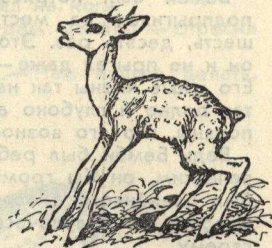
— Да,— сказал Бемби ещё тише: ведь мать говорила так серьёзно.

— Когда ты услышишь мой зов, не глазей по сторонам, ни о чём не спрашивай, а сразу, как ветер, лети ко мне. Без промедлений, без раздумий. Запомни это. Если я побегу, мчись за мной и не останавливайся, пока мы не очутимся в чаще. Ты не забудешь?

— Нет,— ответил Бемби с тоской.

— А теперь я пойду,— сказала мать и двинулась вперёд.

Она выступала медленно, высоко поднимая ноги. Бемби не спускал с неё глаз. Любопытство, страх, ожидание чего-то необычайного боролись в его душе. Он видел, как мать сторожко прислушивается,

видел, как напряжено её тело, и сам напрягся, готовый в любую секунду броситься наутёк. Но вот мать вытянула шею, удовлетворённо осмотрелась и крикнула:

— Иди сюда!

Бемби прыгнул вперёд; огромная радость, охватившая его с волшебной силой, прогнала страх. В чащобе он видел лишь зелёный свод листьев, сквозивший кое-где голубыми крапинами неба. А сейчас ему открылась вся неохватная голубизна небесного свода, и он чувствовал себя счастливым, сам не ведая, почему. В лесу он почти не знал солнца. Он думал, что солнце — это широкие полосы света, скользящие по стволам деревьев, да резкие блики в листве. А сейчас он стоял в ослепительном сиянии, в царстве тепла и света; чудесная, властная сила закрывала ему глаза и открывала сердце.

Бемби был потрясён, опьянён, одурманен. Он подпрыгивал на месте — два, три, четыре, пять, шесть, десять раз. Это делалось помимо его воли, он и не прыгал даже — его подбрасывало в воздух. Его юные члены так напрягались, его грудь дышала так полно и глубоко ароматным, пряным воздухом поляны, что его возносило вверх.

Ведь Бемби был ребёнком. Будь он сыном человеческого, он бы громко кричал от счастья. Но он был оленёнком, а оленят недоступно выражение радости на человеческий лад. Бемби ликовал по-своему.

Мать видела его беспомощные, смешные прыжки и всё понимала. Бемби знал лишь узкие оленьи тропы, в короткий век своего существования он свыкся с теснотой чащобы, он не ведал, что такое простор, и как им пользоваться.

Она наклонила голову и стремительно кинулась вперёд. Бемби засмеялся, а через секунду и сам припустился за ней следом, да так, что высокие травы громко зашуршали. Это испугало Бемби, он остановился, не зная, как ему поступить. И тут, сопровождаемая тем же странным шелестом, крупными прыжками приблизилась к нему мать, со смехом пригнулась, крикнула:

— А ну, ищи меня! — и вмиг исчезла.

Бемби был озадачен: что бы это могло означать? Куда девалась мать? Но вот она показалась снова, быстро пронеслась мимо, ткнула его на бегу носом и крикнула:

— А ну, поймай меня!

Бемби бросился за ней. Два, три шага... Но это не шаги, это лёгкие, парящие скачки. Его несло над землёй, он был охвачен волнующим ощущением полёта. Лишь на краткий миг касался он земли и снова уносился в пространство. Рослые травы шелестели у самых его ушей, то мягко и ласково, то шелковисто-упруго охлестывали они его стремящееся вперёд тело. Он мчался без цели и направления, кидался из стороны в сторону, а затем опять описывал круги в сладостно-дурманном полёте. Мать следила за ним, затаив дыхание.

Бемби самозабвенно резвился. Впрочем, это продолжалось не так уж долго. Высоким, грациозным шагом приблизился он к матери и заглянул ей в глаза влажным от счастья взором. Теперь они стали прогуливаться неторопливо, бок о бок.

На каждом шагу его восхищённому и жадному взгляду открывались

все новые чудеса поляны. Здесь совсем не было потайных уголков, как в глубине леса. Каждое местечко просматривалось до последнего стебелька, до самой крошечной тразинки, и так манило повалиться, понежиться в этой чудной, благоуханной мягкости! Зелёный простор был усеян белыми звёздочками маргариток, толстенькими головками лиловой и розовой кашки, золотыми свечками львиного зева.

— Смотри, мама! — воскликнул Бемби. — Цветочек полетел!

— Это не цветок, — сказала мать, — это бабочка. Бемби изумлённо смотрел на мотылька, который то кружился в полёте, то присаживался на стебелёк, то вновь взмывал ввысь. Теперь Бемби видел, что множество таких же мотыльков кружится над поляной, стремительно и вместе плавно опускаясь на облюбованный стебелёк. Они и в самом деле напоминали летающие цветы, весёлые цветы, покинувшие свои докучно-неподвижные стебли, чтобы немного потанцевать. А ещё они казались цветами, спустившимися с солнца. Чужаки на земле, они без устали ищут пристанища, но все лучшие стебли заняты земными цветами, им ничего не остаётся, как продолжать свой тщетный поиск...

Бемби хотелось рассмотреть бабочку поближе или хотя бы проследить полёт одной бабочки, но они мелькали так быстро, что кружилась голова.

Когда взгляд его снова обратился к земле, он заметил, что каждый его шаг подымает из травы тысячи крошечных, проворных существ. Они прыскали во все стороны мелким зелёным дождиком и, лишь на краткий миг обнаружив своё существование, вновь поглощались зелёным покровом земли.

— Что это такое, мама? — спросил Бемби.

— Так... Всякая мелочь, — ответила мать.

— Нет, ты посмотри! — вскричал Бемби. — Травинка, а прыгает!.. И как высоко прыгает!

— Какая же это травинка? — сказала мать. — Это самый настоящий кузнечик.

— Зачем же он так прыгает? — спросил Бемби.

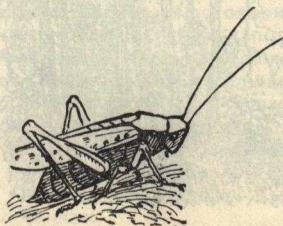
— Мы вспугнули его.

— О! — Бемби повернулся к кузнечнику, усевшемуся на стебель маргаритки. — О! — сказал Бемби вежливо. — Вы напрасно пугаетесь, мы не сделаем вам ничего плохого.

— Я не из пугливых, — скрипучим голосом ответил кузнечик. — Я только в первый момент немного испугался, от неожиданности. Я разговаривал с женой...

— Извините, пожалуйста, — сказал Бемби огорчённо. — Мы вам помешали.

— Не беда, — проскрипел кузнечик. — Раз это вы, не беда. Но ведь никогда не знаешь заранее, кто идёт. Приходится быть начеку.

— Видите ли,—доверительно начал Бемби,—я первый раз в жизни попал на поляну. Моя мать... Кузнецик капризно склонил голову, нахмурился и проскрипел:

— Знаете, меня это нисколько не интересует. У меня нет времени выслушивать болтовню. Меня ждёт жена. Хоп!..—И он исчез.

— Хоп!—повторил Бемби, ошеломлённый изумительным прыжком кузнецика.

Он подбежал к матери.

— Знаешь... я говорил с ним!

— С кем?

— С кузнециком. Он очень приветливый. И мне он понравился. А как он прыгает! Наверное, это ужасно трудно. Сказал «хоп»—и сразу пропал.

Они пошли дальше. Беседа с кузнециком разволновала и немного утомила Бемби: ведь он никогда ещё не беседовал с посторонними. Он почувствовал, что должен подкрепить свои силы, и потянулся к матери.

Насытившись, он заметил в плетении травинок светлый подвижный цветок. Нет, это не цветок, это опять бабочка! Бемби подкрался ближе.

Мотылёк лениво повис на стебельке и тихонько двигал крылышками.

— Пожалуйста, посидите вот так!—попросил Бемби.

— Почему я должна сидеть? Я же бабочка!—удивлённо отозвался мотылёк.

— Ах, посидите хоть одну минуточку!—умолял Бемби.—Мне так хотелось увидеть вас вблизи! Окажите милость!..

— Ну, если вы так просите,—снисходительно сказала бабочка.—Только недолго.

— Как вы прекрасны!—восторгался Бемби.—Вы прекрасны, как цветок!

— Что?—Бабочка хлопнула крылышками.—Как цветок? В нашем кругу принято считать, что мы красивее цветов.

Бемби смутился.

— Конечно...—пробормотал он.—Куда красивее! Извините, пожалуйста. Я только хотел сказать...

— Мне совершенно безразлично, что вы хотели сказать!—оборвал его мотылёк. Он жеманно изгибал своё хилое тельце, кокетливо двигал усиками.

— Как вы прелестны!—восхищался Бемби.—Что за чудо эти белые крылья!

Мотылёк расправил крылышки, затем плотно сложил их парусом.

— О!—воскликнул Бемби.—Теперь я вижу: вы куда красивее любого цветка. К тому же вы ещё можете летать, а цветы не могут. Ведь они привязаны к одному месту.

— Хватит,—сказал мотылёк.—Я действительно могу летать.

Он так легко вспорхнул, что Бемби не уловил момента взлёта. Мотылёк плавно и грациозно взмахивал белыми крылышками и вот уже парил в сиянии солнечного луча.

— Только по вашей просьбе просидел я так долго на одном месте,—сказал он, порхая вокруг Бемби,—но теперь я улетаю.

И всё это было полевой...

В глубине леса находилось убежище, принадлежащее матери Бемби. Маленькое убежище, настолько тесное, что Бемби и его матери едва хватало места; настолько низенькое, что, когда мать стояла, голова её упиралась в ветви, образующие потолок.

Густое плетение орешника, боярышника и бузины лишало убежище даже того скудного света, который проникал в лес сквозь кроны деревьев, ни один лучик солнца не достигал травяного пола. Здесь, в

этом убежище, появился на свет Бемби, здесь ему предстояло жить.

Сейчас усталая мать крепко спала. Бемби тоже было задремал, но вдруг проснулся, полный свежих жизненных сил. Он вскочил на ноги и огляделся. Хижина была погружена в тень, и можно было подумать, что уже наступили сумерки. Лес негромко шелестел. Попрежнему слышался слабый писк синицы, порой высокий хохот дятла или радостный крик вороны. Но все эти отдельные звуки тонули в большой тишине, объявшей полдневный мир. Если же хорошенько прислушаться, то можно было уловить, как в раскалённом зное кипит воздух. Источная духота наполняла хижину.

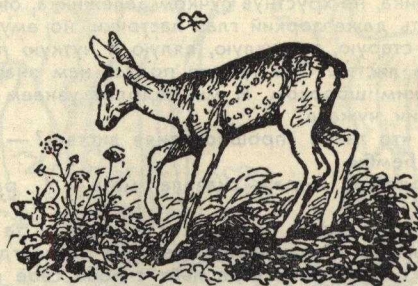
Бемби наклонился к матери.

— Ты спишь?

Нет, мать уже не спала. Она проснулась в тот самый миг, когда Бемби вскочил на ноги.

— А что мы сейчас будем делать?—спросил Бемби.

— Ничего,—ответила мать.—Нам нечего делать. Ложись спать.

Но спать Бемби совсем не хотелось.

— Пойдём-ём,—завёл он,—пойдём на поляну...

Мать подняла голову.

— На поляну? Сейчас... на поляну?

Страх, звучавший в её голосе, передался Бемби.

— Разве сейчас нельзя на поляну?—спросил он робко.

— Нет!—резко и твёрдо прозвучал ответ.—Нет, сейчас это невозможно!

— Почему?—Бемби чувствовал, что за этим скрывается что-то таинственное и грозное. Но вместе со страхом росло в нём желание знать всё до самого конца.—Почему мы не можем пойти на поляну?

— Ты всё узнаешь, когда подрастёшь.

— А я хочу сейчас,—не отставал Бемби.

— В своё время ты узнаешь,—повторила мать.—Ты ещё маленький, а с детьми не говорят о таких вещах. Сейчас... на поляну!.. Как можно думать об этом? Среди бела дня...

— Но мы же были на поляне среди бела дня!—возразил Бемби.

— Это—совсем другое дело,—сказала мать.—Мы были ранним утром.

— Разве только ранним утром можно ходить на поляну?—Бемби был очень любопытен, но терпение не изменяло матери.

— Да, ранним утром, или поздно вечером, или ночью.

— И никогда днём? Никогда?..

Мать колебалась.

— Бывает, что некоторые из нас ходят туда и днём,—сказала она наконец.—Но я не могу тебе всего объяснить: ты слишком мал... Те, кто ходит туда, подвергают себя великой опасности.

— А что значит «великая опасность»? — Бемби был очень упрям, когда его что-либо интересовало.

— Вот теперь ты видишь сам, что тебе этого не понять, — уклонилась мать от ответа.

Бемби казалось, что он мог бы всё понять, если бы мать захотела ему объяснить как следует. Но он замолчал.

— Мы все любим день, — продолжала мать, — особенно в детстве. И всё же днём мы должны заботиться. Только с вечера до утра можем мы свободно гулять. Понимаешь?

— Да...

— Вот потому-то, дитя моё, мы и должны оставаться дома. Здесь мы в безопасности... А теперь ложись спать.

Но Бемби никак не мог утомиться.

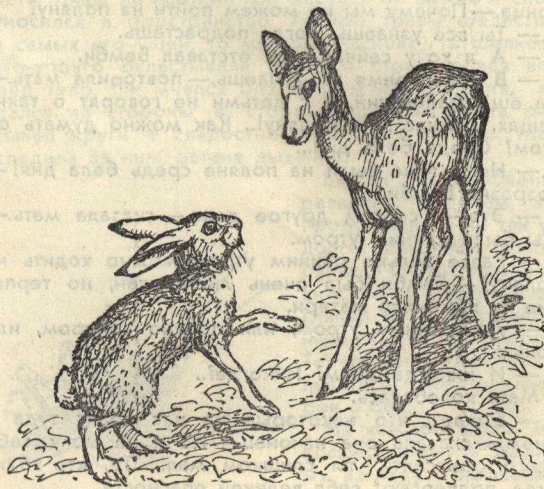
— Почему здесь мы в безопасности? — спросил он.

— Потому что нас охраняют кусты, валежник и старые, прошлогодние листья, потому что в вышине несёт свой дозор ласточка. Все они наши друзья, в особенности старые, сухие листья, устилающие землю. Чужой может подкрасться, не потревожив кустарника, не хрустнув сучком валежника, он может обмануть даже зоркий глаз ласточки, но ему не обмануть старую, пожухлую, вялую и чуткую прошлогоднюю листву. Она тут же подаст нам знак сухим и громким шорохом. И мы задолго узнаем о приближении чужака.

— А что такое «прошлогодняя листва»? — осведомился Бемби.

— Подойди сюда, — сказала мать. — Я расскажу тебе.

Бемби послушно подошёл к матери, и та начала свой рассказ. Оказывается, деревья не всегда зеленеют и солнце не всегда льёт с неба своё щедрое тепло. Наступает пора, когда солнечный свет слабеет и холод окутывает землю. Тогда листья теряют свою свежую, зелёную окраску, желтеют, краснеют, буреют и медленно опадают. И лишившиеся своего наряда деревья, словно жалкие нищие, протирают к небу голые, чёрные, обобранные ветви. Опадающая листва устилает землю и громко шуршит при каждом прикосновении. Попробуй-ка подкрасться незамеченным! О, эти добрые, сухие листья — усердные и неусыпные стражи! Даже сейчас, среди лета, схоронившись под свежей травой, несут они свою верную службу...

Бемби прижался к матери, он забыл о поляне. Когда мать кончила рассказывать, он глубоко задумался. В нём пробудилась любовь к милым старым листьям, так прилежно творящим свою добрую работу, несмотря на то, что они увяли и давно утратили тепло жизни. Но что же такое, в конце концов, опасность, о которой постоянно твердит мать? Раздумье утомило его. Кругом было тихо, лишь снаружи приглушённо кипел на жаре воздух. И Бемби уснул.

Однажды вечером Бемби вновь пришёл с матерью на поляну. Он думал, что знает поляну вдоль и поперёк, что он видел там всё, что можно увидеть, слышал всё, что можно услышать. Но оказалось, мир куда богаче и разнообразнее, нежели он себе представлял.

Вначале всё было так же, как и в первый раз. Он долго играл с матерью в весёлую игру — «догонялку». Он самозабвенно носился по поляне, хмельной от воздуха, простора и небесной голубизны, как вдруг заметил, что мать остановилась. Бемби затормозил так круто, что все его четыре ноги разъехались в разные стороны и ему пришлось высоко подпрыгнуть, чтобы снова собрать их под собой.

Судя по всему, мать с кем-то разговаривала, но высокие травы скрывали её собеседника. Бемби подошёл ближе. Рядом с матерью в метёлках травы шевелились два уха, два больших, серо-коричневых, разрисованных чёрными полосками уха. Бемби никогда не видел таких ушей и немного оробел, но мать сказала:

— Иди сюда. Это наш друг заяц. Подойди, не бойся и дай на себя посмотреть.

Бемби не заставил себя просить дважды. Он шагнул вперёд и тут же увидел зайца. Его большие уши то вскидывались вверх, то вдруг падали, как будто от внезапного приступа слабости.

Бемби смутили усы зайца, торчащие во все стороны вокруг маленького рта прямыми длинными иглами. Но это не помешало ему заметить, что лицо у зайца симпатичное, с хорошим, открытым выражением, и глядит он на мир двумя блестящими круглыми глазами. Нет, в дружелюбии зайца невозможно было усомниться.

— Добрый вечер, молодой человек, — приветствовал его заяц с изысканной любезностью.

Бемби только кивнул: «Добрый вечер». Он и сам не знал, почему он ограничился кивком. Очень приветливым, очень учтивым, но всё же чуточку снисходительным. Должно быть, это было у него врождённым.

— Что за прелестный юный принц! — сказал заяц.

Он разглядывал Бемби, ставя торчком то одно ухо, то другое, порой вскидывая их одновременно, порой бессильно роняя. Эта манера не понравилась Бемби: в ней было что-то нарочитое.

А заяц всё рассматривал Бемби большими круглыми глазами. При этом его нос и рот с великолепными усами беспрестанно двигались, будто он превозмогал желание чихнуть. Бемби рассмеялся. Тотчас засмеялся и заяц, лишь глаза его оставались задумчивыми.

— Поздравляю вас, — сказал он матери, — от всего сердца поздравляю с таким сыном. Да, да, да, это истинный принц... Да, да, да, иначе его не назывешь...

Заяц выпрямился и, к немалому удивлению Бемби, уселся на задние ноги. Поставив уши торчком, он внимательно прислушался, затем опробовал воздух своим подвижным носом и снова чинно опустился на все четыре ноги.

— Моё почтение достойным господам, — сказал заяц. — У меня столько дел сегодня вечером! Покорнейше прошу извинить меня.

Он повернулся и поскакал прочь, тесно прижав уши, достигавшие ему до плеч.

— До свидания! — крикнул ему вдогонку Бемби. Мать улыбнулась.

— Славный заяц!.. Такой милый и скромный. Ему тоже нелегко живётся на свете. — В её словах чувствовалась глубокая симпатия.

Пока мать подкреплялась, Бемби пошёл немного побродить. Он рассчитывал встретить кого-либо из старых знакомых и завязать новые знакомства. Вдруг до его слуха долетел какой-то шорох и словно бы негромкий топот. Он присмотрелся. Вдалеке, на опушке леса, что-то промелькнуло в траве. Какое-то существо... за ним второе. Бемби быстро оглянулся на мать. Но та, ничуть не тревожась, глубоко погрузила голову в траву. А неизвестные существа бегали по кругу точ-в-точь, как проделывал это сам Бемби. Он был озадачен и невольно подался назад, словно намереваясь пуститься наутёк. Мать заметила его волнение и подняла голову.

— Что с тобой? — крикнула она.

Но Бемби лишился дара речи, он мог только пролепетать:

— Там... там...

Мать проследила за его взглядом.

— Ах, вот оно что! Это моя кузина Энна, ну, конечно же, у неё тоже маленький!.. Нет, целых двое. Мать говорила весело, но вдруг посерьёзнела.

— Надо же, у Энны двойня... в самом деле, двойня.

Бемби глядел во все глаза. На поляне, у опушки, он обнаружил существо, очень похожее на его мать. Странно, что он его раньше не приметил. А в траве кто-то попрежнему выписывал круги, но ничего не было видно, кроме двух рыженьких спинок, двух красноватых тоненьких полосок...

— Идём, — сказала мать, — вот наконец подходящая для тебя компания.

Бемби охотно бы побежал, но мать выступала медленно, при каждом шаге осматриваясь по сторонам, и ему пришлось сдерживать шаг. Он был очень недоволен, он просто изнывал от нетерпения и любопытства.

Мать рассуждала вслух:

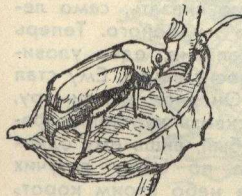
— Я была уверена, что мы встретим тётю Энну. «Где она пропадает?» — думала я. Конечно, я знала, что у неё тоже ребёнок, об этом легко было догадаться. Но двойня!..

Энна наконец-то увидела кузину с племянником. Она подождала детей и двинулась навстречу родителям.

Нужно было бы как следует приветствовать тётку, но Бемби ничего не замечал, кроме своих будущих товарищей.

— Ну, — сказала тётка, обратившись к Бемби, — вот это Гобо, а это Фалина.

Три малыша стояли, как вкопанные, не в силах отвести глаз друг от дружки. Гобо рядом с Фалиной, Бемби напротив них. Стояли и смотрели во все глаза. Не шевелясь.

— Пусть их, — сказала мать. — Они сами разберутся.

— Прелестный ребёнок! — сказала тётя Энна. — Крепкий, сильный, стройный!..

— Конечно, нам не на что жаловаться, — сказала польщённая мать. — Но у тебя двое, Энна!..

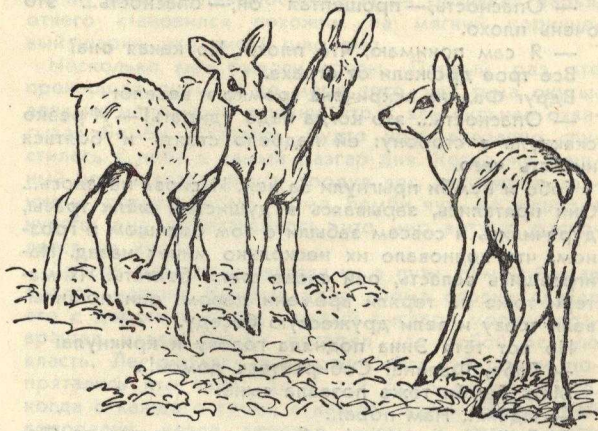
— Да, это так, это так! — подхватила Энна. — Ты же знаешь, дорогая, детьми я никогда не была обижена.

— Бемби — мой первенец, — сказала мать.

— Видишь ли, — начала Энна, — раз на раз не приходится, возможно, что в дальнейшем...

Дети всё ещё стояли неподвижно, тараща глаза. Ни один не проронил ни слова. Внезапно Фалина подпрыгнула и кинулась в сторону: ей надоело такое бессмысленное времяпрепровождение.

Бемби бросился за ней, Гобо последовал его

примеру. Они гонялись друг за дружкой, носились взад и вперёд, выписывая красивые полукружья. Это было замечательно! Когда же, немного утомлённые и запыхавшиеся, они остановились, то уже не было сомнений, что знакомство состоялось. Они принялись болтать. Бемби рассказал о своих беседах с кузнечиком и бабочкой-белянкой.

— А с майским жуком ты разговаривал? — спросила Фалина.

Нет, с майским жуком Бемби не разговаривал. Он даже не был с ним знаком, по правде, Бемби в глаза его не видал.

— Я частенько с ним болтаю, — заметила Фалина чуточку свысока.

— А меня обругал ястреб! — сообщил Бемби.

— Не может быть! — поразился Гобо. — Неужели он тебя обругал? — Гобо вообще легко удивлялся. — А меня ёжик уколол в нос, — заметил он, но так, между прочим. Гобо был очень скромным.

— Кто это — ёжик? — заинтересовался Бемби.

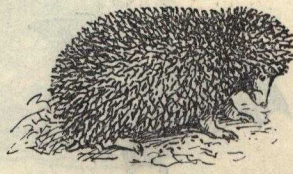
— Ёж — ужасное создание! — воскликнула Фалина. — Весь в иголках и такой злощущий!

— Ты думаешь, он злой? — сказал Гобо. — Он же никому не делает ничего плохого.

— А разве он тебя не уколол? — быстро возразила Фалина.

— Ах, я сам приста-вал к нему с разгово-рами! Да и уколол-то он меня совсем не больно.

Бемби повернулся к Гобо.

— А почему он не хотел с тобой разговаривать?
— Он ни с кем не желает разговаривать! — вмешалась Фалина. — Когда к нему подходишь, он сворачивается в клубок и весь ошетиливается иголками. Наша мама говорит, что он вообще ни с кем не водится.

— Может быть, он просто боится? — скромно заметил Гобо.

Но Фалина заявила решительно:

— Мама говорит, что от таких надо держаться подальше!

Бемби спросил Гобо тихонько:

— А ты знаешь, что такое... опасность?

Все трое, разом посерьёзнев, тесно сблизили головы.

Гобо задумался. Он и сам хотел бы понять, что такое опасность, он видел, с каким нетерпением ждёт его ответа Бемби.

— Опасность, — прошептал он, — опасность... это очень плохо.

— Я сам понимаю, что плохо. Но какая она?

Все трое дрожали от страха.

Вдруг Фалина вскричала громко и весело:

— Опасность... это когда надо удирать! — И резко скакнула в сторону: ей надоело стоять и бояться нивесть чего.

Гобо и Бемби прыгнули за ней. И снова началось... Они прятались, зарываясь в душистый шёлк травы, дурачились и совсем забыли о том большом и грозном, что волновало их несколько минут назад. Наигравшись влады, они снова стали болтать. Их матери тоже не теряли времени даром: они пощипывали траву и вели дружескую беседу.

Но вот тётя Энна подняла голову и крикнула:

— Гобо, Фалина! Собирайтесь домой!..

Мать Бемби тоже позвала сына:

— Идём!.. Нам пора!..

— Ещё немножечко! — бурно запротестовала Фалина. — Ну, ещё чуточку!

Бемби умолял мать:

— Побудем ещё! Пожалуйста! Здесь так хорошо!

И Гобо повторял застенчиво:

— Так хорошо... Ещё чуточку!..

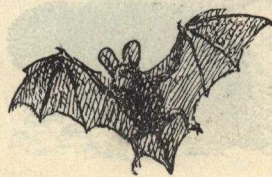
И тут случилось нечто, что было куда значительнее и важнее всего, что пережил Бемби в этот день. Из леса донёсся грохочущий топот, от которого дрогнула земля. Затрещали сучья, зашумели ветви, и, прежде чем можно было навести уши, это грозно грохочущее вынеслось из чащи, оставив там по себе треск, гуд, свист. Словно ураган, промчались двое по поляне звонко гремящим галопом и скрылись в чаще: но не прошло и минуты, как они вновь появились на том же месте, что и в первый раз, и замерли на фоне опушки, будто окаменели, шагах в двадцати друг от друга.

Бемби смотрел на них, как зачарованный. Они были очень похожи на мать и тётю Энну, но голову каждого из них венчала ветвистая корона в коричневых бусинах и белых зубах. Бемби безмолвно переводил взгляд с одного на другого. Один поменьше ростом, и корона его скромнее. Другой величественно прекрасен. Он высоко и гордо нёс голову, и бесконечно высоко возносились его рога. Переливчатый тон их колебался от совсем тёмного до белесого, они были

усеяны множеством бусин и широко простирали свои сияюще-белые отростки.

— О! — воскликнула Фалина восхищённо.

— О! — тихонько повторил Гобо.

Бемби молчал.

Но вот те двое зашевелились, повернули в разные стороны и медленно направились к лесу. Величественный олень прошёл совсем близко от детей. В покойной красоте прошествовал он, гордо неся царственную голову и никого не удостоив взглядом. Дети боялись дышать, пока он не скрылся в чаще. Они отважились обменяться взглядом лишь в тот момент, когда лес задрнул свой зелёный полог за величественным незнакомцем.

Фалина первая прервала молчание.

— Кто это был? — воскликнула она, и её маленький дерзкий голосок дрожал.

Гобо повторил чуть слышно:

— Кто это был?

Бемби молчал.

Тётя Энна ответила торжественно:

— Это были отцы.

Больше ничего не было сказано, и родичи растались. Тётя Энна с детьми сразу скрылась в ближайшем кустарнике, там пролегал их путь. Бемби и его матери пришлось пересечь всю поляну, чтобы попасть к старому дубу, откуда начиналась их тропа. Бемби молчал очень долго. Наконец он спросил.

— Они нас видели?

— Да, они видят всё, — ответила мать.

Странное чувство владело Бемби, он и боялся спрашивать и не мог молчать.

— Почему они... — начал он и осекся.

Мать пришла к нему на помощь.

— Что ты хотел сказать, маленький?

— Почему они не остались с нами?

— Да, они не остались с нами, — ответила мать, — но настанет время...

— Почему они с нами не гозорили? — перебил её Бемби.

Мать ответила:

— Сейчас они с нами не говорят. Но настанет время... Нужно терпеливо ждать, когда они придут, и нужно ждать, когда они заговорят. Всё будет так, как они захотят.

— А мой отец будет со мной разговаривать? — замирая, спросил Бемби.

— Конечно, дитя моё. Когда ты подрастёшь, он будет с тобой разговаривать. И порой тебе будет дозволено находиться при нём.

Бемби молча шёл рядом с матерью, всё его существо было потрясено встречей с отцом. «Как он прекрасен! — шептал он про себя. — Как дивно прекрасен!» И всё думал о величественном олене.

Мать как будто угадала мысли сына.

— Если ты сохранишь жизнь, дитя моё, если ты будешь благоразумен и сумеешь избежать опасности, ты будешь когда-нибудь так же силен и статен, как отец, и будешь носить такую же корону.

Бемби глубоко дышал. Его сердце заходило радостью, тревогой, надеждой...

Время шло, и каждый день приносил новые открытия, новые переживания. Подчас у Бемби голова шла кругом: столько ему нужно было познать, охватить.

Он научился вслушиваться. Не просто слышать то, что происходит вблизи и, можно сказать, само лезет в уши, — в этом нет ничего мудрёного. Теперь он умел вслушиваться в те далёкие, едва уловимые, легчайшие звуки, что приносят вечер. Ему стал ведом каждый лесной шорох. Он знал, к примеру, что где-то поодаль пробежал сквозь кустарник фазан, он сразу угадывал его особый, лишь ему одному присущий шаг. Он узнавал по слуху летучих мышей, распарывающих ночное небо своим корот-

ким, стремительным пролётом. Узнавал мягкий топот ежей, бегающих взапуски вокруг бузины. Он знал отважный, светлый призыв сокола и улавливал в нём сердитые нотки, когда орёл или ястреб вторгался в его владения. Он знал воркование лесных голубей, далёкое криканье уток и многое, многое другое...

Постепенно овладевал он и чутьем, он научился втягивать ноздрями воздух, то глубоко, то маленькими порциями, будто смакуя каждую понюшку. Когда ветер прилетал с лужайки, он говорил себе: это клевер, это чайная ромашка, а где-то поблизости находится наш друг заяц. Он различал среди ароматов земли, листья и пахучей смолы едкий запах прошмыгнувшего неподалёку хорька, узнавал, хорошо ли принахавшись к земле, что лиса вышла на охоту, или решал: приближаются наши родичи, тётя Энна с детьми.

Он сдружился с ночью, и его уже не соблазняли прогулки среди бела дня. Он охотно лежал днём в тесном, сумеречном убежище и дремал у тёплого бока матери. Время от времени он просыпался, вслушивался и принимался, желая знать, что происходит вокруг. Всё спокойно. Только маленькие синицы болтают между собой, да гудят не умеющие молчать комары, и голуби не прекращают своей нежной воркотни. Что ему до всего этого? И он снова засыпал.

Ночь нравилась ему куда больше. Всё бодрствует, живёт, движется. Конечно, и ночью не следует забывать об осторожности, но это не идёт ни в какое сравнение с днём. Можно свободно прогуливаться, встречая знакомых, которые тоже чувствуют себя куда беззаботнее, нежели днём. Ночь в лесу празднична и тиха. Правда, и в ночи звучат порой громкие голоса, но это — особое дело.

Самым шумным был сыч, небольшой занятный паренёк, хитрый, любопытный и очень тщеславный.

— Уи-к! Уи-к! — кричит он пронзительным, надсадным, полным ужаса голосом. И кажется, будто он находится в смертельной опасности. Но это обман. Он приходит в отменное расположение духа, радуется, как дитя, если ему удаётся кого-нибудь испугать. — Уи-к! — кричит он так громко, что эхо ещё с полчаса разносится по лесу. Сам же он в это

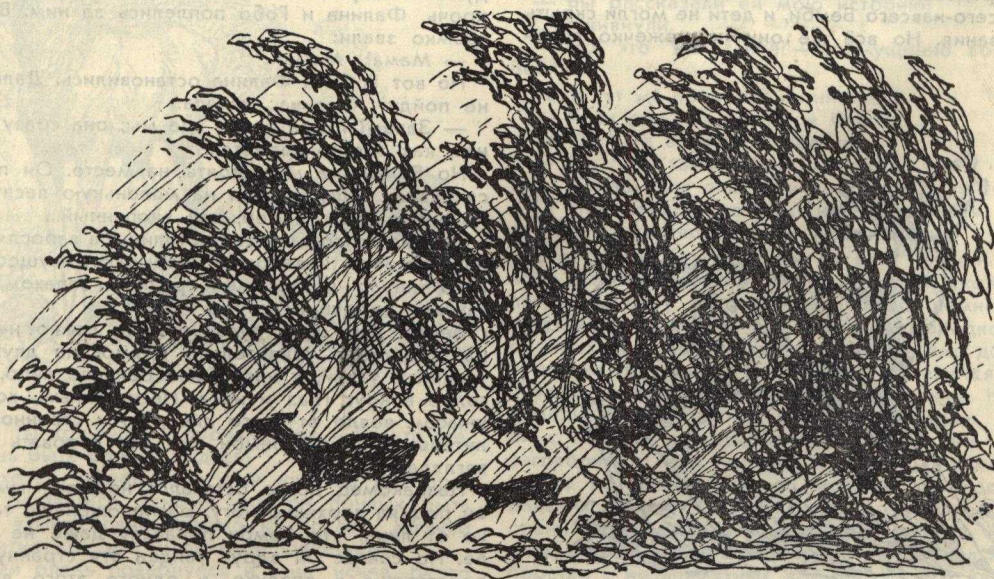
время издаёт про себя смешливое воркование, которое можно услышать, лишь находясь совсем близко от него.

Бемби вскоре догадался, что сыча радует, когда окружающие пугаются или же думают, что с ним самим стряслась беда. С тех пор Бемби не пропускал случая при встрече с сычом спросить с наигранным беспокойством: «С вами ничего не случилось?» Или же, притворно трясясь от страха, сказать: «Ах, как вы меня испугали!» Сыч приходил в восторг. «Да, да, — посмеивался он, — мой голос звучит ужасно, невыносимо!» И он раздвигал перья, отчего становился похожим на мягкий коричневый шарик, что очень шло ему.

Несколько раз бывали грозы. Первый раз это произошло днём, и по мере того, как тьма окутывала их маленькую хижину, страх всё сильнее охватывал Бемби. Казалось, будто ночь внезапно спустилась с неба в самый разгар дня. Когда же мощный порыв ветра, рыча, продул лес, сверкнула молния и грохнул раскат грома, Бемби чуть не лишился чувств: ему представилось, что мир вот-вот расколется на куски.

Другой раз гроза застала их в пути. Бемби бежал позади матери. Каждый удар грома словно сдувал его с дороги в кусты, каждый выскерк молнии возвращал назад. Бемби потерял над собой всякую власть. Лес казался вымершим, его обитатели прятались кто куда. Да и как было не прятаться, когда с каждого сучка, с каждой ветки бежал свой водопадик, когда деревья, кусты и травы были пропитаны водой и каждая вспышка молнии отражалась в тысячах капель и струй, будто лес на миг воспламенялся!

Но всё имеет конец. Молнии пригласили, их огненные лучи не проникали больше сквозь кроны деревьев. Гром укатил вдаль, некоторое время ещё слышалось его неясное бормотание, затем и оно

смоккло. Дождь проредился. Его равномерный шум звучал ещё около часа. Сквозь него, сквозь мокрую листву засверкало солнце. Казалось, лес глубоко дышит, подставляя себя свежим, чистым, золотистым струям. И уж никто больше не прятался. Страх исчез, его словно вымыл солнечный дождь.

Пришло время, когда Бемби узнал вкус молодых побегов, мягких метёлочек, сладкой каши. И теперь, когда он принимал к матери, чтобы немного освежиться, она нередко гнала его прочь.

— Ты уже не маленький,— говорила она, а иной раз добавляла: — Уйди, оставь меня в покое.

Случалось даже, что мать покидала хижину, насколько не заботясь о том, следует ли за ней Бемби. И во время прогулок она совсем не обращала на него внимания.

Однажды мать и вовсе исчезла. Бемби не понимал, как это произошло, как мог он не заметить её ухода. Но матери не было; впервые Бемби остался один.

Сперва он только удивился, потом его охватило беспокойство, быстро перешедшее в страх, а затем лишь глубокая, безнадежная тоска.

Долго звучал его потерянный, печальный зов, но никто не откликался, никто не шёл.

Тщетно прядал он ушами, тщетно внюхивался. Никого. И он снова звал, совсем тихо, чуть слышно, с робкой мольбой:

— Мама!.. Мама!..

Охваченный отчаянием, он побрёл, сам не ведая, куда. Вначале он шёл по знакомой тропе, останавливался и звал мать и снова шёл неуверенным, колеблющимся шагом, несчастный, покинутый Бемби. Он шёл всё дальше и дальше по уже знакомым, нехоженым тропам и наконец оказался в каком-то неведомом, до боли чужом месте.

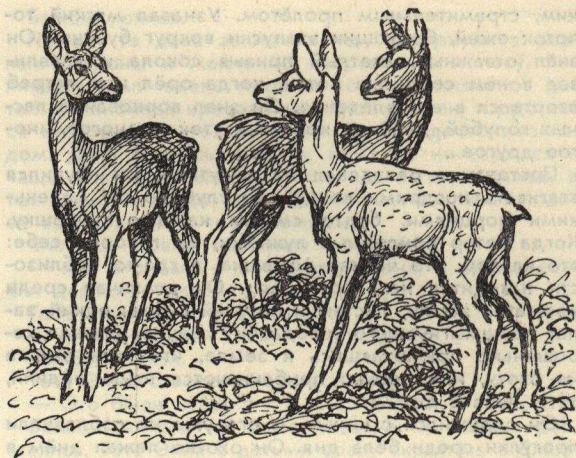
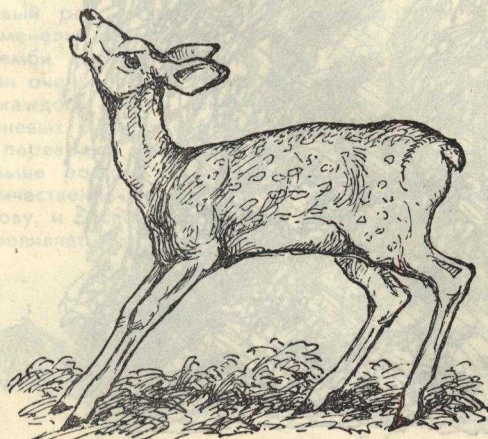
И тут он услышал два детских голоса, взывавших совсем на его лад:

— Мама!.. Мама!..

Бемби прислушался. Кажется, это Гобо и Фалина? Ну, конечно же, это они! Быстро побежал он на голос и вскоре увидел две красненькие шубки, просвечивающие сквозь листву. Гобо и Фалина! Они стояли под кустом, тесно прижавшись друг к другу.

— Мама!..— кричали они.— Мама!..

Они обрадовались, услышав шорох в кустах, но это был всего-навсего Бемби, и дети не могли скрыть разочарования. Но всё же они немножечко обра-

довались ему. А Бемби, тот был рад по-настоящему: он уже больше не одинок.

— Моя мама ушла,— сказал Бемби.

— Наша мама тоже ушла,— жалобно отозвался Гобо.

Подавленные, смотрели они друг на друга.

— Куда же они девались? — сказал Бемби, и в голосе его чувствовались слёзы.

— Я не знаю,— вздохнул Гобо. У него опять началось сердцебиение, он совсем расклеился.

Неожиданно Фалина сказала:

— Я думаю, они у отцов.

Гобо и Бемби посмотрели на неё озадаченно. Это почему-то испугало их.

— Ты полагаешь?.. — спросил Бемби, дрожа.

Фалина тоже струхнула, но держалась так, будто ей известно больше, нежели она может сказать. Она и сама не знала, почему ей пришло в голову, что мамы находятся у отцов, но на вопрос Бемби сказала с умной и значительной миной:

— Да, я совершенно уверена.

Предположение Фалины заслуживало того, чтобы над ним поразмыслить, но Бемби не мог ни о чём думать: ему было слишком тоскливо. Он пошёл прочь, Фалина и Гобо поплелись за ним. Все трое громко звали:

— Мама!.. Мама!..

Но вот Гобо и Фалина остановились. Дальше они не пойдут. Фалина сказала:

— Зачем? Мама знает, где мы, она сразу отыщет нас, как только вернётся.

Но Бемби не мог стоять на месте. Он пробрался сквозь чащу, вышел на маленькую лесную прогалину и вдруг замер, как вкопанный...

Там, на другом конце прогалины, в зарослях орешника, стояло неведомое, небывалое существо. От него тянуло незнакомым, резким запахом, чужим, тяжким, сводящим с ума.

Бемби был не в силах отвести глаз от незнакомца. Тот стоял удивительно прямо, на двух ногах, тонкий и узкий, у него было белесое лицо, совсем голое вокруг глаз и носа. Несказанным, холодным ужасом веяло от этого лица, но и странной, повелительной силой. Бемби не мог оторвать от него взгляда.

Незнакомец долго оставался неподвижным. Затем он поднял верхнюю ногу, расположенную так близко от лица, что Бемби сначала даже не заметил её. Но сейчас он вдруг увидел эту странную ногу, простёртую в воздухе, и одного этого движения

незнакомца было достаточно, чтобы Бемби сдунуло в сторону, как пушинку.

Он и сам не заметил, как оказался в чаще. Откуда-то возникла мать и помчалась с ним рядом. Они мчались бок о бок сквозь кусты и валежники, мчались изо всех сил. Мать вела по одной ей ведомой тропе. Они сдержали шаг лишь вблизи своего убежища.

— Ты видел?.. — тихо спросила мать.

Бемби не мог ответить, у него спёрло дыхание. Он лишь кивнул головой.

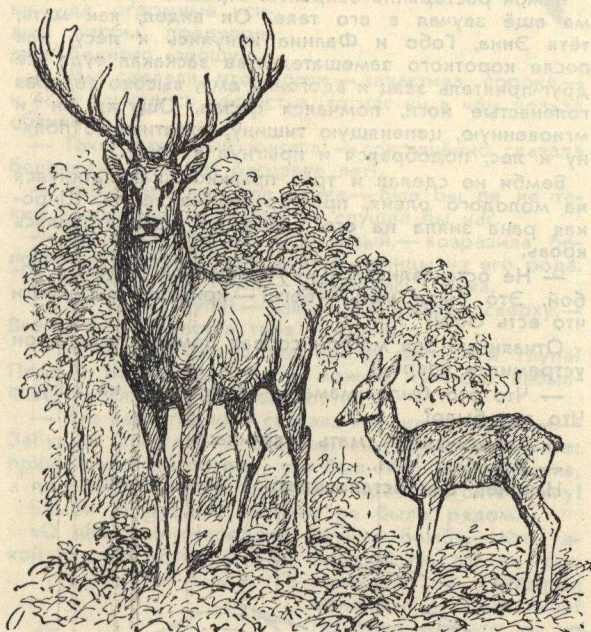
— Это был он! — сказала мать.

И обоих пронизала дрожь...

Теперь Бемби всё чаще приходилось оставаться одному, но он уже не испытывал прежнего страха. Мать исчезала, он мог звать её сколько душе угодно, она всё равно не приходила. Но неожиданно она появлялась и снова была с ним, как прежде.

Как-то раз днём с ним произошёл удивительный случай. Он долго плутал по лесу без цели и смысла. Не выбирая дороги, он сворачивал то влево, то вправо, то возвращался вспять, то снова брёл вперёд. А затем в какой-то момент он остановился и звонким, отчаянным голосом стал звать маму. Не то чтобы он испугался, он просто не мог больше оставаться один, ему не под силу стало одиночество. И вдруг рядом с ним оказался один из отцов. Бемби не слышал его приближения и сильно струхнул. Этот старый олень был самым мощным из всех, виденных Бемби, самым рослым и горделивым. Шуба его полыхала яркокрасным пламенем, от головы исходило серебристо-серое мерцание, развеистые, в тёмных буграх рога высоко возносились над чутко прядущими ушами.

Он смерил Бемби суровым взглядом.

— Чего ты кричишь? — произнёс он. — Ты что же, не можешь быть один? Стыдись!

Бемби хотел сказать, что ему уже не раз приходилось оставаться одному, что он привык быть один, но язык словно прилип к гортани. Жгучий стыд охватил всё его маленькое существо.

А старый олень повернулся и вмиг исчез, будто

провалился сквозь землю. Это было невероятно: как ни прислушивался Бемби, его слух не уловил ни топота копыт, ни хотя бы слабого шороха потревоженного кустарника. Бемби обнюхивал воздух — никого. Он вздохнул облегчённо, и всё же он бы много дал, чтобы ещё раз увидеться со старым оленем и снискать его расположение.

Бемби ни слова не сказал матери об этой встрече. Но теперь он уже не кричал, не звал её, когда она исчезала. Бродя в одиночестве, он страстно мечтал о встрече со старым оленем. Он бы сказал ему: «Видишь, я больше не боюсь». И тогда старый олень, может, похвалил бы его.

Но с Гобо и Фалиной Бемби поделился своей тайной. Друзья слушали его, затаив дыхание. Это действительно необычная встреча, у них в жизни не случалось ничего подобного.

— Ты, наверное, здорово испугался? — сочувственно сказал Гобо.

Ещё бы, конечно, Бемби испугался, но совсем немножечко.

— Я бы на твоём месте умер от страха! — признался Гобо.

Нет, большого страха Бемби не испытывал: старый олень держался так сердечно.

— Это немного ободряет меня, — сказал Гобо. — Мне кажется, я бы не смел поднять на него взгляд. Когда мне страшно, у меня всё распыляется в глазах, а сердце колотится так сильно, что я задыхаюсь.

Фалину рассказ Бемби заставил глубоко задуматься, но она сохранила свои мысли про себя.

Когда им снова довелось встретиться, Гобо и Фалина бросились к Бемби со всех ног. Они, как и Бемби, опять были одни.

— Мы тебя всё время ищем! — воскликнул Гобо.

— Да, — важно подтвердила Фалина. — Мы знаем теперь, с кем ты встретился.

Бемби подскокил.

— С кем?..

Фалина чуть помолчала, затем сказала значительно:

— Это был старый вожак.

— Откуда ты знаешь?..

— От нашей матери! — заявила Фалина.

Бемби изумился.

— Вы рассказали ей мою историю?

Оба кивнули.

— Но это же тайна! — возмущённо воскликнул Бемби.

Гобо тут же принялся извиняться:

— Я ни при чём, это всё Фалина...

Но Фалина вскричала весело:

— Ах, что тайна! Мне хотелось знать, кто это был! Теперь мы знаем, и так гораздо интересней! С этим Бемби не мог не согласиться. Фалина охотно удовлетворила его любопытство.

Это самый благородный из всех оленей. Он вождь. Ему нет равного. Никто не знает, сколько ему лет, есть ли у него близкие. Лишь немногим посчастливилось видеть его хоть раз. Нередко по лесу проходит молва, что он умер, — так долго отсутствует он порой. Но затем он покажется на миг, и таким образом все узнают, что он жив. Никто не осмеливается спросить, где он пропадал: ведь он ни с кем не разговаривает, и никто не решится заговорить с ним первым. Его пути никому ведомы, но знают, что он исходил лес до самых дальних далей. Он презирает опасность. Бывает, олени борются друг с другом, иногда играючи, иногда всерьёз, но с ним никто не вступал в единоборство с незапамятных времён. Из его давних со-

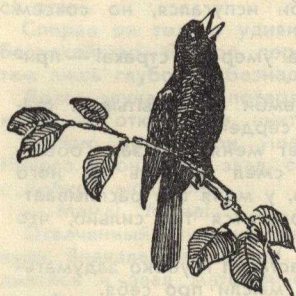
перников ни один не остался в живых. Он великий вождь!

Бемби охотно простил Фалине и Гобо, что они проболтались о его тайне, иначе он никогда не узнал бы столько важных вещей. Но хорошо, что Гобо и Фалине известно не всё. Так, они не знают, что великий вождь сказал Бемби: «Ты не можешь быть один? Стыдись!» Да, Бемби поступил правильно, умолчав об этом, ведь Гобо и Фалина всё равно проболтались бы, и он стал бы посмешищем всего леса.

В эту ночь, когда взшёл месяц, вернулась мать. Нежданно появилась она у высокой сосны. Она тихо стояла там и смотрела на Бемби. Он кинулся к ней.

Однажды случилось страшное...

Утро этого дня выдалось свежее и росистое, на небе ни облачка. Кажется, сильнее обычного благоухал освежённый влагой

ночи кустарник, и поляна широкими волнами слала во все концы свои пряные запахи.

— Пи-и! — сказали синицы, проснувшись. Сказали совсем тихо: ведь по земле стелился сероватый сумрак.

Снова надолго воцарилась тишина. Затем откуда-то сверху прозвучали резкие, гортанные голоса ворон. Тотчас откликнулась сорока:

— Ча-ча-га-ра! Уж не думает ли кто, что я сплю? И тут на множество ладов защебетали сотни тоненьких голосов:

— Пиу, пиу, тью, тюить, тюить, тью!

В этом гомоне ещё чувствовались и сон и сумерки, но с каждой минутой он звучал всё свежее и радостнее...

Но вот прилетел чёрный дрозд и уселся на верхушке бука. Он выбрал самую высокую веточку, тоненько и остро прорезавшую голубоватый воздух, и, оглядев простор поверх деревьев, увидел на востоке палево-серое, будто усталое небо, зацветающее молодой зарёй. И дрозд начал свою приветственную песню. Он был лишь чуть темнее веточки, на которой сидел, его маленькое чёрное тельце на поминало увядший листок, но его песня ликующим гимном разливалась над лесом.

Бемби вышел из-за старого дуба на поляну. Она сверкала росой, благоухала влажной травой, землёй и цветами. В ней ощущался трепет бесчисленных жизней.

Много знакомых собралось сейчас на поляне. Там сидел друг-приятель заяц и, казалось, раздумывал о каких-то важных вещах. Не спеша прогуливался

благородный фазан; он поклёвывал в траве и порой сторожко озирался. Его изумрудное горло сверкало на солнце.

А почти рядом с Бемби стоял незнакомый молодой олень. Впервые в жизни оказался Бемби так близко от взрослого оленя. Чуть заслонённый кустами бузины, стоял он недвижимо против Бемби. Бемби тоже замер. А что, если олень совсем выйдет из кустов, смеет ли Бемби заговорить с ним? Надо посоветоваться с матерью. Бемби оглянулся, но мать была далеко, она разговаривала с тётёй Энной. Бемби не двигался, он переживал мучительные сомнения. Чтобы попасть к матери, он должен был пройти мимо молодого оленя. Бемби находил это неприличным.

«Ах,— думал он,— зачем мне спрашивать маму? Ведь говорил же со мной старый вождь, а я и словечком не обмолвился маме. Попробую сам заговорить с молодым оленем. Пусть все увидят, как я с ним разговариваю. Я скажу: «С добрым утром, господин!» Не может же он рассердиться на это! А если рассердится, я уйду...»

И всё же Бемби продолжал колебаться. Но вот молодой олень выступил из-за кустов бузины.

«Сейчас я скажу ему...» — подумал Бемби.

И тут ударил гром.

Бемби весь сжался, не понимая, что случилось. Он видел только, что молодой олень высоко подпрыгнул и кинулся в чащу. Он пронёсся совсем близко от Бемби...

Бемби растерянно озирался. Страшный раскат грома ещё звучал в его теле. Он видел, как мать, тётя Энна, Гобо и Фалина кинулись к лесу, как после короткого замешательства заскакал туда же друг-приятель заяц и вдогонку ему, высоко задирая голенастые ноги, помчался фазан. Ощутил он и мгновенную, цепенящую тишину, охватившую поляну и лес, подобрался и прыгнул в чащу.

Бемби не сделал и трёх прыжков, как наткнулся на молодого оленя, простёртого на земле. Широкая рана зияла на его плече, из раны струилась кровь.

— Не останавливайся! — услышал он рядом с собой. Это была мать. — Беги! — кричала она. — Беги что есть силы!

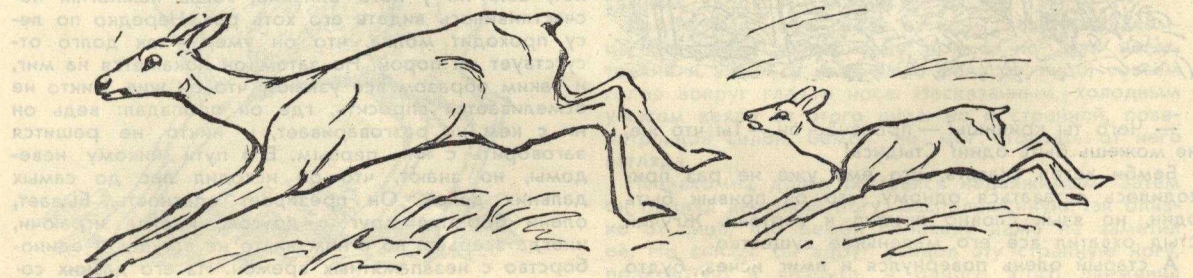
Отчаянный зов матери сорвал Бемби с места, он устремился вперёд.

— Что это было, мама? — спросил он на бегу. — Что это было?

И, задохнувшись, мать ответила:

— Это был он!..

Наконец они остановились в изнеможении.

— Что вы сказали? Я прошу повторить, что вы сказали! — донёсся сверху голосок.

Бемби поднял голову и увидел спускающуюся по ветвям белочку. Когда-то, при первой встрече, Бемби принял белочку из-за её красненькой шкурки за очень маленького оленёнка. Но тогда он был ещё совсем глупым и многого не понимал.

— Я следовала за вами! — кричала белочка. — Нет, это ужасно!

— Вы были при этом? — спросила мать.

— Само собой разумеется, — ответила белочка. — Я до сих пор вся дрожу.

Она уселась столбиком, опершись на свой пушистый хвост и выставив узенькую белую грудку; передние лапки она прижала к груди, словно клятвенно подтверждая истинность своих слов.

— Я вне себя, я потрясена до глубины души.

— Это непостижимо! — сказала мать. — Никто из нас не видел его.

— Ну? — горячо вскричала белочка. — Вы ошибаетесь, я заметила его давным-давно! С моего дуба так далеко видно!..

— Я тоже! — прокричал другой голос. Это была сорока, она подлетела и опустилась на ветку.

— Я тоже! — раздалось где-то ещё выше: там на сучке сидела сойка.

А с верхушек деревьев мрачно прокаркали две вороны.

— Мы тоже видели его!

Так говорили лесные обитатели, напуганные и обозлённые.

— Я приложила огромные усилия, — говорила белочка, клятвенно прижимая к груди лапки, — да, огромные усилия, чтобы предупредить бедного юношу.

— Мы сделали, что могли, — зачастила сорока, — и если случилось несчастье, то нас ни в чём нельзя обвинить.

— Такой красивый юноша! — сокрушённо сказала белочка. — В самом расцвете лет!..

— Гха! — проскрипела сойка. — Был бы он не таким заносчивым и побольше слушал бы нас...

— Да он вовсе не заносчивый, — возразила белочка. — Не более, чем другие принцы из его рода.

— И столь же глуп! — засмеялась сойка.

— Ты сама глупа! — закричала ворона сверху. — Всему лесу известна твоя глупость!

— Я? — ошеломлено повторила сойка. — Я глупа? Первый раз слышу! Быть может, немного забывчива, но глупа — это невероятно!

— Как вам угодно, — сказала ворона со вздохом. — Забудьте всё, что я сказала. Но одно запомните: принц погиб не потому, что был глуп или заносчив, а потому, что никто не может противостоять ему!

Бемби огляделся. Матери не было рядом.

«О чём они говорили? — думал Бемби. — Кто такой он, о котором они твердят? Не тот ли он, которого я встретил однажды на прогалине? Но ведь меня-то он не убил?»

И тут Бемби ясно представился молодой олень, лежащий в лу-

же собственной крови. Мёртвый, недвижный...

А лес снова разливался на тысячи голосов, и солнце пронизывало его прямыми широкими лучами, всюду царил свет, благоухала листва,верху звенел клич сокола, внизу рассыпался хохоток дятла, будто ничего и не случилось. Но всё это не радовало

Бемби, что-то тёмное наваливалось на душу, он не понимал, как могут другие быть беззаботны и веселы. Ведь жизнь так трудна и опасна! Укрыться бы в лесной глухомани, в потайном, никому не доступном убежище и скоротать там жизнь тихо и неприметно! Зачем ему поляна со всеми своими радостями, если за них приходится так жестоко расплачиваться?..

Что-то зашуршало в кустах. Бемби быстро обернулся: перед ним стоял старый вождь.

Бемби сжался, готовый обратиться в бегство. Старый вождь глядел на него своими огромными, глубокими, пронзительными глазами.

— Ты был при этом?

— Да, — сдавленно проговорил Бемби, сердце билось почти у самого горла.

— Где твоя мать? — спросил старый вождь.

— Я не знаю, — грустно ответил Бемби.

Старый вождь сверлил его своим взглядом.

— И ты не зовёшь её?

Бемби взглянул на полную достоинства, мерцающую серебром голову, на венчающую её царственную корону, и сердце его вдруг исполнилось мужеством.

— Я могу быть один, — сказал он.

Старый некоторое время держал его на прицеле своих удивительных глаз, затем чуть мягче спросил:

— Ты тот самый малыш, который плакал, оставшись без матери?

Бемби смутился, но сразу овладел собой:

— Да, это я.

Старый смотрел на него молча, но Бемби почувствовалась ласка в глубине его взгляда.

— Ты выбранил меня тогда, старый вождь! — воскликнул он порывисто. — Ведь я боялся оставаться один. А теперь я не боюсь больше!

Старый смотрел всё так же испытующе, но Бемби вдруг показалось, что он чуть приметно улыбнулся.

— Старый вождь, — осмелев, сказал Бемби, — что случилось сегодня? Кто такой этот он, о котором все говорят?.. — Бемби осекся под взглядом старого, сверкнувшим тёмным огнём.

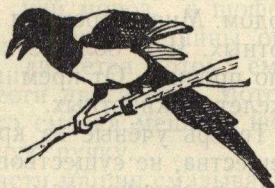
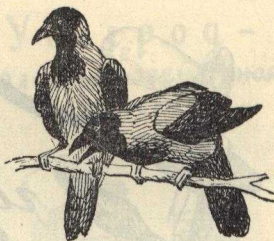
Старый смотрел мимо Бемби, вдаль, затем медленно проговорил:

— Умей слушать, умей чутая, умей смотреть. Умей сам познавать жизнь. — Он поднял венчанную голову. — Будь счастлив! — И, не прибавив ни слова, исчез...

Бемби остался один, и ему снова взгрустнулось, но тут в ушах его прозвучали прощальные слова старого вождя: «Будь счастлив!..»

И незнакомое чувство гордости вошло ему в душу. Да, жизнь трудна и полна опасностей, но, что бы ни ждало его впереди, он не боится жизни.

Бемби не спеша углубился в лес...

(Продолжение следует.)

Масло

из камня

Ю. Моралевич

Случай с чернильницей

Все отлично знают коричневый камень — кремень. Ударишь таким камушком о другой или о стальную пластинку, и посыплются искры — такой он твёрдый.

Раньше кремень считали простым веществом. И только в начале прошлого века химики определили, что это — соединение химического элемента кремния с кислородом. Они удалили из камня кислород и получили чистый кремний в виде коричневого порошка. Соединив порошок с другими химическими элементами, получили новые вещества, обладающие чудесными свойствами.

Кремневые камни не горят, и плавятся они только на очень сильном огне. Но отнимите от них кислород и замените его водородом, и вместо твёрдого камня получится жидкость. Её придётся держать в особом шкафу, в сосудах, из которых выкачан воздух. Если вы откупорите сосуд и в него попадёт кислород, жидкость взорвётся, вспыхнет, как порох.

Так из твёрдого камня химики создали смолу, вещества, похожие на густое масло, и жидкости, горящие лучше керосина.

Самый распространённый в природе элемент — углерод. Его соединения встречаются повсюду. Чистый углерод — это уголь, графит и алмаз. А если соединить углерод с водородом, кислородом, серой и другими элементами, получается множество веществ, совсем не похожих одно на другое. Углерод входит в сахар и бензин, в древесину и сливочное масло, в резину и шоколад, в бумагу и хлеб.

Учёные создали из соединений углерода сотни тысяч новых веществ, которых никогда не существовало в природе: краски, пласт-

массы, взрывчатые вещества, искусственное волокно. Но ещё более удивительные вещества получили химики, когда в веществах, встречающихся в природе, научились заменять углерод кремнием.

Кремния на нашей планете очень много. Земная кора почти наполовину состоит из различных его соединений. Он входит в кирпич, стекло, бетон и гранит. Кварцевый песок — это тоже соединение кремния с кислородом. Много кремния и в растениях и в животных. Чем больше кремния в дереве, тем оно прочнее. От кремния зависит и крепость скелетов животных.

Теперь учёные из кремния создали новые вещества, не существовавшие прежде. О них мы и расскажем вам.

Вы, ребята, наверно, заметили, как коварны и зловредны бывают чернильницы! Стоит поставить её на чистую скатерть или на новую, хорошую клеёнку, как она обязательно опрокинется, и вокруг расплывётся лиловое пятно. Наверно, в такой момент каждый мечтает о скатерти, к которой не прилипали бы чернила! И школьную форму неплохо бы шить из такой материи.

И вот представьте себе: на следующий день после того, как вы залили чернилами скатерть, мать приносит из магазина новую скатерть, накрывает ею стол и сама выливает на неё чернила из чернильницы. И тут происходит самое настоящее чудо: чернила рассыпаются по скатерти мелкими шариками, похожими на дробинки. Попробуйте коснуться одного из шариков, и палец измажется чернилами, а по скатерти они катаются, и хоть бы что.

Чернильные шарики можно собрать со стола чайной ложкой, и скатерть после этого смелого опыта останется чистой, без единого пятнышка. И кофе и суп будут скатываться со скатерти, не оставляя никаких следов.

Что же это за удивительная скатерть? В чём тут секрет? Оказывается, обыкновен-

ную льняную скатерть окунули в бензин, в котором было растворено одно из соединений кремния. Бензин испарился, а кремниевое вещество обволокло каждое волоконец ткани тончайшим, невидимым слоем, и от этого скатерть перестала впитывать в себя влагу. Она отталкивает влагу.

Новым химическим веществом можно пропитывать любые ткани. В пальто или костюме, сшитом из такой ткани, не страшно попасть под проливной дождь. Человек из воды выйдет сухим, и при этом его одежда не потеряет своего вида. Ботинки из пропитанной этим составом кожи не промокнут и не покоробятся, они даже не потеряют блеска после путешествия по лужам.

На дворе трескучий мороз, а шофёр у своей машины обливается потом: ему никак не удаётся завести двигатель. Мотор машины в порядке, это смазка мешает шофёру повернуть заводную ручку.

Как же так? Ведь части машин смазывают для того, чтобы они легче двигались?

Это правильно, но на морозе смазка густеет и цепко держит части машины.

Казалось бы, выход нетрудно найти. Нужно взять смазку пожиже. Но шофёр рассердится, если вы ему предложите это. Ведь когда мотор разогреется, вся жидкая смазка стечёт, и мотор всё равно не сможет работать.

Но что же делать, если на морозе смазка густеет, а в жару делается жидкой? При нагревании до ста градусов машинное масло становится в десять раз жиже. Если же его охладить до минус тридцати семи градусов, оно станет гуще в две тысячи триста раз. Вот почему так трудно запустить остывший на морозе мотор автомобиля. Нередко, выбившись из сил, шофёр или тракторист, чтобы разогреть мотор, разводит копящийся костёр из тряпок, пропитанных тем же злополучным маслом.

Как же изменить эту смазку?

Не выручат ли и тут кремние-органические соединения? Ведь некоторые из них очень похожи на хорошее машинное масло. Попробуем нагревать масло, полученное из твёрдого кварцевого песка, и тут произойдёт удивительное явление: при нагревании новое ма-

сло разжижается вчетверо меньше, чем лучшее машинное масло, а при охлаждении густеет в триста раз слабее. Это действительно чудесная смазка для машин. Она не подведёт в самый лютый мороз. Вот почему мощные авиационные моторы смазывают таким «песочным» маслом.

При производстве электрических лампочек тоже пригодилось новое масло. Чтобы выкачать из баллонов лампочек воздух, который вредит их тончайшим металлическим волоскам, обычно применяют насосы с налитой внутри ртутью. Но оказалось, что насосы значительно лучше выкачивают воздух, если вместо ртути налить в них кремние - орг а ническое масло.

Посмотрите на автомобиль, который только что выпущен с завода. Он так блестит, что в его кузов можно, как в зеркало, глядеться. Но проходит год — другой, и зеркальный блеск исчезает, кузов покрывается сеткой мелких трещин. То же самое происходит и с мебелью и с другими лакированными вещами.

Но вот перед нами на стеклянной пластинке лежит комочек смолы, изготовленной из соединений кремния. Эта смола необыкновенная. Из неё готовят чудесные лаки.

Большинство обычных углеродистых лаков и красок легко воспламеняется. Так, напри-

мер, во время Цусимского боя на многих кораблях вспыхнул пожар из-за того, что загорелся толстый слой масляной краски, которой были покрашены борта и корабельные надстройки. Ещё опаснее смоляные и целлулоидные лаки. В Америке несколько

лет назад сгорел целый поезд, вагоны которого изнутри и снаружи были покрыты красивым целлулоидным лаком. Пожар так быстро охватил поезд, шедший полным ходом, что многие пассажиры не успели спастись.

Дощечка, покрытая лаком, приготовленным из кремниевой смолы, совсем не горит, будто она не деревянная, а металлическая. Металлические детали, покрытые такими лаками, можно по многу раз нагревать до красна, и лакировка от этого не портится. На лакированной поверхности не удерживается ни капли воды. Едет автомобиль под проливным дождём, а кузов его совсем сухой, даже брызги грязи не прилипают к нему.

Вот уж действительно чудесные составы, которые не боятся ни огня, ни воды, ни мороза!

Недалеко уже то время, когда из кремние-органических составов научатся готовить прочные и гибкие нити. Тогда в магазинах появятся лёгкие, похожие на шёлковые костюмы, которые и в огне не будут гореть и в воде не намокнут.

Союзник мощности

В мастерскую привезли испорченный электрический мотор мощностью в десять лошадиных сил. От сильного перегрева у него на медной проволоке обмотки сгорела изоляция.

Через неделю мастер выдал заказчику исправленный мотор и предупредил:

— Теперь мощность вашего мотора тридцать лошадиных сил.

— Что вы говорите?! — поразился заказчик. — Ведь вы только сменили сгоревшую обмотку и больше ничего не делали с мотором. Отчего же увеличилась мощность?

— Да очень просто, — пояснил мастер. — Мы получили проволоку с кремние-органической изоляцией. Теперь вы можете нагревать её до двухсот градусов вместо пятидесяти. А чем большую температуру выдерживает

обмотка мотора, тем больше тока по ней пройдёт, тем мощнее мотор.

В шестой пятилетке выпустят немало моторов с такой изоляцией на проволоке обмотки.

Из целлулоида делают красивые игрушки, школьные принадлежности, мыльницы, шка-тулки и множество всяких красивых вещей. Только одна беда — все эти вещи опасны. Стоит приблизить их к огню, и они вспыхнут. И многие другие пластмассы разрушаются даже при небольшом нагревании. Зато из кремние-органических пластмасс можно даже утюги делать: так они жароупорны.

Попробуйте нагреть до двухсот градусов кусочек самой лучшей резины, и она превратится в тягучую, липкую массу, к которой уж никогда не вернётся прежняя упругость. В сильный мороз резина становится жёсткой и ломкой, а «кремниевая» резина не теряет упругости даже при восьмидесятиградусном морозе и при нагревании до трёхсот градусов. У новой резины только один недостаток: она изнашивается быстрее обыкновенной. Но можно не сомневаться, что химики устроят и этот её недостаток.

Вы можете спросить: почему же не продаются в магазинах вещи, о которых рассказано здесь?

Потому что ещё не научились их дёшево делать. Взять, к примеру, хотя бы алюминий. Теперь в магазинах полно дешёвых и красивых вещей из алюминия. Даже детские са-лазки и роллеры делают из прочных и лёгких алюминиевых сплавов. После стали и чугуна алюминий — самый дешёвый и распространённый металл. А всего лишь сто лет назад он был намного дороже серебра, потому что добыча его обходилась дорого.

То же самое и с соединениями кремния. Их добывают из очень дешёвых материалов, но изготовление этих составов пока обходится ещё очень дорого.

Многие кремние-органические соединения получают ещё не на заводах, а в научных лабораториях после десятков, а нередко и сотен сложных химических превращений.

Но не за горами уже то время, когда чудесные составы будут изготавливаться на больших заводах и станут доступными для всех. Наши химики создают всё новые и новые вещества с ещё более удивительными свойствами.

100 лет назад
алюминий

был дороже
серебра

«АЛЕНУШКА» В ТРЕТЬЯКОВСКОЙ ГАЛЕРЕЕ.

Д. Пускин.

РОЗЫ И АСПАРАГУС.

П. Кончаловский.

ЦВЕТУЩИЙ КАКТУС.

М. Асламазян.

МУЖЧИНА

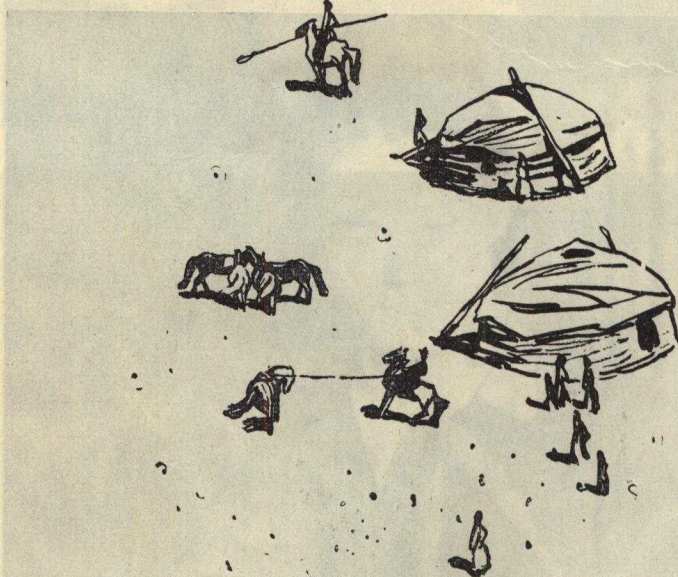
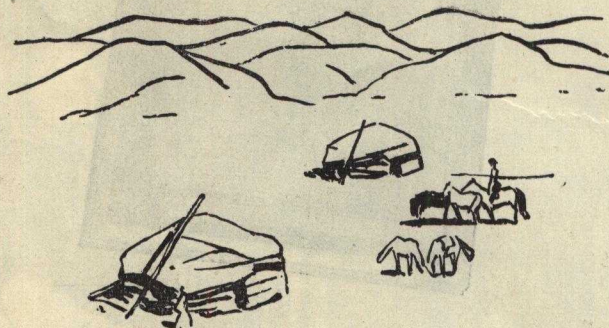
У нас, в Бурятии, друзья,
Садятся рано на коня...
Ещё я в школу не ходил,
Ещё не пас в степи овец,
Когда в седло меня отец
Впервые, помню, посадил.
Хлестнул гнедого он,
и тот
Галопом сразу с места взял...
«Мужчина ты!» — отец кричал,
А шёл мужчине...

пятый год!
Вцепился в гриву я, скачу!..
В ушах гудит, в глазах темно...
Пусть хоть погибну — всё равно, —
Но нет, сдаваться не хочу!
От ветра встречного слеза
Блестит росой в моих глазах...
Хоть мне и страшно, но креплюсь...
И всё быстрее, всё дальше мчусь!..
С тех пор прошло немало лет,
Смешно те годы вспоминать;
Сейчас коня такого нет,
Чтоб не сумел я обуздать!
Любого нынче скакуна
Я заарканю в миг один...
А после — ноги в стремя
И мчусь, как ветер баргузин!..

У нас, в Бурятии, друзья,
Садятся рано на коня...
Ещё я в школу не ходил,
Ещё не пас в степи овец,
Когда в седло меня отец
Впервые, помню, посадил.
Хлестнул гнедого он,

и тот
Галопом сразу с места взял...
«Мужчина ты!» — отец кричал,
А шёл мужчине...

пятый год!

ТАКОВ НАШ ОБЫЧАЙ

Друзья не видались, наверно, лет пять,
Друзьям бы обняться и руки пожать, —
Так нет же, они, засучив рукава,
Друг друга на землю повалят сперва!
И «здравствуй» ещё не сказали друг другу,
А парни уж ходят, согнувшись, по кругу;
То схватятся ловко за шею руками,
То скачут бойцовыми петухами.

В том жаркое солнце степное свидетель,
Что есть ещё парни такие на свете!
Но этим и сердцу она дорога,
Родная моя, золотая Ага:
Живут здесь весёлые, крепкие люди, —
И кто их за это, скажите, осудит?!
Таков наш обычай бурятский степной:
При встрече померяйся силой со мной!..

Перевёл с бурят-монгольского В. Мартынов.

ЕЩЕ ОДНА ЗАПИСЬ

В Книге почёта пионерской организации имени В. И. Ленина недавно появилась ещё одна запись:

«Подгородне - Покровская семилетняя школа Чкаловского района, Чкаловской области.

За успехи в учении и активную помощь колхозу имени Ленина».

* * *

Первый раз на колхозную ферму ребята пришли около года назад. Тогда здесь не было такого образцового порядка, как сейчас.

— Не хватает людей у нас, не успеваем всё во-время сделать, — посетовал заведующий фермой.

— Давайте мы будем помогать, — предложил кто-то из ребят.

С этого всё и началось. В школе было организовано два звена юных животноводов. Звену Нины Глущенко поручили воспитывать шестьдесят телят. Звено Маши Кочневой взялось выращивать поросят.

Ребята составили график дежурств на ферме. Дежурные полностью отвечают за порядок в телятнике. Чистят и подбеливают клетки, меняют подстилку, чистят и моют телят, по часам кормят и поят их, каждый день взвешивают. Все свои наблюдения и особые происшествия на фер-

ме дежурные записывают в дневник.

Вместе с зоотехником ребята составили рационы для своих подшефных, дают им минеральную подкормку — мел, соль, уголь. Не хватало зимой в колхозе сочных кормов, шефы решили посадить кукурузу на силос. Огромное поле засадили, сами за ним ухаживали, сами урожай снимали. Теперь телята всю зиму будут есть очень полезный для них кукурузный силос.

Телята привыкли к своим шефам, полюбили их. Стоит Нине Глушенко только показаться в телятнике, как её Малинка начинает мычать, тянуться к ней мордочкой.

— А ну-ка, посмотрим, сколько прибавил сегодня твой питомец! — говорит Витя Татаринов своему другу Валерику Шевенену.

И ребята ведут телёнка на весы, ставят в особую клетку и взвешивают.

А Вове Товстуху всё кажется, что ещё надо почистить Умника: уж очень нравится телёнку эта процедура. Да и полезная это вещь — чистка, — хороший массаж.

Ребята чувствуют себя в колхозе нужными, полезными людьми. От этого они стали как-то взрослее, серьезнее и учатся гораздо лучше, чем раньше. И когда я спросил пионеров, чем они думают заниматься после окончания школы, ребята, не задумываясь, ответили:

— А мы уже давно решили: будем работать на ферме.

В. Альтов

Выдумщики, работяги, друзья...

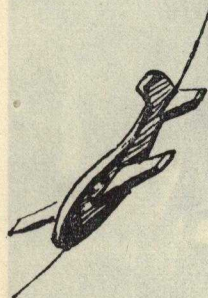
А. Хмелик

Во дворе горит костёр

Костёр в самом деле горит во дворе. И это не где-нибудь на окраине, а почти в самом центре Еревана, во дворе дома № 41 по улице Налбандяна. Трещат дрова, бьётся пламя, самое настоящее пламя, а не условное, которое иногда делают с помощью электрической лампочки и вентилятора. Горит костёр во дворе. И хотя вокруг стоят дома, никто не боится «как бы чего не вышло», никто не волнуется. Впрочем, нет, один человек волнуется. Это Эдик Ходжуян. Он сегодня «главный пожарник». В руках у Эдика шланг, подключённый к водопроводному крану. Эдик внимательно следит за пламенем костра, за летящими искрами. Он готов в любую минуту дать команду: «Включай воду!» — и броситься на борьбу с огненной стихией. Но пока этого не требуется.

А остальные: и ребята, сидящие вокруг костра, и взрослые, наблюдающие за ребячьим праздником из окон и с балконов, — спокойны. Пионерский костёр во дворе дома № 41 — дело привычное. Он не раз загорался здесь и весной, и летом, и осенью. И каждый раз его зажигали по-разному. То четверо пионеров выбегали во двор с горящими факелами и, сделав несколько кругов в стремительном народном армянском танце, разом подносили факелы к костру. То, стоило пионерам дружно и громко крикнуть: «Зажгись!» — костёр вспыхивал сам собой, хотя рядом с ним не было ни одного человека. А сегодня костёр загорелся ещё интереснее. Едва Сергей Карапетян скомандовал: «Костер зажечь!», — как во дворе послышался рокот мотора, и над головами ребят пронёсся самолёт. Он с разгону ударился о сложенные посреди площадки дрова, и они тут же вспыхнули ярким пламенем. Только когда огонь разгорелся, ребята разглядели протянутую от одного из окон верхнего этажа тонкую проволоку, по которой и праскользнул вырезанный из фанеры самолёт. Все, конечно, сразу же догадались, что это дело не обошлось без юных химиков и ребят из кружка макетчиков. Макетчики смастерили самолётик, а химики изготовили какую-то особую смесь, вспыхнувшую от удара.

Горит костёр. Ребята поют, танцуют, читают стихи, выступают с акробатическими этюдами и физкультурными пирамидами. Потом просто сидят у костра и разговаривают. Это тоже очень приятно — поговорить у костра, вспомнить о минувшем лете и о том, что было. А ребятам есть что вспомнить.

Это было давно, ещё в то время, когда во дворе дома № 41 не росли деревья, не плескалась вода в бассейне, не загорались костры. Как-то ребята обратили внимание, что во дворе перестали появляться по вечерам студент Арамаис Мкртчян, старшеклассники Завен Нерсисян и Сергей Карапетян. То они чуть ли не каждый день выходили и обязательно

что-нибудь интересное рассказывали младшим ребятам, а то вдруг совсем пропали. Потом выяснилось, что они никуда не пропадали. Сашик Шагинян видел всех троих на балконе у Арамаиса. Они сидели и что-то мастерили. Что? Сашiku разведать не удалось: его слишком быстро выставили с балкона.

А ещё через несколько дней Арамаис, Завен и Сергей вышли вечером во двор и вынесли большой макет. На макете был изображён какой-то парк: в одном углу среди деревьев виднелся бассейн с фонтаном, на другом конце возвышалась мачта с флагом, и от неё в разные стороны тянулись гирлянды разноцветных флажков. Небольшой домик, тоже украшенный флажками, стоял неподалёку от мачты.

— Это что за парк? — спросил Альберт Бабасян.

— Это не парк, а двор, — объяснил Арамаис.

— Двор? — недоверчиво протянул Сашик. — Чей?

— Наш, — ответил Сергей.

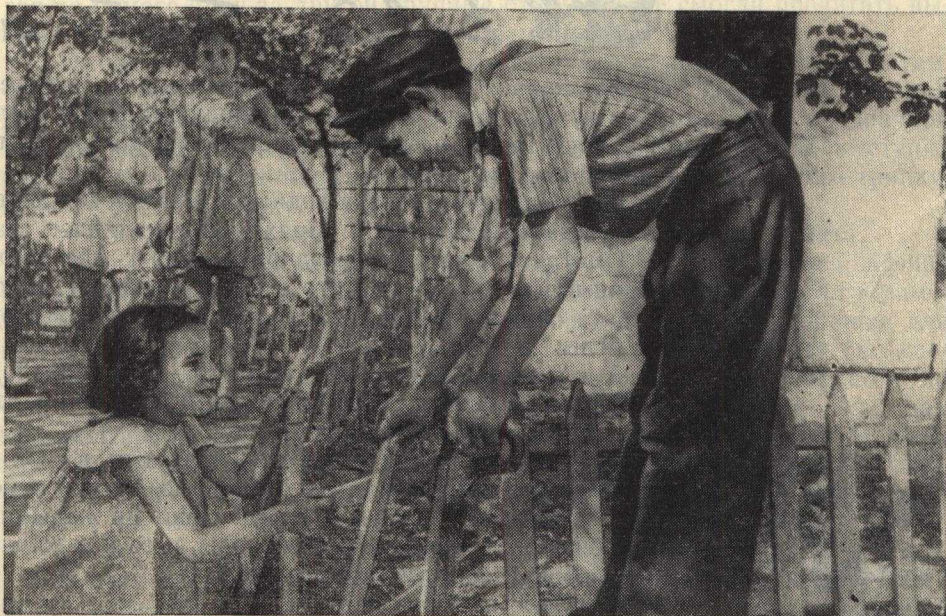
Ребята засмеялись. Слишком непохоже было то, что друзья изображали на своём макете, на запылённый, замусоренный двор, посреди которого они стояли.

— Ну, чего развеселились? — обиделся Завен. — Конечно, наш двор сейчас совсем не такой, как на макете. Но разве это значит, что макет плохой? Двор у нас плохой, а не макет. Двор, значит, и надо переделывать.

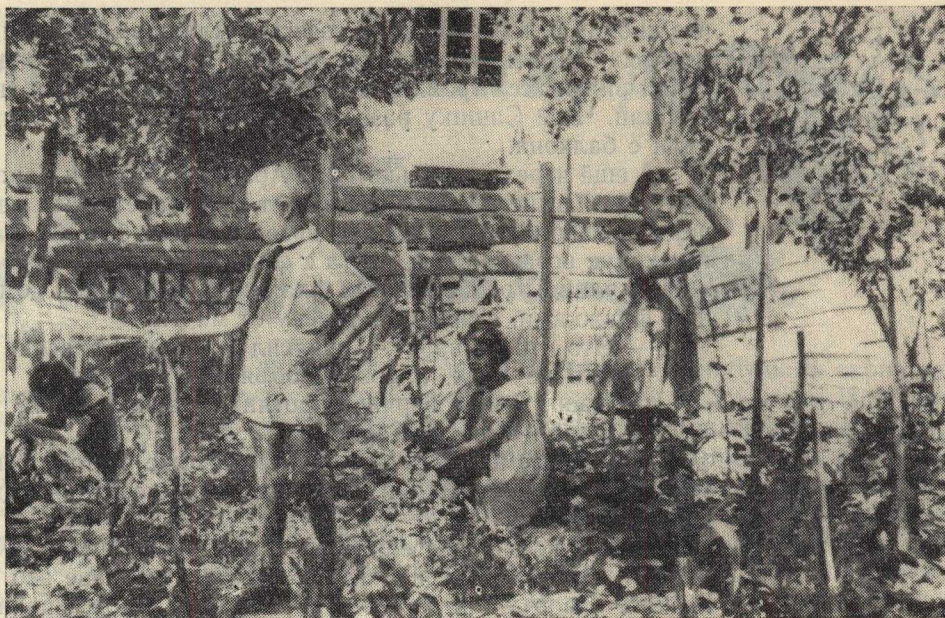
И вот начали переделывать. Помогали, конечно, и взрослые, но в основном почти всё сделали ребята под руководством Арамаиса, Завена и Сергея. Расчистили заваленный камнями бассейн и забетонировали его стенки, подвели к бассейну воду и починили фонтан. Пошли в райсовет и сумели получить сто тридцать саженцев. Потом точно так, как это было на макете, разбили дорожки и вдоль них посадили абрикосы, миндаль и другие деревья.

Соорудили и мачту, самую высокую мачту в городе; построили и домик для штаба. Точно такой, как на макете.

Давно это было. Ещё в то время, когда Арамаис учился в институте, а Завен и Сергей были школьниками. Сейчас Арамаис уже закончил

Забор сломался? Ничего, починим.

За садом надо заботливо ухаживать.

институт и уехал из Еревана. Завен служит в Советской Армии, а Сергей стал студентом геологического факультета Ереванского университета. А макет, который они когда-то сделали, сохранился. Показывая его гостям, ребята говорят:

— Это наш двор.

И каждый может убедиться, что на макете всё правильно.

Золото Давида Бабасяна

Разве можно, сидя у костра, не вспомнить о лете, тем более, если летом ты путешествовал по родному краю, да ещё с геологическим молотком в руках? Разве можно не вспомнить о том, каким золотоискателем оказался Давид Бабасян?

Это было в тот раз, когда ходили в посёлок Анкаван. Ребята впервые увидели тогда, как залегают в горах медь и молибден. Да и не только это...

— Смотрите, смотрите! — закричал вдруг Арам Григорян, когда отряд поднимался в гору. — Кто-то в землю иголки воткнул!

Ребята обступили Арама. В самом деле, в земле торчали тонкие блестящие иглы.

— А здесь стекло, — заметил кто-то. — Откуда оно, Серёжа?

И Сергей Карапетян объясняет своим спутникам, что это не стекло и не иголочки, это горный хрусталь.

Ребята берут образцы и бережно прячут их в свои рюкзаки. Нелегко ходить по горам под жарким солнцем, но если в тебе вспыхнул азарт охотника за камнями, тут уже не замечаешь ни жары, ни ссадин, ни усталости. Ребята разбрелись по склону горы, и то и дело слышится:

— Серёжа, посмотри, что я нашёл!

И вдруг громкий возглас:

— Золото! Ребята, золото!

Давид Бабасян кричит и машет руками. Все бросаются к нему. У ног Давида действительно рассыпан золотой песок. Под лучами солнца сверкают миллионы драгоценных крупинок.

— Золото!

Подходит Сергей. Берёт в руки горсть блестящего песка. Улыбается.

— Не хочется вас разочаровывать. Но это, ребята, не золото. Это мелкий порошок молибдена и чёрной слюды.

Ребята с недоверием и с надеждой смотрят на Сергея: может быть, он ошибается?.. Может быть, это всё-таки драгоценный песок?..

Нет, Сергей не ошибается. Не зря он учится в университете. Ну, ничего, во всяком случае, надо захватить с собой хоть немного этого удивительного песка. Ребята так и делают. И даже не смеются над ошибкой Давида. Пожалуй, каждый на его месте мог ошибиться...

Да, об этом нельзя не вспомнить. А раз вспомнили, надо сразу же договориться и о том, когда можно будет заняться коллекцией. Образцов за лето собрано много. Надо всё это систематизировать, разместить в коробках и на стендах так, чтобы гипс был отдельно, горный хрусталь отдельно, гранит отдельно и «золото» Давида Бабасяна тоже отдельно.

Завтра же после школы займёмся этим делом, решают ребята.

Вот это чудеса!

В школе сейчас многие удивляются: с чего это вдруг все ребята из дома № 41 заинтересовались химией? А ничего удивительного нет. Если бы вы побывали во дворе в тот запомнившийся всем вечер, вам тоже захотелось бы записаться в химический кружок.

Даже начинался этот вечер необычно. Вышла к столу Светлана Межлумян, ткнула зажжённой спичкой в чистый лист бумаги, натянутый между двумя палками, и тотчас побежал по листу быстрый огонёк, выжигая на бумаге одну за другой крупные буквы. И все смогли прочитать выжженную надпись: «Вечер фокусов и загадок».

Потом Светлана взяла другой лист бумаги и показала его ребятам, чтобы все могли убедиться, что он совершенно чист. Подошёл Согомон Маркарян, взял пульверизатор и обрызгал весь лист какой-то прозрачной жидкостью. И опять произошло «чудо». На бумаге отчётливо выступил рисунок: большой длинноухий заяц. Светлана взяла «волшебную» тряпку, провела ею по рисунку, и заяц исчез бесследно.

— Объясни, объясни, в чём дело! — просят Светлану ребята.

И она охотно раскрывает секрет всех «чудес». Оказывается, афиша была написана заранее раствором селитры. Раствор высох и стал незаметен, но для огня след селитры — всё равно, что проторённая дорожка для путника. Огонь бежит по ней и пишет всё, что нужно. А рисунок был сделан крахмальным клейстером. Высохнув, он тоже стал незаметен на белой бумаге. Но стоило обрызгать лист слабым раствором иода, как крахмал посинел и рисунок ярко выступил. В «волшебной» тряпке тоже, конечно, нет ничего волшебного. Это самая обыкновенная тряпка, которой без труда можно стереть с бумаги сухой клейстер, и лист снова становится чистым.

— Вот это чудеса! — восклицает кто-то. —

А пока Светлана раскрывала «секреты», у Валико Манукяна уже всё было готово для продолжения вечера. Вот на столе лежат небольшой прямоугольный лист бумаги, две спичечные коробки и медный пятак.

— Кто сумеет,— предлагает Валико,— построить из этой бумаги такой мост между двумя коробками, чтобы он выдержал тяжесть пятака? Задумались ребята. То один попробует, то другой,— ничего не выходит. Прогибается бумага: слишком тяжёл пятак. Наконец, Сашик Шагинян догадался. Он берёт бумагу, сгибает её продольные края под прямым углом и так, буквой «п», ставит на края коробок. Кладёт пятак: «мост» свободно держит его.

А вот Согомон положил на острие иголки, воткнутой в стол, сложенный уголком листик бумаги и накрыл всё стаканом.

— Кто, не сдвигая стакана с места, заставит бумажку вращаться на игле? — спрашивает он ребят.

Цолак Мнацаканян подходит к столу и начинает изо всех сил дуть на стакан. Бумажка, конечно, остаётся неподвижной. Ребята смеются. Как же выполнить задание? Оказывается, всё очень просто. Гарник Шагинян берёт шерстяную тряпочку, трёт ею стакан, и на глазах у ребят бумажка на кончике иглы начинает вращаться.

Кого-то из ребят зовут домой. Уже поздно, но расходиться не хочется. Может быть, ещё какие-нибудь чудеса покажут юные химики и физики, организовавшие этот вечер. Но те складывают своё немудрёное оборудование, и Светлана говорит:

— Хотите увидеть «чудеса»? Приходите к нам в кружок.
И ребята приходят.

Концерт по заявкам

Что можно сделать, если в вашем распоряжении есть и приёмник и репродуктор? Можно включить одновременно и приёмник и репродуктор? Можно, но не нужно. Зато можно сделать так: включить вилку репродуктора в гнезда приёмника, предназначенные для адаптера. Что тогда получится? Очень интересная штука. Репродуктор будет работать, как микрофон. Правда, не очень чувствительный, но микрофон. А приёмник будет служить усилителем. Если поставить репродуктор в домике штаба, а приёмник вынести во двор, то можно устроить самый настоящий радио-концерт по заявкам, в котором будут участвовать лучшие артистические силы двора.

Так и делают ребята из дома № 41. Радиоконцерты во дворе пользуются огромным успехом. Да оно и понятно. Одно дело, когда, например, Люся Мкртчян поёт просто так, стоя посреди площадки, и совсем другое дело, когда та же Люся поёт по радио и её голос слышен на всех этажах и даже на улице.

Послушать концерт по заявкам собираются и ребята, и их старшие братья и сёстры, и родители. Родители также дают свои заявки. Их просьбы, конечно, всегда выполняются. Вот только однажды был не совсем обычный случай.

— Внимание! Внимание! — раздался из приёмника громкий голос. — Говорит радиостанция дома № 41 по улице Налбандяна. Начинаем концерт по заявкам. Мама Ромэна Арутюняна просила нас передать песню «Ленинские горы» в исполнении Люси Мкртчян. Вы слушаете нас, мама Ромэна Арутюняна?..

Мама, конечно, слушала.

— К нашему большому сожалению,— продолжает голос из приёмника,— мы не можем исполнить вашу просьбу, потому что сегодня утром Ромэн подрался с Люсей Мкртчян.

Во дворе раздаётся дружный смех и тут же строгий женский голос:

— Ромэн, а ну-ка иди сейчас же домой!..
Но такие передачи бывают редко. Обычно концерт по заявкам проходит гладко, и все остаются довольны.

Ветка АБРИКОСА

Если тебе одиннадцать или двенадцать лет и ты, проходя мимо чужого сада, увидел свешивающуюся через забор абрикосовую ветку со спелыми плодами и смог удержаться от соблазна сорвать их,— честь тебе и слава. Ты человек с большой силой воли. А вот Нунуш Алпенян силой воли похвастаться не могла. Она так любила абрикосы, что если на её пути к дереву стояло препятствие вроде забора, она смело преодолевала это препятствие и добывала свои любимые плоды. Но, хотя смелость — такое качество, которое заслуживает всяческой похвалы, хозяева садов почему-то никогда не хвалили Нунуш.

А Сергей Карапетян каждый раз, когда узнавал, что Нунуш опять побывала в чужом саду, отчитывал её и наедине и при всех ребятах. Но пользы от этого было мало...

Что делать с девочкой? Думали, думали ребята, наконец придумали.

Пожалуй, не меньше, чем походы за чужими абрикосами, Нунуш любила мирное занятие — вышивание. Она была в кружке рукоделия и не пропускала ни одного занятия. Однажды ребята задумали устроить выставку рукоделий. А чтобы на выставке не оказалось похожих друг на друга работ, решили заранее договориться, кто что будет вышивать. Одной девочке досталось вышить на красном фоне золотой пионерский горн, другой — вазу с цветами, третьей — барабан с палочками. А Нунуш должна была вышить... ветку абрикоса.

Узнав об этом, Нунуш задумалась, а потом попросила:

— Можно, я что-нибудь другое вышию?

— Нет, нельзя,— ответили ребята.

— Тогда я ничего не буду вышивать.

— Как хочешь. Не будешь в выставке участвовать.

Нунуш принялась за работу. Несколько раз ей хотелось бросить начатое рукоделие, да ребята не позволяли. А Сергей Карапетян как-то спросил:

— Неужели вышить абрикос труднее, чем достать его из чужого сада?

Нунуш покраснела и быстрее задвигала иглой.

Наконец открылась выставка. Здесь были и цветы, и горн, и барабан с палочками, и ветка абрикоса. Посетители выставки — а их было немало — осматривали экспонаты и обязательно останавливались около зелёной ветки с золотистыми, спелыми плодами.

— А почему Нунуш стала вышивать именно абрикосовую ветку? — спрашивали некоторые.

— Да так,— отвечали ребята. — Просто ей захотелось...

Ветка абрикоса — не настоящая, а вышитая на лоскутке, — хранится сейчас у Нунуш дома, напоминая девочке о том времени, когда она не могла равнодушно пройти мимо чужого сада.

* * *

Горит костёр во дворе дома № 41 по улице Налбандяна. Тесно окружив своего вожак студента Сергея Карапетяна, сидят у этого костра весёлые, хорошие ребята, выдумщики, работяги, друзья...

Голубой Стрелы

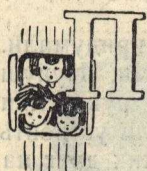
(Продолжение)

Джанни Родари

Рисунки А. Брея.

Глава XIV

Сердца трёх Марионеток

Пассажиры Голубой Стрелы огорчённо смотрели друг на друга.

— Бедный мальчик! — вздохнул Машинист. — Что же с ним случилось?

— Сколько мы проехали, и всё без толку! — добавил Начальник Станции.

— Тысячи бродячих китов! — послышалось ворчанье Полубородого Капитана. — Мы думали, что прибыли в порт, а на самом деле снова находимся в открытом море.

Куклы выглянули из окошек и вышли из поезда, но тут же вскочили обратно в вагоны, чтобы не промочить ноги в снегу.

Лошади ковбоев топтались на месте.

— Нам ничего не остаётся, как вернуться в лавку Феи, — грустно прошептал Начальник Станции.

— Никогда! — решительно воскликнул Полубородый. — Скорее я буду плавать в луже или сделаюсь пиратом!

— Что же вы предлагаете?

— Я уже сказал: что касается меня, то к хозяйке я не вернусь.

Серебряное Перо вспомнил о списке, который он взял у служанки Феи. Он вытащил список из кармана и принялся изучать его.

— Здесь есть много Франческо, — сказал он.

Перед пассажирами Голубой Стрелы сверкнул луч надежды.

— А наш здесь есть?

— Нет. Здесь много других Франческо и много Пьеро, Анн, Марий, Джузеппе.

— Все эти дети не получают подарков от Феи, — прошептал Полубородый. — Кто знает! Может быть... Правильно я говорю?

— Да, — неохотно согласился Начальник Станции, — я понял, что вы хотели сказать. Если мы не найдём нашего Франческо, то можем осчастливить других детей. Что скажет на это Серебряное Перо?

Старый вождь ещё никак не мог понять, что в мире есть много мальчиков по имени Франческо и большинство из них остались без подарков. Может быть, он думал, что в мире существует только один Франческо или, по крайней мере, два: богатый и бедный. А тут в одном списке бедняков оказалось так много Франческо, что только, чтобы перечислить их всех, нужно кончить по меньшей мере третий класс начальной школы.

— Как много Франческо! — продолжал повторять он. Казалось, только сейчас он обнаружил, что мир такой большой. А ведь они всю ночь кружили по городу, видели тысячи домов с тысячами окон...

— Мы ходить искать все Франческо, — сказал наконец Серебряное Перо.

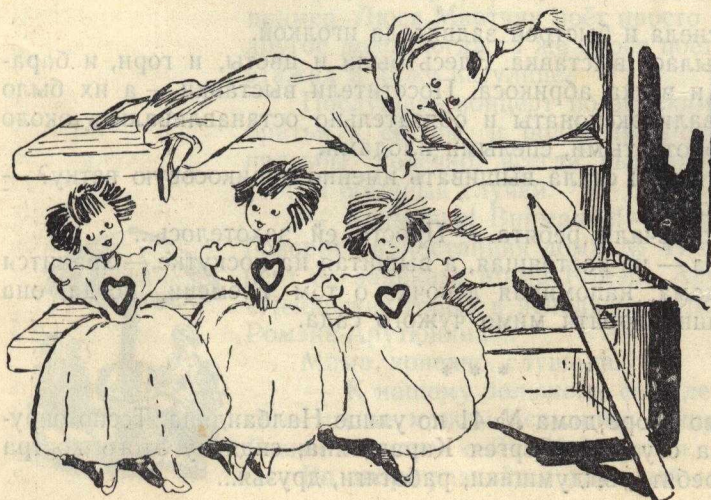
— Все по вагонам! — закричал Начальник Станции.

Но в этой команде уже не было необходимости: все пассажиры и без того сидели в вагонах, тесно прижавшись друг к другу, чтобы согреться.

Три Марионетки мёрзли за троих и так сильно стучали зубами, что в их купе никто не мог уснуть.

— Нельзя ли потише? — ворчали пассажиры. — Разве вы не видите, что мы устали и нуждаемся в отдыхе? Сердца у вас нет!

— Да, у нас нет сердца, — грустно ответили три Марионетки.

— Ах, оставьте ваши шутки!

— Это не шутки, у нас действительно нет сердца. Мы сделаны из дерева и из папье-маше. Если бы у нас было сердце, нам не было бы так холодно.

Из коробки карандашей наружу выскочил Красный.

— Я позабочусь об этом,— сказал он. И тремя штрихами он нарисовал сердца на платьях трёх Марионеток. Получились три чудесных красных сердца. Они были немножко кривые с одной стороны и такие большие, что занимали всю грудь.

— Готово,— удовлетворённо объявил Красный Карандаш.

— Спасибо,— поблагодарили три Марионетки.

— Лучше вам теперь?

— О, гораздо лучше! Мы теперь чувствуем тепло на груди, под сердцем.

А через несколько минут они почувствовали тепло в ушах, в руках и в ногах,— словом, в самых отдалённых от сердца местах, где холод особенно мучает бедных людей.

— Теперь мы совсем согрелись,— сказали три Марионетки.— Как хорошо иметь сердце!

И, довольно поглядывая на грудь, где три больших красных сердца сверкали, как медали за отвагу, они спокойно заснули.

Тем временем Голубая Стрела медленно двинулась вперёд. Дорогу паровозу указывал...

— Кнопка! — скажете вы.

Нет, друзья, вы ошиблись. Кнопка не поехал. Кнопка остался на пороге дома Франческо, своего Франческо.

— Я не пойду с вами,— робко сказал он,— я хочу найти Франческо.

— Но ведь их так много!

— Я знаю, но я хочу отыскать нашего.

Верный маленький пёсик печально смотрел на удаляющуюся Голубую Стрелу.

Перед паровозом ехал Мотоциклист, который держал на руле, как на попугае, список с адресами детей.

— Счастливого пути! — чуть слышно крикнул Кнопка. Но никто его уже не слышал.

Глава XV

Что случилось с Франческо

Бедный Кнопка! Конечно, он не мог знать, где Франческо. Разве только я сказал бы ему это на ухо. Я единственный человек, который это знает, потому что я выдумал эту историю. Я могу отправить Франческо, куда захочу. Могу заставить его спать или бодрствовать, могу посадить его на верхушку самой высокой башни или заставить ехать в автомобиле.

Так где же Франческо?

Лучше сказать вам об этом, и прежде всего я должен признаться, что обманул вас. Это неправда, что я выдумал Франческо. Франческо существует на самом деле; сейчас он уже вырос и, мо-

жет быть, даже не помнит о своих приключениях в ту новогоднюю ночь. Но я помню, что в то время Франческо было десять лет, он учился в четвёртом классе, а после уроков продавал газеты.

Свой маленький заработок Франческо должен был приносить домой.

Его отец болел, а мать работала прислугой у богатых синьоров.

За несколько дней до Нового года отец умер. Франческо и его матери пришлось переехать, потому что их комната стоила слишком дорого. Они погрузили свои скудные пожитки на тележку и отправились на окраину города, туда, где стояли деревянные бараки с окнами без стёкол, заклеенными старыми плакатами.

А знаете, почему Кнопка не мог найти следов Франческо? Потому что мальчику пришлось выбросить свои старые башмаки и надеть башмаки отца. Они тоже были старые, но пока ещё не совсем развалились. Ноги Франческо так свободно болтались в них, что туда могли поместиться вдобавок ноги обоих его братьев.

Впрочем, даже если бы Кнопка каким-нибудь чудом отыскал в этот вечер новый дом Франческо, этот старый, полуразвалившийся деревянный барак, наши друзья и там не застали бы мальчика. Дело в том, что Франческо нашёл себе новую работу. Он поступил в маленький кинотеатр, где в перерывах между сеансами продавал зрителям конфеты. Кинотеатр закрывался довольно поздно, после полуночи, но Франческо оставался там ещё на целый час, чтобы подмести пол, заваленный окурками и конфетными обёртками. После этого он пешком возвращался через весь город домой.

Понимаете теперь, почему Франческо приходил утром в школу рассеянный и сонный?

— Франческо, — строго говорил иногда учитель, — ты сегодня не умывался, вот почему тебя клонит ко сну. Ступай немедленно приведи себя в порядок.

Франческо вставал и выходил из класса, не глядя на товарищей, которые посмеивались за его спиной.

Он скорее умер бы, чем рассказал им о своих несчастьях. Он был горд! И никто даже не подозревал, что этот худенький и бледный мальчуган с огромным растрёпанным чубом содержит на свой заработок всю семью. Ведь сейчас, когда умер отец, мама не могла оставить двух младших братьев на целый день одних и зарабатывала гораздо меньше.

Теперь вы знаете, кто такой Франческо. Но вы ещё не знаете, что случилось с ним в новогоднюю ночь.

Окончив работу, Франческо возвращался домой. Вдруг он почувствовал, как чья-то рука зажала ему рот, а другая обхватила шею. В тот же миг его втащили в подъезд.

Чей-то голос произнёс:

— Он маленький, сможет пролезть.

— Сейчас увидим, — шепнул второй голос.

Голоса звучали как-то приглушённо. Когда глаза Франческо немного привыкли к темноте, он увидел, что на незнакомцах были надеты чёрные маски, закрывавшие верхнюю часть лица. Франческо сразу понял, что это бандиты. Как раз сегодня он видел таких же на экране кино.

Но что хотят от него эти типы?

Один из них всё ещё зажимал ему рот, Франческо не пытался даже укунить его. Всё равно ему одному не справиться с двумя мужчинами.

Один из воров показал Франческо узенькое окошко.

— Видишь?

Франческо кивнул.

— Мы никак не можем открыть дверь магазина. Полезешь в это окошко и отопрёшь нам изнутри. Понял? И смотри, не устрой с нами какую-нибудь хитрую шутку, а не то поплатишься за это!

— Лезь, нечего терять время! — прервал второй вор.

Франческо попытался вырваться, но сильный удар кулака посоветовал ему успокоиться. Ничего не оставалось делать, как повиноваться.

Один из воров подхватил его и поднял на высоту окошка.

— Оно слишком узкое, — попытался возражать Франческо. — Я не пролезу.

— Сначала просунь голову. А где пройдёт голова, там пролезет и туловище. Быстрее!

Приказание сопровождалось новым ударом, на этот раз по ногам.

Франческо просунул голову в окошко. Внутри было темно. Они сказали, что это магазин. Интересно, какой магазин?

Франческо скользнул вдоль стены и добрался до пола.

Несколько секунд он стоял неподвижно, пока свистящий шёпот одного из воров не сдвинул его с места.

— Что ты там делаешь? Шевелись! Дверь направо. Там должен быть засов. Если он не открывается, подойди к шторе и приоткрой её. Шевелись, ты, улитка!

Франческо шагнул вперёд и провел рукой по стене. Вот дверь. Он почувствовал пальцами холодный металл засова, нашёл ручку и уже хотел было открыть дверь, как вдруг его осенила мысль.

«Здесь я в безопасности, — подумал он, — здесь они не поймают меня. Не буду я открывать дверь. Ворам поневоле придётся уйти, чтобы на них не наткнулся ночной патруль».

Из окошка до него донёсся приглушённый голос одного из воров, приказывавший ему поторопиться. Но Франческо не шевельнулся. Он даже улыбнулся.

«Хоть лопните от злости! — говорил он про себя. — Вы не сможете проникнуть сюда. Вы же сами сказали, что не пролезете в окошко».

Но тут другая мысль пришла ему в голову:

«Воры-то уйдут, а как я выйду отсюда? Если я захочу вылезти, меня поймают. Подумают, что я вор. Кто поверит, что воры насильно протолкнули меня в окошко?»

Выход подсказали ему сами воры. Внезапно он услышал, что они осторожно постучали в дверь.

— Открой, — прошептал прерывающийся от злости голос, — открой немедленно, а то хуже будет.

«Стучите, стучите, вас услышат и поймают», — подумал Франческо.

И сразу же его осенила новая мысль: нужно поднять шум, разбудить кого-нибудь, поднять тревогу. Тогда все поймут, что он не был заодно с ворами.

Он пересек комнату, наткнувшись в темноте на мебель. Почувствовал пальцами скользкую поверхность витрины, отыскал ручку и открыл окно. Через опущенную штору в комнату ворвался свежий ночной воздух. Франческо закричал и

изо всех сил заколотил кулаками по железному листу шторы:

— На помощь! На помощь! Воры! Воры!

Кто-то торопливо побежал по улице. Франческо удвоил силу ударов и продолжал кричать во весь голос.

Раздался свисток, ему ответил другой. Ночные патрули спешили к месту происшествия.

Франческо продолжал стучать по шторе до тех пор, пока не услышал шаги и грозные голоса:

— Эй, там! Стой, стрелять буду! Ни шагу, или умрёте!

— К счастью, их забрали, — прошептал Франческо, опускаясь на землю.

Через некоторое время кто-то постучал по шторе.

— Есть кто внутри? Открывайте и выходите наружу, всё равно никуда не денетесь.

Франческо поднял штору на несколько сантиметров, и сразу же чья-то сильная рука подняла её до самого верха.

На пороге появился полицейский с пистолетом в руке. Посреди улицы другие полицейские наседали наручники на воров.

— Да это же ребёнок! — воскликнул полицейский, схватив Франческо за плечо.

— Я тут ни при чём! — заборотал Франческо прерывающимся от волнения голосом. — Это они!..

— Ни при чём? А как же ты очутился здесь в такое время? Может быть, ты хотел захватить здесь себе подарочек к Новому году?

Франческо оглядел магазин, освещённый карманным фонариком полицейского, и кровь остановилась у него в жилах. Он узнал магазин игрушек, магазин Голубой Стрелы! Но воры, конечно, лезли сюда не за игрушками, их больше интересовал несгораемый шкаф, который стоял в соседней комнате.

— Я ничего не понимаю...

— Ах, не понимаешь! Может быть, ты пришёл сюда во сне? Пойдём живее с нами, нечего ломаться! Объяснишь всё в полиции.

Прибыла полицейская машина. Франческо посадили вместе с ворами, которые не замедлили отомстить мальчику: несколько раз они больно стукнули его локтями в грудь.

— Ты тоже не отвертись! — прошипел один из бандитов. — Мы скажем в полиции, что ты был вместе с нами. Даже скажем, что это ты указал нам дорогу.

— Эй, вы, потише,—приказал один из полицейских,—а то я прикажу защитить вам рот!

— Синьор,—взмолился Франческо,—я не виноват! Я совсем не знаю этих людей, клянусь вам!..

— Ладно, ладно. Помолчи. Подумать только, даже в новогоднюю ночь не дают нам покоя!

— Для нас нет праздников,—ухмыльнулся один из воров.—У нас все дни рабочие.

— Ты, наверно, хотел сказать «ночи»,—возразил полицейский.—А сейчас помолчи и оставь свои шутки при себе.

Через полчаса печальный Франческо сидел на скамейке в коридоре полицейского участка.

Он хотел рассказать свою историю, объяснить, как было дело, но никто даже не слушал его. Полицейские были убеждены, что Франческо — вор. Один из них даже стал читать ему нравоучения:

— Постыдился бы заниматься этим в твои годы! Спал бы спокойно и видел бы во сне Фею, а ты грабишь магазины в компании с самыми закоренелыми преступниками города! Если бы мой сын сделал то же самое, я оторвал бы ему уши и надавал бы таких пощёчин, что он забыл бы и думать о таких вещах!

Франческо молча глотал слёзы; они были горькие и солёные.

— Плачешь теперь, как крокодил!..

Другой полицейский был повежливее. Он даже предложил мальчику остатки своего кофе.

Вконец измученный, Франческо прислонил голову к стене и заснул.

Глава XVI

Мотоциклист указывает дорогу

Пока Франческо спит на скамейке в коридоре полицейского участка, склонив голову на грязную каменную стену, у нас есть достаточно времени, чтобы посмотреть, что же случилось с Голубой Стрелой.

Будем надеяться, что её пассажиры, следуя по указанным в списке адресам, без особых происшествий придут к месту назначения. До рассвета было не так уж далеко. Игрушки боялись опоздать и приехать, когда дети выплатят все свои слёзы, не найдя утром подарков Феи.

Мотоциклист несказанно гордился своей новой ролью проводника.

Сидя верхом на седле, крепко держа руками руль, он мчался на полной скорости, бесстрашно преодолевая снежные сугробы, пересекая лужи и попадающиеся на пути дороги. Хитрец оставил открытой выхлопную трубу, и время от времени паровоз Голубой Стрелы окутывался дымом от мотоцикла, что вызывало у Машиниста приступ невероятной злости.

Когда нужно было остановиться, Мотоциклист поднимал руку, и поезд тормозил.

— Мы находимся перед домом Франчески Цеп-полони. Кто сходит?

Куклы устраивали небольшое совещание:

— Пойду я.

— Нет, я...

— Пойдём вместе, так будет веселее. Кто знает, может быть, эта Франческа — плохая девочка!

И всегда оставались вдвоём, чтобы не было так страшно. Осматривали дом (иногда это был бедный, одноэтажный домишко), перед кото-

рым останавливалась Голубая Стрела, просили Мотоциклиста повторить адрес, прощались с товарищами и исчезали в подъезде.

Высидев пассажиров, Мотоциклист нажимал на стартер и отправлялся дальше.

— На следующей остановке живёт Паоло ди Паоло, пятилетний мальчик. Предлагаю подарить ему одну из Марионеток.

— Одну Марионетку? — воскликнули хором три Марионетки, которые любовались из окошка панорамой занесённого снегом города. — Это невозможно. Вы, наверно, хотели сказать «трёх Марионеток». Ведь мы не можем разделиться. Тем более, что теперь у нас есть сердце, вернее, три сердца. Для нас расставание было бы втрое тяжелее обычного.

Кончилось тем, что они все втроём слезли с поезда и, подпрыгивая, направились к указанной двери, не обращая внимания на окрики Начальника Станции, которому не хотелось терять сразу трёх пассажиров. Шли они, конечно, пешком и одновременно поворачивали головы налево, направо, потом опять налево. И если поворачивалась одна Марионетка, то две другие делали то же самое.

— Мальчик будет очень доволен,—говорили они,—с тремя Марионетками он сможет играть в театр. А что бы он делал с одной?

— Хорошо, хорошо, тысяча бесхвостых китов, идите — и счастливого пути!

— Спасибо, синьор Капитан!

Поднимаясь по лестнице, они размышляли: «Мы так будем любить нашего мальчика! Пусть его зовут Паоло, а не Франческо. Мы будем втрое сильнее любить его, потому что у нас три сердца».

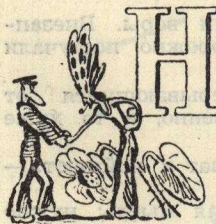
И они горделиво поглядывали на грудь, чтобы убедиться, что их сердца на месте, красные, как вишни, и горячие, как три маленькие печки.

«Если он замёрз, мы согреем его», — думали они о Паоло.

Что за странные мысли! Игрушка, которая греет... А впрочем, ведь согревают не одни только печки. На свете есть много вещей, которые согревают: добрые слова, например, и даже три марионетки, подвешенные к ниточке.

Глава XVII

Полубородый Капитан отправляется в плавание

На следующей остановке сошёл Полубородый Капитан. Вот как это произошло. Мотоциклист поднял руку, и колонна остановилась.

— Дом Марино! Росси,—объявил он, не заглушая мотора.

— Марино? Есть мальчик, которого зовут Марино? — слышался возглас.—Тыся-

ча китов-моряков! Это как раз по мне.

Вы, конечно, узнали голос Полубородого.

— Если его зовут Марино, то ему должно нравиться море. А если ему нравится море, то он

¹ Марино по-итальянски значит моряк, матрос. (Прим. переводчика.)

нуждается в корабле. А если ему нужен корабль, то к его услугам самый быстрый и прочный парусник мира. Друзья, помогите мне снять корабль!

Чтобы пройти в дом Марино, нужно было подняться на три ступеньки. Главный Инженер конструктора выстроил наклонный жёлоб, в жёлоб поставили корабль, и все вместе втащили корабль на порог.

— Спасибо, остальное я сделаю сам,— заявил Полубородый.— А вы идите по своим домам. Мне не терпится посмотреть, что меня ожидает. Ну, двигайтесь дальше, чего же вы ждёте? Тысяча копчёных китов, что вы заснули, что ли?!

Все игрушки высыпали из поезда и грустно глядели на Капитана. Полубородый был дорог всем. Правда, он так ругался всё время, но ведь это не со зла: в сущности, он был добрый человек.

— Мы есть все взволнованы,— произнёс Серебряное Перо, вынув изо рта трубку.

— Взволнованы? Взволнованы? Что такое? Мне незнакомо это слово, и у меня под рукой нет словаря, чтобы посмотреть, что оно означает. А даже если бы у меня был словарь, я совсем не хочу смотреть в него.

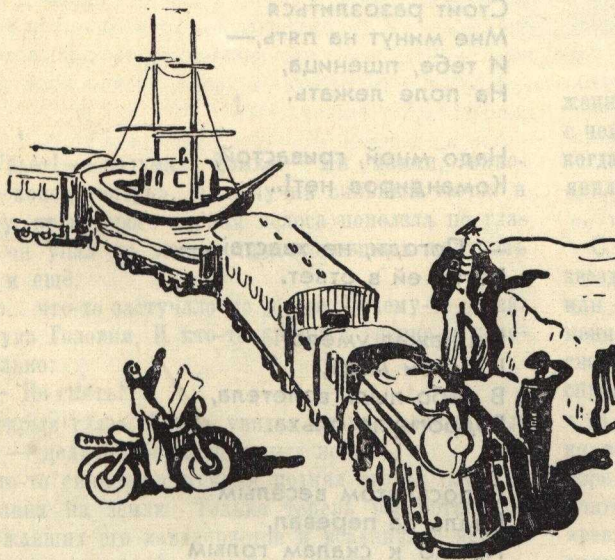
Но в действительности он тоже был взволнован, этот старый морской волк, полубородый командир славного парусника.

— Мы встретимся,— сказал он,— земля вертится, разве вы не учили географию? Только горы остаются на своих местах, а здесь я не вижу гор.

спросил себя Полубородый Капитан. Оставаясь один, он любил беседовать сам с собой. И сам же себе ответил:— Конечно. Хочу посмотреть, что за лицо будет утром у нашего Марино, когда он прибежит сюда умываться. Могу спорить, что он ещё будет совсем сонный. Глаза у него будут слипаться, и сначала он ничего не заметит. Сунет руки в таз и наткнётся на паруса моего трёхмачтовика или же зацепится рукой за верхний мостик. Уж тогда-то он откроет глаза. В этот момент я отдам ему честь и скажу: «Я Капитан Полубородый, мой флот ждёт ваших приказаний».

Бормоча таким образом, Капитан с помощью скамеек, щепок, якорных цепей и так далее поставил свой трёхмачтовик в таз, и тот мирно закачался в нём.

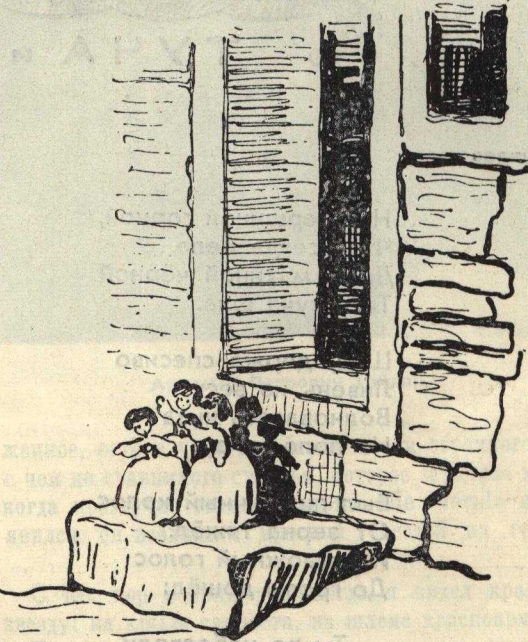
— Наконец-то мы на воде!— удовлетворённо воскликнул Полубородый.— Ночь ясная, снег

Но никто не двинулся с места до тех пор, пока он не вошёл в дом, таща за собой на цепях свой парусник.

Глаза Полубородого привыкли к бурям и тайфунам, и он без труда освоился в комнате, куда попал. Он сразу же заметил то, что ему требовалось: чудесный таз с водой, как раз подходящий для его парусника.

— Таз приготовили, наверно, для умывания?—

падать перестал, время муссонов ещё не наступило, на горизонте нет ни акул, ни пиратов, в ожидании рассвета можно будет немножко вздремнуть.

Так он и сделал.

А при его пробуждении всё произошло так, как он мечтал.

Перевёл с итальянского
Ю. Ермаченко.

(Продолжение следует.)

Р. Рашидов

Над вершиной горной,
Что всегда бела,
Днём махиной чёрной
Тихо туча шла.

Шла, держа спесиво
Ливень на весу.
Волновалась нива
На поле внизу.

Был пшеничный колос
От зерна тяжёл.
И тревожный голос
До грозы дошёл:

— Ты по небосводу
Проходи скорей.
В эту пору воду
На меня не лей.

А не то от боли
Я согнусь в дугу
И подняться в поле
Больше не смогу.

Бросив тень на крыши,
Туча шла на юг
И, спустившись ниже,
Пробасила вдруг:

— Только в чёрных платьях
Я хожу всегда,
А в моих объятьях
Пламя и вода.

Рисунок Ю. Кискачи.

Выпущу на землю
Я стрелу с небес,
И огонь объемлет
Задрожавший лес.

Стоит разозлиться
Мне минут на пять,—
И тебе, пшеница,
На поле лежать.

Надо мной, гривастой,
Командиров нет!..

— Погоди, не хвастай,—
Ветер ей в ответ.

Он нажал умело
На свои меха,
В небо пыль взлетела,
Вздогнула ольха.

С посвистом весёлым.
Вдаль за перевал,
Прямо к скалам голым
Тучу он погнал.

И, взвивая гриву,
Туча, уходя,
Бросила на ниву
Капельку дождя.

Перевёл с даргинского
Я. Козловский.

ВСАДНИК С КРАСНОЙ ЗВЕЗДОЙ

Б. Сарнов

1

«Убьёт! — подумал Димка. — Ни мамки, никого — конец теперь». И, получив сильный тычок в спину, от которого чёрная полоса поползла по глазам, он упал на землю, приготовившись получить ещё и ещё.

Но... что-то застучало по дороге. Почему-то ослабла рука Головня. И кто-то крикнул гневно и повелительно:

— Не смей!

Открыв глаза, Димка увидел сначала лошадиные ноги — целый забор лошадиных ног.

Кто-то сильными руками поднял его за плечи и поставил на землю. Только теперь рассмотрел он окружавших его кавалеристов и всадника в чёрном костюме, с красной звездой на груди...

Прошло, наверно, уже больше двадцати лет с тех пор, как я первый раз в жизни читал «РВС» Гайдара, но и сейчас я отчётливо помню то чувство, с которым прочёл эти строки впервые.

Помню долгое, томительное предчувствие расправы. Помню, что слово «убьёт» возникло в моём сознании раньше, чем я увидел его напечатанным на книжной странице. Помню, как гулко билось моё сердце, словно это не Димку, а меня настиг расшвирипевший Головень. Но лучше всего я помню бла-

Аркадий Петрович Гайдар.

женное, острое чувство облегчения и огромного, ни с чем не сравнимого счастья, которое затопило меня, когда прозвучал гневный окрик «Не смей!» и появился, он, всадник с красной звездой на груди.

С тех пор всякий раз, когда я видел красную звезду: на крыле самолёта, на шлеме красноармейца или просто на алом полотнище нашего флага, — меня охватывало это чувство счастья и гордости за свою страну, на флаге которой знак всего смелого и справедливого — красная пятиконечная звезда.

В то время, когда мне было столько же лет, сколько вам сейчас, ещё свежа была память о грозной поре революции и гражданской войны. Мы любили повторять её необычные, суровые слова: «ревком», «реввоенсовет», «ревтрибунал». Мы и в глаза не видали ревкомов и ревтрибуналов. Но слова эти ещё жили, они не ушли в прошлое, не стали историей, мы слышали их от отцов, и они были так же понятны нам, как само слово «революция», как ежедневно употреблявшиеся слова «Коминтерн» и «Совнарком».

Нам было понятно главное: мир делится на красных и белых. Красные — это наши, свои. Белые — враги: царь и буржуи. Не вполне укладывался в это деление Пётр Первый. Он был царь, — значит, белый. Но мы остро чувствовали всю незаслуженность такого оскорбления и утешали себя тем, что

белым был царевич Алексей, а Пётр, хоть и царь, конечно, свой, красный.

С пересохшим ртом, глотая слёзы, мы смотрели на экран, где Чапаев в расстёгнутой белой рубашке пел грустную песню «Ты не вейся, чёрный ворон, над моею головой». Мы знали, что уже недалёк тот час, когда раненого Чапая захлестнут тяжёлые волны Урала. Но мы знали, что красные всё равно победят.

Мы играли в красных и белых. Мы прикидывали, как сделать из отцовской шапки чапаевскую папаху, и долгими, завистливыми взглядами провожали мамин театральный бинокль: при случае он вполне мог бы сойти за полевой бинокль Щорса. А если у кого-нибудь дома был настоящий артиллерийский бинокль, настоящая отцовская сабля, слава о таком человеке выходила далеко за пределы двора. Такому счастливцу чаще других выпадала в наших играх почётная роль Чапаева. О нём говорили:

— Это Виталька из Леонтьевского, знаешь? Не знаешь?! У его отца три шпалы! У них дома за кроватью сабля стоит, с меня ростом, ещё с гражданской, серебряная...

Мы назубок знали все знаки командирских различий: кубики, шпалы, ромбы. Мы хвастались друг перед другом:

— Я сегодня иду, а мне навстречу комполка, четыре шпалы...

— Подумаешь, я вчера в трамвае с ромбом видел! Таким похвальбам верили неохотно. Не так это просто было встретить в трамвае живого комбрига. Это было почти так же трудно, как увидеть человека с «взаправдашным» орденом Боевого Красного Знамени на груди.

Мы пели песни о том, что в степи под Херсоном высокие травы и что десять оставшихся гранат не пустяк, о мальчишке — любимце отряда, которого друзья называли Орлёнком, а враги — Орлом, о комсомольце, который, умирая, просил вороного коня передать товарищам, что он честно погиб за рабочих, о том, что мы мирные люди, но и сегодня наш бронепоезд стоит на запасном пути.

Это были хорошие песни. Мы любили в них даже то, что все они были чем-то похожи друг на друга.

Мы любили книги, которые были продолжением наших игр и наших песен.

Читая их, мы не забывали писателей, которые их написали. Мы принимали написанное за действительно происшедшее, а книжных героев — за реально существовавших людей.

Нам важно было, про что рассказывает книга, и совсем не важно, кто рассказывает. Но был один рассказчик, голос которого мы узнавали сразу и безошибочно. Это был Гайдар.

Каждую повесть Гайдара, каждый его рассказ мы читали так, словно это было счастливо найденное продолжение любимой книги.

Бывает, читая книгу, так сроднишься с её героя-

ми, что, когда дело подходит к концу, — даже если это весёлый, счастливый конец, — становится грустно, как при расставании с близкими людьми. Пройдёт время, притупится, забудется эта грусть, и вдруг в какой-то другой книге ты внезапно узнаешь знакомых героев. Двойную радость испытываешь тогда: тут и радость встречи с хорошо знакомыми людьми и предвкушение ещё долгого общения с ними. Вот с таким чувством открывали мы каждую новую книгу Гайдара.

Почему? Ведь книги Гайдара как будто вовсе не продолжают одна другую. О разных, непохожих событиях рассказывают они, и в каждой из них живут другие герои.

Тогда я не понимал, в чём разгадка этой особенности гайдаровских книг, да и не очень задумывался над этим.

2

Гайдар действительно всю свою жизнь писал продолжение одной и той же книги.

Пусть одна его книга написана о гражданской войне, другая — о пионерском лагере в Крыму, третья — о том, как создавали колхоз в далёком селе. Все они говорят об одном.

«...И вдруг как-то особенно остро почувствовал Васька, что... и Алёшино, и новый завод, и эти люди, которые стоят у гроба, а вместе с ними и он и Петька — всё это частицы одного огромного и сильного целого, того, что зовётся Советской страной.

И эта мысль, простая и ясная, крепко легла в его возбуждённую голову».

Это из повести «Дальние страны».

«Школа». Иллюстрация художника А. Ермолаева.

А вот из «Военной тайны»:

«Натка шла... и думала о самом главном: Лётчики летят высокими путями. Капитаны плывут синими морями. Плотники заколачивают крепкие гвозди, а у Сергея на ремне сбоку повис наган...»

И она знала, что все на своих местах и она на своём месте тоже».

А вот из другого, совсем в другое время написанного рассказа — «Чук и Гек»:

«...В далёкой-далёкой Москве под Красной звездой на Спасской башне звонили золотые кремлёвские часы. И этот звон сейчас слушали люди и в городах, и в горах, в степях, в тайге, на синем море. И, конечно, задумчивый командир бронепоезда, тот, что неутомимо ждал приказ от Ворошилова, чтобы открыть против врагов бой, слышал этот звон тоже».

В каждой новой книге Гайдар как бы заново открывает для себя то, что он давным-давно уже узнал и понял, и он ещё и ещё раз просто и прямо говорит об этом читателю:

«Надо честно жить, много трудиться и крепко любить и беречь эту огромную и счастливую землю, которая зовётся Советской страной».

Наверно, это всегда так бывает в детстве: читая книги, думаешь не о тех, кто их написал, а о тех, про кого они написаны. Но почему книги Гайдара были для нас исключением из этого правила?

Писатель показывает нам жизнь и заставляет размышлять о ней. В его книгах живут самые разные люди — добрые и злые, открытые и лицемерные. Он втягивает нас в борьбу, происходящую в книге, заставляя желать победы и счастья одним и опасаться торжества других.

Но бывает и так, что писатель как бы сам становится героем своих произведений. Таких писателей называют поэтами.

Поэт говорит прямо о себе и своих чувствах, о своей любви, о своей ненависти. Он выявляется в стихах весь, со своими взглядами и убеждениями, надеждами, желаниями и слабостями. Он входит в наше сознание не просто как знакомый, о мыслях и поступках которого можно размышлять и спорить, но как бесконечно близкий человек.

Представьте себе, что не сохранилось ни документов, ни воспоминаний современников о Гейне или о Маяковском. Если бы до нас дошли только стихи этих поэтов, мы всё равно знали бы, что это были за люди. И пусть даже по стихам мы составили бы очень приблизительное или вовсе неверное представление об их жизни. Зная их стихи, мы никогда не ошиблись бы, отвечая на вопрос, а как поступил бы в этом случае Генрих Гейне, а как отнёсся бы

«Дальние страны». Иллюстрация художника Д. Дубинского.

к этому Маяковский. Нам нетрудно представить себе каждый их поступок, каждое движение души.

Поэт — это не просто человек, который пишет стихи: это совсем особенный человек. Почти в каждой гайдаровской книжке есть герой, в характере которого видны дорогие Гайдару черты поэта. Таким был худенький, большеглазый Жиган, таким был маленький Гек, у которого не было своей коробочки, который «вообще был разиня, но зато он умел петь песни».

Поэтом был и сам Гайдар, хотя писал он прозу. Недаром свои рассказы и повести он писал, как стихи, и каждую строчку знал наизусть.

Представьте себе, что не сохранилось ни биографии Гайдара, ни рукописей, ни документов, ни воспоминаний людей, знавших его. И мы не знаем, что Гайдар — это совсем не Гайдар, а Голиков, что гайдаром по-монгольски называется всадник, высланный вперёд. Не знаем мы, что в семнадцать лет Гайдар уже командовал отдельным 58-м полком по борьбе с бандитизмом, и никогда не слыхали про то, что на всех своих рукописях в правом верхнем углу обязательно рисовал он красную пятиконечную звезду.

Представьте себе, что мы всего этого не знаем, а знаем только книги Гайдара.

Всё-всё прочли бы мы о нём в этих книгах. И то, что с четырнадцати лет он «ударился навек в революцию» и на многих фронтах воевал «за светлое царство социализма», и то, что в 19-м году видел Ленина на Советской площади в Москве. И даже фамилию его настоящую мы знали бы почти правильно, потому что, назвав героя своей автобиографической повести Гориковым, Гайдар изменил в ней только одну букву.

Всё равно он был бы для нас не только писателем, но и красным командиром, который «любил Красную Армию и думал остаться в ней на всю жизнь», г а й д а р о м — всадником, мчащимся впереди отряда. Ведь не случайно всадник с красной звездой, появившийся в его первой книжке, возникает потом снова и снова в других его книгах. Помните, в «Военной тайне» Натка входит в свою комнату и видит там спящего, ещё незнакомого ей Альку:

«Возле кровати стояла белая табуретка. На ней лежали: синие трусики, голубая безрукавка, круглый камешек, картонная коробочка и цветная картинка, изображавшая одинокого всадника, мчащегося под ослепительно яркой пятиконечной звездой».

И в этой же книге:

«— Владик,— с любопытством спросил Толька,— вот ты всегда что-нибудь выдумываешь. А хотел бы ты быть настоящим старинным рыцарем? С мечом, со щитом, с орлом, в панцире?»

— Нет,— ответил Владик.— Я хотел бы быть не старинным, со щитом и с орлом, а теперешним, со звездой и с маузером...»

В каждой книге Гайдара, помимо всех её героев, всегда есть ещё один, без которого книга не могла бы существовать. Этот герой — сам Гайдар.

Даже самых неповторимых героев гайдаровских книг не всегда узнаешь по случайно подслушанному обрывку разговора, по одной вырванной фразе. А этого героя узнаешь всегда, стоит ему произнести всего лишь несколько слов.

Ведь правда, вы узнаете его голос? Прислушайтесь-ка.

«— Нет,— твёрдо решил я, отбрасывая носком сапога валявшиеся черепки голубой чашки.— Это всё только серые злые мыши. И мы не разбивали. И Маруся ничего не разбивала тоже».

Ни в каких других книжках Гайдара не читали мы ни про Марусю, ни про маленькую рыжую девочку Светланку. Об этих людях и обо всём, что произошло в рассказе «Голубая чашка», мы узнаём в п е р в ы е из этого рассказа. И всё-таки весь рассказ этот от начала до конца воспринимается нами как что-то очень знакомое, как е щ ё о д н а история из жизни давно и хорошо известного нам человека.

Мы знаем об этом человеке всё. Мы знаем, что он любит имя Сергей: в каждом его рассказе есть или

Сергей или товарищ Сергеев, а уж если и не Сергеев и не Сергей, то Серёгин. Мы знаем, что он любит имя Гейка и воинственный клич «Гей-гей!», и мы знаем, что одно из самых его любимых слов — это слово «крепко». Он повторяет его в самых разных и непривычных сочетаниях: «Совсем недавно она крепко обо мне плакала», «Он обернулся, сразу же встал и, крепко обрадованный, пошёл ей навстречу»...

Менялась жизнь, менялись люди вокруг. Менялись герои гайдаровских книг. Но этот герой во всех его книгах оставался неизменно верным себе, своим привычкам и вкусам.

Вот почему каждая книга Гайдара воспринимается как продолжение предыдущей. Вот почему, открывая книгу его, мы словно предвкушали радость встречи с уже знакомым героем.

3

Гайдар был поэтом, и, сравнивая его книги с книгами других писателей, хочется сравнивать их не с рассказами и повестями, а со стихами.

Есть у Некрасова стихотворение, которое, как и многие другие стихи этого поэта, давно уже стало чудесной песней: «Что ты жадно глядишь на дорожку...». В этой песне поётся о крестьянской девушке, которая загляделась вслед быстрой тройке, умчавшейся вдаль. Не догнать тебе бешеной тройки, грустно звучит в ней, не гляди ей вослед, так уж суждено, что настоящая жизнь всегда будет проноситься мимо тебя, не останавливаясь ни на мгновенье.

Когда читаешь «Дальние страны» Гайдара, сначала невольно вспоминается это стихотворение Некрасова. Живут люди на крохотном разъезде, где никогда не останавливаются скорые поезда. Живут здесь и Васька с Петькой и Серёжка. Каждый день подолгу глядят они вслед составам, проносящимся мимо, туда, где идёт настоящая, большая и интересная жизнь.

Но всё стремительно меняется на нашей земле, и оказывается, что незачем мечтать о дальних странах. Настоящая жизнь сама приходит на крохотный разъезд № 216. Большая жизнь с первым большим, настоящим горем и трудным, суровым счастьем.

Подобно тому как Некрасов передал в своём стихотворении щемящее, тоскливое чувство человека, горько сознающего, что настоящая жизнь неизбежно и неумолимо проносится мимо него, Гайдар в «Дальних странах» выразил чувство своего современника.

Одиннадцатилетний Васька первый раз в жизни ощутил себя частицей огромного целого, которое зовётся Советской страной.

«— Петька,— сказал он, впервые охваченный странным и непонятным волнением,— правда, Петька, если бы и нас с тобой тоже убили, или как Егора, или на войне, то пускай?.. Нам не жалко!

«РВС».

Иллюстрация художника Д. Дубинского.

— Не жалко! — как эхо, повторил Петька, угадывая васькины мысли и настроение. — Только, знаешь, лучше мы будем жить долго-долго.

Петьке не стоило большого труда угадать васькины мысли и настроение, потому что те же самые мысли и настроение владели им самим. Точно так же и Гайдар легко угадывал чувства, владевшие его читателями, потому что он чувствовал то же, что они.

Поэт говорит о себе, о своих чувствах. Но если он настоящий поэт, его чувства совпадают с чувствами многих людей. Поэтому другие люди словами поэта выражают свою любовь и ненависть, свою боль и радость.

Для нас, первых читателей Гайдара, маленьких советских людей 30-х годов, его книги были как бы закреплением и подтверждением нашего ощущения жизни.

Часто бывает так: когда-то, в детстве, ты прочёл какое-нибудь слово по-своему. И давным-давно уже тебе объяснили, как нужно его произносить, и ты это усвоил и запомнил, а всё-таки своё произношение кажется и лучшим и, главное, каким-то родным: ты так свыкся с ним, что тебе трудно от него отказаться. Это потому, что первое впечатление — самое сильное. Крепко врезается оно в память, и не так просто вытеснить его другими, более поздними впечатлениями.

Должно быть, поэтому до сих пор, когда я читаю Гайдара, рядом с теперешним, взрослым отношением к его книгам во мне живут и не стираются мои самые первые, детские впечатления, связанные с той или иной страницей, с той или иной строкой.

«Натка услышала тяжёлый удар и, завернув за угол, увидела покрытую облаками мутной пыли це-

лую гору обломков только что разрушенной дряхлой часовенки. Когда тяжёлое известковое облако разошлось, позади глухого пустыря засверкал перед Наткой совсем ещё новый, удивительно светлый дворец...»

Когда я читаю эти строки, мне вспоминается улица Горького, горбатая, булыжная, тогда её ещё чаще называли Тверской. Вспоминается, как она чудесно менялась на наших глазах. Как сносили старенькие двухэтажные домишки, раздвигая и выпрямляя её. Как долго стояла она в лесах, а потом в яркий, солнечный день леса сняли, и мы увидели бьющую в глаза ослепительной белизной облицовку зданий — тех самых, что и сейчас стоят напротив телеграфа с нелепыми статуями на крышах. Тогда они действительно казались нам огромными, светлыми дворцами.

Или вот тоже в «Военной тайне» спрашивает шестилетний Алька:

«— Папа у меня русский, мама румынская, а я какой?»

И устами Натки Шегаловой Гайдар ему отвечает: «А ты? Ты советский...»

Меньше всего мы думали тогда о нациях. Но если бы у нас спросили, какой мы нации, мы, не задумываясь, ответили бы:

— Советской.

Сегодня, когда читаешь Гайдара, он кажется светлым сказочником. Он и начинает свои рассказы так, как обычно начинают рассказывать сказку: «Жил человек в лесу возле синих гор...»

Но в ту пору мы не очень умели отделять сказку от действительности. Жизнь казалась нам самой прекрасной сказкой, а может быть, она и вправду была ею. У нас была такая песня: «Мы рождены,

чтоб сказку сделать былью...» И мы крепко верили ей, как верили всем нашим песням.

Каждый день мы просыпались с таким чувством, словно именно сегодня должно непременно случиться что-то очень хорошее. И действительно, каждый день что-нибудь случалось. Приезжали чудом спасённые челюскинцы, и мы влезали на фонарные столбы, чтобы увидеть, как они медленно проедут по улицам в открытых автомобилях. Передвигали с места на место дома, и мы бегали смотреть, заметно ли их передвижение на глаз. Мы знали наизуток фамилии всех знаменитых лётчиков, и, когда еле видимый глазу самолёт оставлял за собой в синем небе медленно тающий белый след, мы задирали головы кверху, громко дивились, что он летит так высоко, и говорили тоном знатоков:

— Коккинаки пролетел...

А потом, набегавшись за день, мы открывали «Пионер» и читали там в новом рассказе Гайдара: «Прогремел на север далёкий поезд».

Прогудел и скрылся в тучах полуденный лётчик. А жизнь, товарищи... была совсем хорошая».

И не было других слов, которые могли бы лучше выразить владевшие нами чувства.

Не всё было легко и радостно в книгах Гайдара. Редкая книга его, весёлая поначалу, не оказывалась потом суровой, а в чём-то и печальной.

Погиб Чубук, расстрелянный белыми, и не вернуть Бориске этого дня, не поправить свою страшную ошибку, не объяснить Чубуку, что он не предатель, во всю жизнь не забыть его предсмертного плевка. Никогда не вернётся к маленьким, глупым Пашке и Машке их отец Егор Михайлов, убитый кулаками. Не споёт больше свою любимую песню о восставших заводах, о товарищах, которые томятся в тюрьмах и холодных застенках, всадник «Первого октябрятского отряда мировой революции», — такой малыш Алька. И тут тоже ничего нельзя ни вернуть, ни поправить.

Это были честные и мужественные книги. Не для того писались они, чтобы приукрасить жизнь, изо-

бразить её лёгкой и праздничной. И всё-таки, когда мы выросли, жизнь оказалась не такой, как в книгах. Нас ждали в ней другие, не предсказанные книгами трудности и разочарования.

Эти книги не учили нас, как надо поступать в каждом отдельном случае. Да и разве есть на свете книги, которые могут этому научить? Но если мы поступали так, как нужно было поступать, если мы научились отличать сказку от действительности, правду от лжи, если мы умели выбирать для себя, пусть не самый лёгкий, зато самый правильный путь, то это потому, что были в нашем детстве главные слова — «Революция», «Интернационал», — были те, а не другие песни, были знамёна и пионерские костры, и ещё потому, что были они, эти книги.

Очень скоро вчерашние мальчишки и девчонки, зачитывавшиеся «Школой» и «Военной тайной», в последний раз спели на выпускных вечерах песню о бронепоезде, который стоял на запасном пути. Дома их ждали повестки из военкоматов. Началась война. Поколению первых читателей Гайдара довелось принять на себя самый страшный её удар. Это было беззаветное и самоотверженное поколение, и во многом Гайдару оно обязано тем, что было таким.

* * *

Вот ты и дочитал до конца мой рассказ о том, чем были книги Гайдара для нас, его первых читателей.

Ты принадлежишь к другому поколению. Мне тридцать лет, тебе десять, двенадцать или «уже четырнадцать».

Другое время приносит с собой другие песни, другие слова, другие книги. Но есть слова, которые не забудутся, песни, которые не перестанут звучать.

Я не знаю, кто ты, каким вырастешь, что тебе предстоит. Знаю только, что книги Гайдара будут принадлежать и тебе и другим, будущим читателям, тем, которым только через двадцать лет будет «уже четырнадцать».

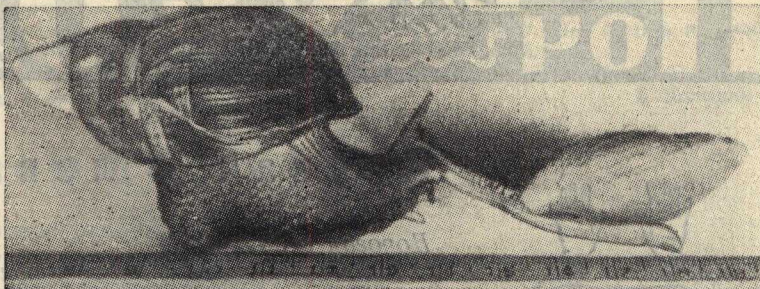

ВОЙНА

С

УЛИТКАМИ

Е. Линник

Хищная улитка нападает на гигантскую улитку из Конго.

СТРАННОЕ ОБЪЯВЛЕНИЕ

«Вы можете стать хозяином ранчо! Для этого вам не нужно покупать землю. Разводите улиток в подвале, на дворе или даже в углу вашей комнаты. Гигантские африканские улитки — это превосходное мясо! Мясо улиток целебно. Оно полезно при сердечных заболеваниях, диабете, язве желудка и многих других болезнях. Сегодня же купите пару улиток для разведения!»

Такие объявления появились в 1935 году в гавайских газетах. Прочитав их, многие жители решили стать «ранчеро».

Предприимчивые дельцы, поместившие это объявление, привезли партию гигантских улиток из Африки. Карантинные инспекторы, обычно строго

просматривающие прибывающие грузы, проглядели улиток. Улитки благополучно были выгружены в Гонолулу и доставлены на ферму, скрытую в тропических зарослях в глубине острова. Здесь они быстро размножились, и их пустили в продажу. Реклама сделала своё дело: покупателей нашлось немало, и «новый вид скота» распространился.

Однако вскоре «ранчеро» обнаружили, что улитки не бог весть какое сокровище. Мясо их не только не было деликатесом, его вообще нельзя было есть. Не обладало оно и лечебными свойствами. Разочарованные «ранчеро» поняли, что ловкие дельцы попросту надули их, и вышвырнули свой «тихоходный скот» в лес.

ГРОЗА ПЛАНТАЦИЙ

Улитки чувствовали себя великолепно на новом месте. Они набросились на пышную тропическую растительность, на плантации сахарного тростника и сладкого картофеля, на огороды. Никаких врагов у улиток на Гавайях не оказалось, и пришельцы размножались чрезвычайно быстро. Вскоре они превратились в настоящее бедствие.

Днём улитки прятались в траве или под комьями земли, а ночью выползали на плантации и объедали, а иногда и начисто уничтожали всходы на полях, выгрызали дыры в листьях овощей, превращая их в решето.

Фермеры переполошились. Улиткам была объявлена беспощадная война. На плантации завезли

опрыскиватели и ядовитые химические препараты. Фермеры перепахивали свои участки, надеясь разрушить подземные убежища вредителей. Кое-где количество улиток уменьшилось, но полностью их не удалось истребить. В течение пятнадцати лет на борьбу с улитками было затрачено восемьсот тысяч долларов, а улитки продолжали преспокойно жить на Гавайских островах. Наконец стало ясно, что ядохимикатами и перепашкой их не уничтожить. Необходимо было найти такого хищника или паразита, который бы уничтожал улиток и в то же время не вредил культурным растениям. А это было не так просто, потому что на Гавайях таких животных не было.

ЭКСПЕДИЦИЯ В ЗАПАДНУЮ АФРИКУ

Гавайский учёный Вильямс решил поехать на родину улиток — в тропические леса Западной Африки, чтобы изучить на месте условия жизни улиток и разыскать их врагов.

Вернувшись из Африки, он привёз с собой хищных улиток «гонаксий» и больших чёрных бабочек «теффлюс».

Наученные горьким опытом, гавайцы не решились выпустить хищников на поля. Кто знает, не набросятся ли они на плантации? «Гонаксий» сначала выпустили на плантации крошечного островка Ай-Джигуан, в Марианском архипелаге.

«Гонаксий» не трогали растений. Полностью уничтожив улиток, они стали пожирать друг друга. В 1955 году восемь тысяч «гонаксий» перевезли на Гавайи.

Обосновались на Гавайях и бабочки. Их хищные гусеницы нападали на медлительных слизней и пожирали их без остатка. Но улиток развелось на Гавайях так много, что эти прожорливые хищники не могли с ними справиться. На помощь им был привезён крупный цейлонский светляк «лампрофорус теневрозис», который тоже оказался врагом улиток. Из Флориды доставили несколько тысяч хищных улиток «ойгландина».

Всех этих хищников выпустили на плантации. Началась жесточайшая война. Хищники нанесли большой урон вредным улиткам, но не уничтожили их.

В ближайшем будущем специалисты по защите растений отправят ещё одну экспедицию в Африку, на реку Конго, на поиски новых врагов гигантских улиток.

Правая и левая

Дорогая редакция!

У меня возник такой вопрос: почему правая рука человека способна всё делать, например: писать, держать ложку во время еды? Отчего некоторые люди всё делают левой рукой?

Очень прошу ответить мне.

Таиса Покришень,
г. Нежин, Украинская ССР.

У писателя Лескова есть «Сказ о тульском косом Левше и о стальной блохе». Ты читала его, Тася? Тогда тебе известно, как тульские мастера-оружейники, чтобы показать своё искусство, подковали заморскую игрушку, заводную блоху, и как самый ловкий мастер по прозвищу «Левша» сделал гвоздики для блошиных подковок. Эти гвоздики простым глазом и увидеть нельзя было, а он на каждом ухитрился поставить своё имя.

В жизни, Тася, довольно часто встречаются люди с той же особенностью, что у героя лесковского сказа. У них левая рука работает лучше, чем правая: она ловчее, сильнее, послушнее. Но большинству людей удобнее и легче работать правой рукой.

Чем же это объясняется? В чём причина?

Ты, конечно, знаешь, что всей жизнью и всеми движениями человеческого тела управляет головной мозг. Он состоит из нервных клеток и нервных волокон. В мозг непрерывно поступают сигналы о том, что происходит внутри нашего тела: в желудке, в сосудах, в сердце, в конечностях, в каждой мышце, на каждом участке нашей кожи. А в ответ на эти сигналы мозг посылает к органам тела свои сигналы: приказы к действию. Как это получается? Давай разберёмся на простом примере.

Представь себе, что ты нечаянно прислонила руку к чему-либо горячему. Тотчас от нервных окончаний, рассеянных в коже, помчался по нервным волокнам тревожный сигнал к головному мозгу. В мозгу этот сигнал приняли чувствительные клетки. Они пришли в возбуждение. Возбуждение мгновенно передалось другим клеткам мозга, управляющим движениями. От них уже по другим волокнам понеслись в обратном направлении к мышцам твоей руки сигналы мозга. Повинуясь этим сигналам, мышцы сократились, и рука отдернулась. Всё это случилось очень быстро, в малые доли секунды. А сколько событий успело произойти! Мы разобрали совсем простой пример. За то же время, пока ты отдергивала руку, мозг успел получить множество других сигналов и послать множество приказов, куда более сложных.

Но на этом простом примере ты можешь понять, как управляет мозг нашими действиями и работой нашего тела.

Каждая клетка головного мозга имеет определённое назначение. Есть клетки, воспринимающие звуковые сигналы, идущие к ним от нервного аппарата нашего уха. Эти клетки расположены по большей

части вместе, в одной области коры головного мозга. Они образуют центр слуха. Клетки, воспринимающие сигналы от глаза, образуют центр зрения. Есть центры обоняния, осязания. Клетки, управляющие нашими движениями, тоже образуют центры. Одна группа клеток ведаёт движениями мышц руки, другая — ноги, третья — мышц шеи, живота, спины.

У нашего тела две симметричные половины, правая и левая, хотя эта симметрия не полная, многие внутренние органы не имеют пары: сердце, печень, желудок. Головной мозг человека и животных тоже состоит из двух половин, из двух полушарий — правого и левого. Каждое полушарие управляет одной половиной тела. При этом нервные волокна идут от правого полушария к левой половине тела, а от левого — к правой. Они по дороге перекрещиваются между собой.

Но мозг, как и все человеческое тело, развивается не вполне симметрично. Двигательная зона одного из полушарий состоит из большего числа нервных клеток, и как раз в этом полушарии с более мощной двигательной зоной расположен очень важный центр, управляющий нашей речью и памятью слов.

Когда мы произносим какое-нибудь слово, хотя бы самое короткое, у нас включается в работу много мускулов: мышцы языка, глотки, рта, голосовых связок. Центр речи передаёт возбуждение двигательным нервным клеткам, управляющим этими мышцами. Но центр речи и памяти слов работает у нас не только, когда мы говорим. Ведь мы думаем словами, — значит, центр речи и памяти слов всё время работает. Возбуждение клеток речевого центра частично передаётся другим клеткам двигательной зоны, причём клетки того полушария, в котором находится речевой центр, возбуждены сильнее. Это возбуждение не настолько сильно, чтобы заставить мускулы двигаться, но оно держит их в состоянии рабочей готовности.

У большинства людей речевой центр и более мощная двигательная зона находятся в левом полушарии мозга. Клетки, ведающие движениями правой руки, более возбуждены, правая рука чаще включается в работу и лучше развивается.

Учёные считают, что у левшей область, ведающая речью, и более мощная двигательная зона находятся в правом полушарии и поэтому у них больше действуют клетки, ведающие движениями левой половины тела.

Здесь мы имеем дело не с уродством, не с болезнью, а с особенностью организма у этих людей.

Однако, кроме расположения центров в головном мозгу, большое значение имеет тренировка. Если левшу с детства приучают работать правой рукой, то у него происходят изменения в деятельности двигательных центров. Такой левша владеет правой рукой так же, как левой, а иногда даже и лучше. Бы-

вает и наоборот: люди некоторых профессий, например, хирурги, должны одинаково хорошо действовать обеими руками. Они достигают этого, упорно тренируя свою левую руку.

Как видишь, наука помогает нам понять причины самых разнообразных явлений.

Б. Володин

Поющие куры

Дорогая редакция!

Меня давно интересует: почему иногда куры поют петухом?

Объясните, пожалуйста.

Николай Пименов, ученик школы № 10
пос. В. Серга, Свердловской области.

Куры действительно иногда поют петухом, но это случается вовсе не часто. Это — явление довольно редкое.

У кур, как и у всех животных и у человека, есть железы, вырабатывающие гормоны, — вещества, которые, поступая в кровь, влияют на другие органы. Например, окошковидная железа, находящаяся на горле, своими гормонами регулирует рост. Некоторые гормоны свойственны только мужскому или только женскому полу. У петухов есть гормоны, которые влияют на его внешний вид: оперение, форму гребня, а также и на его голос.

Но зачатки гормонов мужского типа всегда есть

у представителей женского пола и наоборот. Так и у кур есть зачатки петушиных гормонов.

Бывает, что у некоторых кур этих гормонов вырабатывается больше, чем обычно, особенно в некоторые сезоны года. И вот у кур появляется петушинный голос.

В селе Юрловка, Ливенского района, Орловской области, местные крестьяне, любители петушиного пения, даже вывели породу голосистых кур, которые так и называются — юрловские куры. Все куры этой породы поют петухом. Может быть, и к вам попали юрловские куры?

К. Кочетков

Звёзды и люди

Дорогая редакция!

Я, а наверно, и вы часто видим вечером падающую с неба звезду. Некоторые старые люди объясняют, что в этот момент где-то скончался какой-то человек, что каждый человек, живущий на Земле, имеет свою звезду на небе и, если он умирает, его звезда падает с неба.

Правда ли это?

Миша Сильванович.
Станция Лады.

Поверье, о котором ты спрашиваешь, Миша, очень древнее. Оно возникло в ту пору, когда люди плохо знали окружающий их мир и совсем не представляли себе огромную, безграничную Вселенную, в которой находятся и Солнце, и звёзды, и крошечная по сравнению с ними пылинка — Земля.

Они думали, что над Землёй твёрдый небесный свод, а к нему прикреплены звёзды, вроде блестящих бусинок.

Конечно, звезда-бусинка могла бы оторваться от твёрдого неба и упасть, но ведь на самом деле звёзды не бусинки, а огромные огненные шары, вроде нашего Солнца, и даже больше его. А Солнце во много раз больше Земли. Представь себе полную с верхом тарелку варёного риса. Если ты из этого риса сделаешь шар, то отдельная крупинка риса по сравнению с этим шаром будет, как Земля по сравнению с Солнцем. А на этой крупинке живут два миллиарда людей.

Подумай сам, похоже ли на правду, чтобы огромные огненные шары — звёзды — срывались со своих мест ради такого события, как рождение и смерть человека на Земле.

Кроме того, каждая звезда живёт сотни милли-

ардов лет, а человек только в редких случаях доживает до ста.

На самом деле «падающие звёзды» не звёзды, а маленькие камешки, которых полным-полно в пространстве между планетами солнечной системы и между далёкими от нас и друг от друга звёздами.

Пока эти камешки не пересекут на своём пути земную атмосферу, мы их не видим. А попав в атмосферу, камешек от трения о воздух раскаляется до свечения и испаряется, превращаясь в облачко горячих газов. «Падающие звёзды» правильнее называть метеорами. Для камешка-метеора встреча с земной атмосферой означает гибель.

Но тогда, может быть, это поверье относится не к звёздам, а к метеорам? Может быть, это метеоры «прикреплены» к людям и каждый раз, когда мы видим полёт метеора в атмосфере, умирает человек на Земле? Если бы это было так, то все люди на земном шаре вымерли бы меньше, чем за месяц, примерно за двадцать восемь суток, потому что каждые сутки в земную атмосферу падает больше семидесяти миллионов метеорных камешков.

Е. Владимирова

БУДЬТЕ ЛЮБЕЗНЫ...

К вам пришли гости

Двое туристов, побывавших как-то в Свансии, рассказывали нам о человеке, у которого им довелось остановиться на ночлег. Он не спрашивал своих гостей, хотя бы они есть. Он просто поставил на стол всё, что было в доме. А когда утром гости собрались уходить, он опять же не спросил их, знают ли они дорогу до ближайшего селения. Он просто зашагал впереди по опасным горным тропам.

Путешественники удивились: у хозяина было много работы, зачем же он бросил свои дела и пошёл их провожать?

— Зря удивляетесь, — обиделся вдруг сван. — Не могу я вас одних по опасной дороге отпустить. Случится что-нибудь с вами, и мне позор, и дому моему позор. Вы же мои гости...

Это был настоящий гостеприимный хозяин.

Твоим гостям не грозят, конечно, такие опасности, как тем путешественникам. Но у тебя как у хозяина всё равно много обязанностей.

Вообще задумывался ли ты когда-нибудь над тем, хорошо ли ты принимаешь своих гостей? Не бывало ли такого? Гость предлагает:

— Давай патефон заведём!

А хозяин машет рукой:

— Да ну его! Не люблю я музыки.

Это плохой хозяин. Хороший сделал бы то, что приятно гостю. Даже если делать это не очень хочется.

Или такой случай.

Пришла к девочке подруга. Сели они уютно на диван и давай перемывать косточки своим приятельницам. У одной платёж некрасивое, у другой нос чересчур курносый. Третья — просто воображала.

Ну, что можно сказать об этих девочках? Обыкновенные сплетницы. А может быть, они бы и не сплетничали, если бы хозяйка хорошо принимала свою гостью. Неужели она не могла придумать интересного дела или поговорить с подругой о чём-нибудь более значительном?

И так бывает.

Пришли к тебе гости на день рождения. А ты сел в уголке и весь вечер играешь с одним из гостей в шахматы. Остальные ребята скучают, бродят из угла в угол...

Или так. Пришёл к тебе товарищ. А у тебя на столе лежит коллекция марок.

— Можно поглядеть? — спрашивает гость.

— Отойди, не цапай! — отвечает «гостеприимный» хозяин да ещё для верности отталкивает гостя локтем.

Ты вовсе не хотел сделать своим друзьям ничего плохого и всё-таки обидел их. Вспомни, с того дня рождения ребята ушли почему-то очень рано, а твой приятель больше никогда не просил тебя показать марки, да и вообще перестал к тебе приходить. Почему это? Потому что ты плохо принимаешь своих гостей. Ты нарушил закон гостеприимства, который должны знать и помнить все люди.

К тебе пришёл одноклассник. Он твой гость. Прими его радушно...

На улице к тебе подошёл незнакомый человек и спросил, как пройти на такую-то площадь. Проводи его. Он приезжий, а значит, гость в твоём городе. Твой гость.

Через год к нам на Всемирный фестиваль приедут тысячи юношей и девушек из разных стран. Они гости в нашей стране, а значит, и твои гости. Мы думаем, что ты окажешься хорошим хозяином. Ты украсишь свой двор и свою улицу, вырастишь цветы, разведёшь голубей, приготовишь гостям подарки.

Ты позаботишься о том, чтобы гости чувствовали себя у нас удобно и свободно, как дома.

ЭТО НАДО ЗНАТЬ

Когда к тебе пришёл гость, встретить его приветливо.

За стол хозяин садится первым, но есть он не должен начинать, пока не начнут гости.

Когда хозяин кончил есть, гости думают, что и им пора кончать. Поэтому хозяин не должен торопиться с едой.

Угощай настойчиво, но не очень надоедливо.

Если гость разбил стакан или сломал что-нибудь, не подавай вида, что тебе жалко: гостю и так неловко.

Если среди твоих гостей есть человек, который в твоём доме впервые, прояви к нему особое внимание и предупредительность.

Знакомя двух людей, говорят: «Позвольте вас познакомиться». Представляют всегда младшего старшему, например: «Познакомься, мама, это мой товарищ Вова».

Если ты умеешь петь или играть, не отказывайся, когда тебя просят.

Поменьше говори о себе. Будь внимателен к рассказу гостя.

Если у тебя плохое настроение, постарайся, чтобы гости этого даже не заметили.

Л. Фридман

СПОРТ

МЕЛЬБУРН ГОТОВ К ОЛИМПИАДЕ

Вряд ли вам, ребята, так уж часто приходилось раньше слышать о городе Мельбурне. Разве что на уроках географии. А сейчас о Мельбурне каждый день говорят по радио, пишут в газетах, в журналах. Потому что в этом городе в конце ноября начнутся крупнейшие спортивные состязания — Всемирные олимпийские игры.

Чуть ли не за год до Олимпиады город начал готовиться к приёму гостей. Ведь только участников соревнований сюда приедет семь — восемь тысяч! А ещё тренеры, судьи, туристы...

В Австралии очень любят играть в крикет — это игра вроде нашей лапты. Недалеко от центра Мельбуерна расположен специальный стадион для крикета — «Мельбурн крикет граунд». Стадион находится рядом с большим парком на берегу реки Ярра. И вот этот стадион перестроен, на нём теперь сто десять тысяч мест. Здесь состоится торжественное открытие и закрытие Олимпиады. Тут же будут проходить соревнования по лёгкой атлетике, футбольные матчи. Трибуны стадиона под козырьком, так что зрителям не страшно будут капризы австралийского лета. А лето в Австралии действительно капризно: сорокаградусная жара вдруг сменяется проливным дождём, из Антарктики налетает холодный ветер, а через час — дру-

Главный стадион Мельбуерна.

гой опять сияет солнце. И так несколько раз за день.

То, что придётся иногда выступать под дождём, — это ничего, к этому многие спортсмены привыкли и у себя на родине. А вот приспособиваться к резкой смене температуры куда труднее. Впрочем, австралийцы уверяют, что в ноябре, когда у них наступает конец весны, и в начале лета, в декабре, у них бывает умеренно-жаркая погода, примерно как у нас в Сухуми в марте — апреле.

На Олимпиаде будут проходить соревнования по двадцати одному виду спорта. Поэтому, кроме Главного стадиона, по соседству, в парке, выстроен ещё один стадион меньших размеров; здесь же, в парке, находится пятидесятиметровый круглый бассейн с вышкой для прыжков. А рядом велотрек. Посередине велотрека — четырёхугольная площадка с хорошим газоном. Здесь будут играть в травяной хоккей. Баскетболисты, боксёры, гимнасты, тяжёлоатлеты, фехтовальщики будут соревноваться в разных концах Мельбуерна. И не только в спортивных залах: даже муниципальный совет и городская ратуша отданы в распоряжение спортсменов. В ратуше два зала, и оба они отведены для фехтовальщиков.

Для стрелков отводится армейский полигон на берегу моря; неподалёку, в заливе Порт-Филип, будут проходить парусные гонки. Этот залив хорошо защищён от ветра. Высота волны здесь не превышает девяноста сантиметров. Но даже такая небольшая вол-

на могла бы мешать гребцам. Поэтому соревнования по гребле перенесены вглубь материка, на спокойное озеро. Ту часть озера, где будут происходить соревнования, обсадили камышом, чтобы случайный ветер не мог помешать гребцам.

В пригороде Мельбурна, Гейдельберге, выстроен для спортсменов посёлок «Олимпийская деревня». В нём восемьсот одноэтажных и двухэтажных домов с квартирами в одну — две комнаты. В каждой квартире кухня с газом, ванной или душем. На каждой кухне есть уют. Спортсмены в любое время смогут сами прогладить свою форму.

В посёлке есть тренировочные площадки и беговая дорожка, такая же хорошая, как на стадионе. Обе дорожки покрыты красным шлаком, оставшимся после извержения вулкана Монт Денинд.

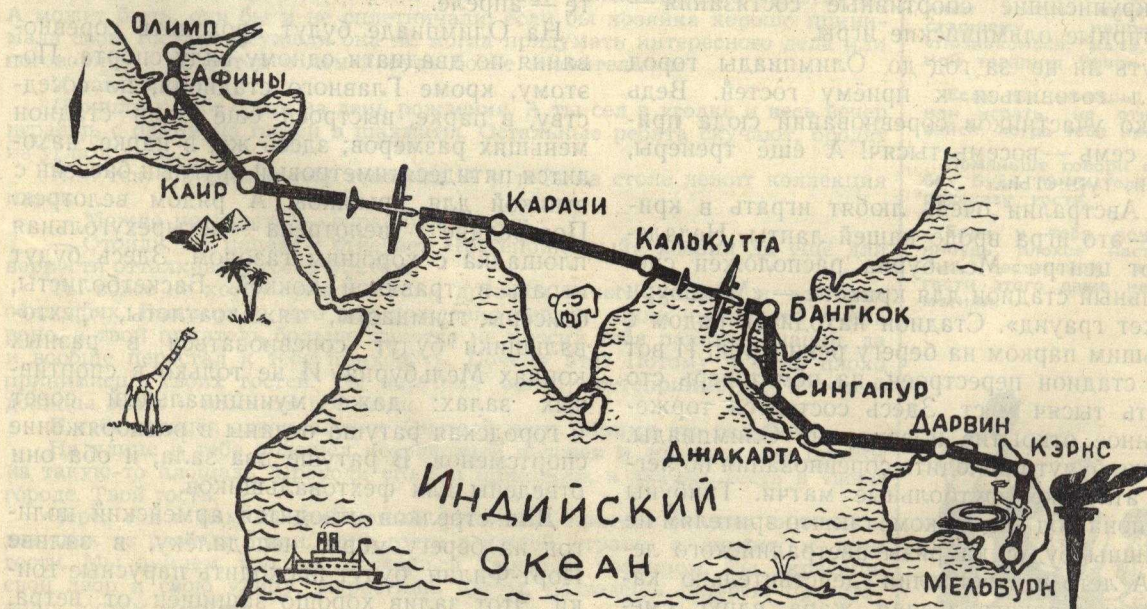
Олимпиада откроется 22 ноября. По обычаю, в Мельбурне будет зажжён олимпийский огонь. Начиная с IX Олимпиады, с 1936 года, этот огонь зажигается на всех Олимпиадах. Зажигают его от факела, который доставляется из Греции, от подножия горы Олимп, где когда-то в древности проходили народные спортивные празднества. Факел по очереди несут спортсмены разных стран, расположенных на пути от Олимпа к тому городу, где проходит Олимпиада. Факел передают как эстафету.

На этот раз олимпийский факел пройдёт самый длинный путь — двадцать тысяч километров. Это расстояние больше половины экватора.

Как же олимпийский огонь будет доставлен в Мельбурн через два океана и несколько морей?

Факел, как всегда, будет зажжён у подножия горы Олимп. Зажгут его от солнечных лучей с помощью увеличительного стекла. Девушки, облачённые в античные одежды, передадут факел бегуну первого этапа эстафеты. Бегун доставит факел в Афинский аэропорт. Дальше факел полетит на самолёте. Перевозка горячего на пассажирских самолётах запрещена, поэтому факел будет прикрыт специальным колпачком, похожим на колпачок шахтёрской лампочки. Самолёт пронесёт олимпийский огонь по маршруту: Афины — Каир — Карачи — Калькутта — Бангкок — Сингапур — Джакарта — Дарвин. Дарвин находится на севере Австралии, далеко от Мельбурна. Поэтому факел и дальше полетит на самолёте, до города Кэрнса, а отсюда его понесут бегуны.

Последним участником эстафеты будет, вероятно, известный австралийский бегун Джон Лэнди. Он вбежит на главный мельбурнский стадион двадцать второго ноября в шестнадцать часов тридцать минут и, сделав круг по стадиону, зажжёт от факела традиционный олимпийский огонь.

Двадцать тысяч километров пройдёт олимпийский факел от подножия Олимпа до Мельбурна. Никогда ещё путь его не был таким длинным.

Отличный бросок! Мяч в ворота не пойдёт.

ПОГОВОРИМ О ФУТБОЛЕ

Ник. Старостин,
заслуженный мастер спорта,
начальник футбольной команды «Спартак»

О «ВАТНЫХ» НОГАХ И СТАЛЬНОМ ХАРАКТЕРЕ

Многие из вас, ребята, наверное, с восхищением наблюдали, как быстро отрываются от противника такие нападающие, как Исаев или Татушин. Защитник может разгадать любую хитрость этих нападающих, может остановить любую обводку, но догнать Татушина или Исаева из всех защитников и полузащитников Советского Союза может, пожалуй, только один — Игорь Нетто.

Правда, быстрота Нетто не так бросается в глаза потому, что, во-первых, Нетто — полузащитник и ему редко приходится бегать с предельной скоростью. А во-вторых, у него длинный шаг, а Исаев и Татушин бегают, как спринтеры, — частыми, короткими шагами.

Скорость для футболиста — очень многое.

Но разве не приходилось вам видеть, как стремительный футболист к концу игры выдыхается, ноги у него становятся «ватными»? Он не может бить по мячу чётко, пружинисто, резко. Игроку не хватило выносливости.

А выносливость футболисту нужна большая. Хороший футболист все девяносто минут игры находится в движении. Если бы он всё это время бежал по прямой, то к концу игры оказался бы за двенадцать километров от футбольного поля. Причём это не бег легкоатлета, которому никто не мешает, а продвижение вперёд сквозь всякие препятствия, чинимые противником. А сколько энергии тратится на радости и огорчения, которых так много бывает в каждом матче!

Как добиться выносливости?

Нет ничего лучше для тренировки футболиста, как занятия лёгкой атлетикой. Александр Дёмин, заслуженный мастер спорта, был выдающимся лег-

коатлетом, а в футбол играл редко. Но когда он выходил на поле, то доставлял много неприятностей противникам ЦДСА — команды, за которую он выступал. И любой футболист — Нетто, Татушин, Симонян — все они прекрасно бегают, прыгают, ходят на лыжах. Все занимаются по утрам зарядкой. Вот почему на восьмидесятой минуте игры удар их так же силен и движения так же точны, как и на первой. Этим летом, во время игры «Спартак» с «Торпедо», Исаев за несколько минут до конца игры сделал резкий рывок к воротам «Торпедо» и забил решающий мяч.

У футболиста должен быть очень сильный характер. Он нужен, чтобы рваться сквозь преграды вперёд, чтобы хладнокровно обводить противника. А сколько выдержки требуется, чтобы спокойно перенести оглушительный свист трибун или их разочарованное «у-у-у»! Здесь ведь мало сохранить невозмутимый вид: надо, чтобы и в душе не погасла вера в себя. Только тогда после ряда неудачных ударов можно всё-таки забить гол даже из самого трудного и невыгодного положения.

Без тренировки мышцы становятся вялыми. Так и характер. Он не может окрепнуть сам по себе: характер надо тренировать.

Пришёл, скажем, спортсмен на тренировку. Смотрит, дождик начинается. Нет, не буду тренироваться. Завтра успею. На завтра пришёл, ударил по мячу да носком бутсы о землю зацепил. Заныла нога в подъёме. Ушёл домой. А потом и в игре: неудача — скис. А ведь волевой человек всегда может «найти игру», подчинить её себе, спасти команду.

Основное для закалки характера — никаких уступок самому себе, своей лени, своей слабости. Не надо жалеть себя. Ведь ты спортсмен, ты сильный и, если захочешь, сможешь всё!

В ЗАЩИТЕ ИЛИ В НАПАДЕНИИ?

Когда ребята у нас во дворе собираются играть в футбол, они каждый раз ожесточённо спорят, кому играть в защите. Все хотят играть в нападении. И иногда, устав спорить, решают: «Будем все в нападении, пусть вратарь защищает». Смешное решение. Какой же футбол без защиты? Защита в футболе, как тыл в армии. Чем крепче тыл, тем крепче армия.

Игра защитников — очень сложное и тонкое дело. Всё здесь должно быть продумано, учтено. Я считаю так: рисковать, обязательно рисковать должны нападающие, изредка полузащитники. А защитники и вратарь — никогда.

Нельзя «водить» мяч в пределах своей штрафной площадки. Нельзя с мячом или за мячом уходить далеко от своих ворот. Нельзя защитникам пытаться забивать голы. За этим, как правило, следует нарушение боевого порядка, разрыв связей. И нельзя ни в коем случае играть напроказ, думая не о команде, а об аплодисментах зрителей. Идёт лёгкий мяч — вратарь делает головокругительный прыжок, эффектно падает и... пропускает мяч в свои ворота.

Каждый защитник должен помнить, что лучшая его помощь команде — это не выход с мячом вперёд, а ноль в свои ворота. Ведь отыграться гораздо труднее, чем выиграть.

Мне кажется, что наиболее благоразумно рекомендовать такую тактику игры для защиты, чтобы в защите всегда было четыре игрока.

Это значит, что один из полузащитников должен играть несколько сзади другого и больше выполнять защитные функции, в то время как другой полузащитник чаще должен помогать своим нападающим.

При таком положении даже если пять нападающих противника сумеют выйти с мячом против четырёх ваших игроков, то эти нападающие не будут иметь явного преимущества и лёгкой возможности забить мяч. В футболе, во-первых, отнять легче, чем обвести, и, во-вторых, сзади ведь имеется ещё вратарь, который, если он опытный и хороший, стóит не

одного, а двух защитников, так как имеет право играть и руками.

А если пять нападающих противника выходят на пять наших игроков да плюс ещё вратарь, тогда вообще никакой угрозы воротам — теоретически — быть не может. Ведь все они — нападающие и защищающие — один на один, то есть все нападающие прикрыты.

Кроме того, в этот момент любой крайний защитник может оставить без опеки своего крайнего нападающего, который мало опасен в такие моменты, и подстраховать центр, то есть выйти на основную прямую, на «зелёную улицу», к воротам, по которой движется угроза. Так здесь создаётся равенство сил и положение, из которого трудно забиваются голы, если, конечно, игроки примерно одного класса, одного уровня.

Если вы внимательно присмотритесь к игре Нетто и Парамонова, полузащитников московского «Спартака», то вы увидите, что Парамонов чаще, чем Нетто, бывает сзади, а Нетто впереди. Такую картину вы заметите и в команде ЦДСА, где Петров, так же как в «Спартаке» Нетто, часто грозит воротам противника, а Гришин защищает свои ворота. В команде «Динамо» (Москва) Царёв — полузащитник так называемой защитной манеры, а Александр Соколов больше впереди.

Правда, иногда, для того, чтобы спутать противника, эти полузащитники меняются ролями. Но это только изредка.

Почему же нападают именно Нетто, Петров и А. Соколов? Потому что так выгоднее для команды: они умеют остро действовать у ворот противника, у них хороший удар, они могут с дальнего расстояния «взять ворота» противника, умеют во-время помочь своим нападающим, а Царёв и Гришин лучше действуют в защите.

Почему впереди должно быть не менее четырёх? Потому, мне кажется, что именно это количество нападающих создаёт реальную угрозу воротам противника по всему широкому фронту поля. Конечно, пять нападающих или шесть нападающих создают большую угрозу, чем четыре. Но ведь нападать в шесть человек целесообразно лишь в какие-то отдельные моменты игры или в такие критические минуты, когда решается судьба матча, а в обычном ходе игры вряд ли целесообразно бросать в нападение такое количество игроков за счёт ослабления своих позиций в центре поля и в защите.

Мы знаем случаи, когда и двое нападающих забивали голы сквозь трёх — четырёх игроков. Взять, к примеру, вторую половину игры московских спартаковцев с «Торпедо» 2 мая 1956 года. Спартак проиграл тогда со счётом 0:2. Однако этот случай объясняется слабой игрой защитников «Спартака» в этом матче. А, как правило, нападать надо всё-таки вчетвером.

НА КОМАНДУ НАДЕЙСЯ, А САМ НЕ ПЛОШАЙ

Футбол — игра коллективная. Но каждый игрок должен уметь принимать самостоятельные решения. Бывают в игре моменты, когда футболисту приходится надеяться только на себя, на точность своего удара. Конечно, не стоит обводить игроков в центре поля, где всегда бывает возможность передать мяч партнёру, находящемуся в лучшем положении. Но вот у ворот надо суметь обвести игрока, сделать заключительный удар по воротам, а не тратить драгоценное время на поиски партнёров, которым можно этот мяч отдать. Так действовали в своё время Федотовы и Бобров, так действует Игорь Нетто.

Победит в этой схватке тот, кто быстрее.

За мяч борются двое. Но остальные не стоят: они ищут выгодных позиций.

Конечно, хорошо рассчитанные и точные передачи нападающих часто вызывают одобрение зрителей, но, говоря по совести, всё-таки мне, да и вам, вероятно, не меньше нравится, когда нападающий самостоятельно «обводит» противника и, прорвавшись, забивает трудный гол.

В футболе существует наказание — одиннадцатиметровый удар без защиты, или, по-английски, «пенальти-кик» — особый штрафной удар.

По теории, пенальти — верный гол, так как вратарь, стоя посередине ворот, длина которых, как вам известно, семь метров тридцать два сантиметра, физически не в состоянии поймать мяч, пробитый точно в угол ворот, на расстоянии полуметра от боковой штанги. Однако в 1939 году вратарь «Спартак» Владислав Жмельков взял все семь пенальти, которые были назначены в ворота команды за сезон. А нападающий «Спартак» Георгий Глазков в том же сезоне забил все пенальти, которые были назначены в ворота противника.

Помимо мастерства, здесь громадное значение имеет и характер. Приведу пример.

В 1938 году в полуфинале «Кубка СССР» московский «Спартак», играя в Ленинграде с «Динамо», при счёте 0:0 за сорок шесть секунд до конца полулучил право на одиннадцатиметровый штрафной удар. Тренер ленинградского «Динамо», ныне заслуженный мастер спорта Михаил Бутусов, перед ударом сказал своему вратарю Кузьминскому: «Глазков будет бить под правую руку низом». Кузьминский из-за этого сдвинулся с центра ворот несколько вправо, создавая впечатление, что мяч, пробитый в этот угол, он достанет. Перед Глазковым открылась левая часть ворот и выбор: бить либо в эту, более открытую часть, или бить своим обычным ударом в нацеленное место, вправо, и, значит, при малейшей неточности позволить вратарю парировать удар. Не скрою, что в этот момент все мы дрогнули. Этим ударом решалась судьба кубка. Не дрогнул лишь Глазков.

Перед самым ударом, выстроившись сзади Глазкова, игроки ленинградской команды громко кричали Кузьминскому: «Держи вправо, он всё равно не забьёт!» Глазков обернулся и с улыбкой спокойно сказал им: «Нет, забью!» И ударил туда, куда бил всегда, то есть в правый угол, — и гол!

С МЯЧОМ И БЕЗ МЯЧА

Игрок должен участвовать в игре не только тогда, когда к нему попал мяч, ведь мяч очень мало находится у игрока.

Спортсмен самого высокого класса за всю игру встречается с мячом в среднем шестьдесят—семьдесят раз и владеет им в общей сложности около двух минут. Лучший венгерский футболист Ференц Пушкаш в одном из матчей распорядился мячом семьдесят четыре раза, а по времени — немногим более двух минут.

У юных футболистов мячи бывают ещё реже. В среднем он владеет мячом за два тайма пятьдесят раз.

Подсчёты показали, что полузащитникам приходится встречаться с мячом чаще, чем нападающим, примерно на двадцать пять процентов. И это понятно: играя в полузащите, футболисты действуют на большом пространстве, и обязанности их разнообразнее.

К защитникам мяч, как правило, попадает значительно реже, да и держат они его меньше, стремясь сразу же послать в поле.

В понятие «время, проведённое с мячом», методисты включают промежуток от момента, когда игрок достигает мяча, и до момента его передачи или потери. Другими словами, полностью учитывается всё время, пока игрок контролирует мяч, а не только секунды непосредственного соприкосновения с мячом. Потому что, ведя мяч, футболист касается его лишь изредка, но всё же ни на мгновение не выпускает его из-под контроля.

Что делать всё остальное время? Играть без мяча. Двигаться по полю, не стоять, пристально следить за игрой и оказаться в острый момент там, где ты больше всего нужен. А получив мяч, дорожи им, но не держи долго, а отдай его туда, куда следует, и знай, что не так-то скоро он опять попадёт к тебе.

Многое из того, что я сказал в моей беседе, можно отнести не только к футболу. Выдержка, выносливость, воля к победе — они нужны каждому спортсмену, независимо от того, какой вид спорта он больше любит: лыжи или баскетбол, греблю или теннис.

В часы

ЗНАКОМЫЕ СТРОКИ

4, 18, 6, 3, 7, 2, 14, 6, 18 — краевой центр в РСФСР.
8, 18, 12, 11, 20, 16 — союзная республика.
9, 10, 7, 6 — вулкан на острове Сицилия.
15, 21, 5, 2, 5 — областной город в УССР.
14, 7, 13, 3, 10, 18 — река, впадающая в Чёрное море.
8, 18, 6, 19 — крупный город в Австрии.

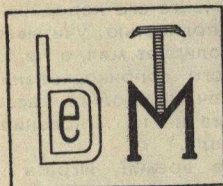
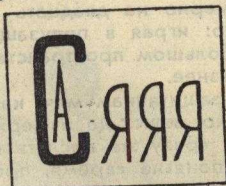
1	2	3	4	5	6	...	4	6	4
	1	7	2	8	2		5		9
10	2	1		11	5	12	4	13	
14	15	16		17	13	18	14	19	6
	18	12	3	3	4	2	8	2	
	3	15	20	15	2	3	21	!	

Заменяя числа в клетках криптограммы соответствующими им буквами, вы прочтёте знакомые вам пушкинские строки. Назовите произведение, откуда они взяты.

Составил Н. Александров.
Село Кормиловка, Омской области.

КАКИЕ СТРАНЫ!

Названия каких стран зашифрованы в этих буквенных ребусах?

Составил В. Садовников.

Редколлегия: Ильина Н. В. (редактор), Каверин В. А., Кассиль Л. А., Орджоникидзе В. Н. (заместитель редактора), Орлов В. И., Поддубная В. А. (ответственный секретарь), Прилежаева М. П., Сотник Ю. В., Тимофеева Г. Я., Шмаринов Д. А.

Адрес редакции: Москва, Д-47, улица «Правды», 24, комната 710, тел. Д 3-30-73.
Технический редактор А. Ефимова.

А 05880.

Подписано к печати 9/X 1956 г.

Форм. бум. 84×108¹/₁₆.

Тираж 300 000 экз.

Изд. № 978.

Зак. № 2725.

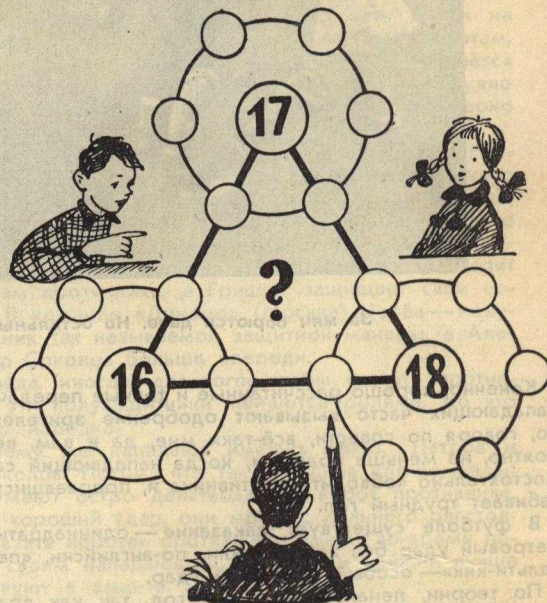
Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина.

АРИФМЕТИЧЕСКАЯ ГОЛОВОЛОМКА

В кружках этой фигуры расставьте недостающие числа от 1 до 21 так, чтобы сумма чисел в каждой из трёх окружностей и на каждой стороне треугольника была равна 60.

Найдите способ решения этой задачи, применяя математический расчёт.

Составил Я. Алексеев.

ОТВЕТЫ

на задачи, помещённые в № 9

НАРОДНАЯ ЗАГАДКА

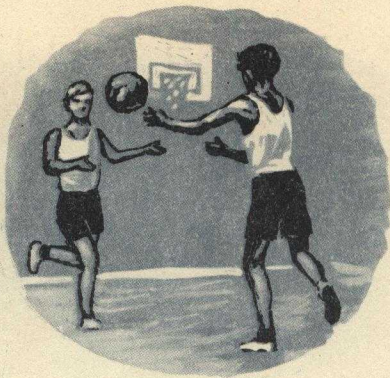
Названия предметов, которые изображены на рисунках, являются словами-омонимами. (Омонимом называется слово, однозвучное с другим, но отличное от него по значению.) Каждому слову в верхнем ряду соответствует один из омонимов в нижнем ряду, например: «журавль» — колодец и «журавль» — птица и т. п. Отбирая рисунки парами в порядке номеров верхнего ряда, вы прочтёте по буквам текст русской народной загадки: Не огонь, а жжётся (крапива).

ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ ЗАГАДКИ

1. Город Зима в Иркутской области.
2. Речь идёт о двух бухтах, имеющих одинаковое название. На берегах бухты Золотой Рог расположен советский город Владивосток; на берегах бухты Золотой Рог в Босфоре расположен турецкий город Стамбул.
3. Арабатская стрелка — песчаная коса, отделяющая Сиваш от Азовского моря.

ВСТРЕЧА

14 августа, вторник.

Задумывались ли вы, ребята, над тем, почему видные мастера спорта обязательно включают в программу своих тренировок так называемые общеукрепляющие упражнения?

Приходилось ли вам слышать о том, что спортивная биография многих рекордсменов начиналась вовсе не с того вида спорта, который потом принёс им славу?

И, наконец, последний вопрос: почему победа в многоборье — состязании по разным видам лёгкой атлетики — считается венцом для спортсмена?

Ответить на все эти вопросы просто: спортивные достижения возможны только для людей выносливых, разносторонне развитых физически.

Значит, неразумно уделять всё внимание какому-нибудь одному виду спорта и пре-

небрегать остальными. Ничего хорошего из этого не получится.

Между тем посмотрите вокруг: сколько ещё ребят «гоняет» целыми днями на велосипеде! Сколько юных футболистов до позднего вечера не уходит с поля, забывая о гимнастике, об упражнениях на турнике или перекладине, о прыжках, о туризме!

Помните: утренняя зарядка, бег, гребля, баскетбол, плавание, катание на лыжах и коньках вовлекают в работу все мышцы нашего тела, оказывают самое благотворное влияние на организм.

Ребята, каждый из вас хочет быть быстрым, ловким, сильным! Для этого нужна разносторонняя физическая подготовка!

Занимайтесь разными видами спорта!

Сдавайте нормы «БГТО» и «ГТО»!

Центральный научно-исследовательский институт санитарного просвещения Министерства здравоохранения СССР

ЗНАЧКИ ПИОНЕРОВ:

Австрии,

Албании,

Бельгии,

Болгарии,

Венгрии,

Демократической
Республики Вьетнам,

Германской
Демократической
Республики,

Италии,

Китая,

Корейской
Народно-Демократической
Республики,

Монголии,

Польши,

Румынии,

Финляндии,

Франции,

Чехословакии,

Югославии.

Часто в письмах ребята спрашивают, какие значки носят пионеры в других странах. Мы даём здесь значки пионеров семнадцати стран.

Так же, как и у вас, на многих из этих значков изображён пионерский костёр. Три языка пламени олицетворяют три революционных поколения: коммунистов, комсомольцев, пионеров.

На значках написаны пионерские девизы. У итальянцев: «Навстречу жизни», у немцев и болгар: «Будь готов», у венгров: «Вперёд». Девиз «Вперёд» — по-венгерски «Előre» — это боевой призыв венгерских революционеров. С ним шли на баррикады в 1848 году. О буре революции напоминает и изображённое на этом значке знамя — оно точно развевается по ветру.

Национальное знамя вы видите на многих значках; это знак верности пионеров родине.

Интересный значок у вьетнамских пионеров. На фоне государственного флага — красного с золотой звездой — изображён побег бамбука. Бамбук растёт быстро и сильно, поэтому он и стал символом пионеров — молодой смены строителей нового Вьетнама. На значках пионеров Албании и Чехословакии изображена книга — знак стремления ребят к знаниям.